

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
ОБСКО-УГОРСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

Т. Г. Харамзин, Т. М. Алгадьева
ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
ОБСКИХ УГРОВ

Ханты-Мансийск
2010

60.522
X20

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ОБСКО-УГОРСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

Т. Г. Харамзин, Т. М. Алгадьева

**ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
ОБСКИХ УГРОВ**

Ханты-Мансийск
2010

УДК 39 (571.1)
ББК 63. 521. (= 665)
Х 20

ISBN 978-5-9611-0038-9

Издание выпущено при финансовой поддержке Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Научный редактор: **А. Н. Силин**, доктор социологических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы, академик Международной академии управления, заслуженный деятель науки РФ.

Рецензенты:

Н. Г. Хайруллина, доктор социологических наук, профессор,
А. Д. Каксин, кандидат филологических наук.

Харамзин, Т. Г., Алгадьева, Т. М.

Х-20 Традиционное мировоззрение обских угров / Т. Г. Харамзин, Т. М. Алгадьева. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ. – 183 с.

Общественное мнение о традиционном мировоззрении народов ханты и манси. Для студентов высших и средних учебных заведений, изучающих вопросы духовной культуры, для широкого круга специалистов, занимающихся проблемами развития малочисленных народов Севера.

ISBN 978-5-9611-0038-9

© Харамзин Т. Г., Т. М. Алгадьева, 2010
© Югорский государственный университет, 2010
© Оформление ООО «Доминус», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Кардинальные российские социально-экономические и политические преобразования последних пятнадцати лет привели к усложнению перспектив развития коренных малочисленных народов Севера – ухудшилось социально-экономическое положение северных этносов, обострились проблемы жизнеобеспечения, сохранения и развития культуры. Актуализировались мировоззренческие проблемы. Важной является проблема единства и многообразия культур, сохранения уникальности способов жизнедеятельности в изменяющемся мире. Особенно актуальна отмеченная проблема для коренных народов Тюменского Севера, располагающих меньшими возможностями для самозащиты и саморазвития.

Утрата социокультурного многообразия не менее опасна по своим последствиям, чем утрата биоразнообразия. Коренные малочисленные народы Севера – составная часть этнокультурного многообразия мировой цивилизации. В современном мире почти нет однопациональных государств, везде существуют сообщества малочисленных народов, вносящих неповторимый вклад не только в региональное, но и общемировое развитие.

Важным социологическим и культурологическим фактом начала нового тысячелетия является осознание человечеством роли северных территорий и проживающих здесь этносов в мировом историческом прогрессе. В настоящее время северные территории становятся глобальной проблемой человечества, что обусловлено их спецификой природно-экологических и стратегических условий. Безопасность северных территорий, их развитие и сохранение от природных, техногенных, социально-экономических, политических и других катастроф является актуальной не только для России, но и Канады, США, скандинавских стран. Поэтому актуальной задачей является поиск путей сохранения и развития традиционной культуры северных этносов, включающей бережное отношение к природе и ее дарам.

Традиционное мировоззрение коренных народов Тюменского Севера оказалось не готовым к тем преобразованиям, которые имели место на протяжении двадцатого века: насильственная

трансформация традиционного образа жизни в ходе коллективизации в 1930–1940-е годы, затем огосударствление в 1950–1960-е годы, а также интенсивное промышленное освоение Тюменского Севера в 1970-е годы, которое в настоящее время стало более интенсивным в связи с развитием рыночных отношений.

В XX веке традиционная культура северных этносов претерпевает серьезные изменения, были запрещены коллективные жертвоприношения, медвежьи игрища и другие общественные действия, связанные с сакральной сферой. Служители культа, которые являлись и хранителями фольклорного богатства народа, были почти уничтожены. Все-таки коренные народы Севера сохранили до настоящего времени фольклор, верования, многие традиции, обряды и обычаи, которые в значительной степени являются определенным фундаментом сохранения их как самостоятельных этносов.

В последнее время проблеме развития и сохранения традиционной культуры коренных этносов Севера уделяется серьезное внимание. Об этом можно судить по ряду резолюций и документов ООН, многочисленных международных, российских и региональных конференций, возрастающему числу научных исследований. Накоплен большой объем статистических и эмпирических данных, характеризующих социально-экономические, политические и культурные процессы на Севере России и Тюменской области. Однако эти данные не позволяют представить перспективы развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проводить последовательную и осмысленную политику, способствующую их развитию.

В связи с этим исследование традиционного мировоззрения коренных малочисленных народов Севера, представляющего существенный аспект их культуры, является актуальным для перспективного развития изучаемых социально-этнических групп. Поэтому в настоящее время, когда сложные социально-экономические и политические процессы повлияли на современное состояние коренных малочисленных народов Севера, необходимо переосмыслить их место и роль в общественном развитии, разработать механизм дальнейшего сохранения и развития культуры северных народов, учитывающей особенности их этнокультур.

Степень научной разработанности проблемы. Приоритет в изучении проблем развития коренных малочисленных народов Севера принадлежит историкам и этнографам. Среди имеющихся исследований следует выделить работы Н. Витсена Н. Спафария, Г. Новицкого, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. И. Георги, В. Ф. Зуева, М. А. Кастрена, А. Регули, позднее Н. Абрамова, О. Финша, А. Брэма, А. Алквиста, Н. Л. Гондатти, С. К. Патканова, Б. Мункачи, К. Папай, А. А. Дунина-Горкавича, Т. Лехтисало, А. Каннисто, И. С. Полякова. Их работы, посвящены описанию особенностей быта северных народов, мифологии и языка, их материальной и духовной культуре. В конце XIX века И. Папай, У. Т. Сирелиус, К. Ф. Карьялайнен после длительных научных экспедиций публикуют материалы о религии, богах, верованиях и ритуалах, погребальном обряде остяков. Они носят в основном констатирующий характер. В начале XX века религиозные функции родовых и фратриальных духов, представления о душе, культе медведя изучали В. Штейниц и В. Н. Чернецов.

Значительное влияние на формирование авторской концепции оказали труды исследователей мифа Л. Брюля, Э. Кассирера, А. Косарева, А. Ф. Лосева, К. Леви-Стросса, Б. Малиновского, Э. Б. Тайлора, С. А. Токарева, А. П. Элькина, а также классиков западной социологии, культурологии, антропологии и этнологии В. Вундта, Э. Дюркгейма, Э. Кассирера Л. Леви-Брюля, М. Мид, Э. Тэйлора, Дж. Фрэзера, М. Элиаде.

Важнейшей составляющей традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера является «картина мира», связанная с признанием сверхъестественного мирового начала и выражаемая преимущественно в эмоционально-образной форме. Интегративные функции картины мира исследовали Б. В. Ахлибинский, Н. В. Блажевич, Б. М. Кедров, В. В. Ким, И. Я. Лойфман. В философских концепциях В. Дильтея, М. Хайдеггера подчеркиваются систематизирующие принципы картины мира. В случаях, когда появлялась необходимость воссоздать представления человека о мире во всей целостности и полноте, термин возникал в рамках культурологических (А. М. Золотарев, А. Я. Гуревич), мифологических (В. Н. Топоров, О. М. Фрейденберг), психологических (К. Г. Юнг, Э. Фромм) концепций.

Важное значение для монографии имели труды философов, социологов и экономистов, в которых проанализированы социальные аспекты жизнедеятельности северных этносов в тесной связи с материальными. Интересный фактический материал и обобщения содержат работы С. А. Арутюнова, Л. С. Богословской, Ю. В. Бромлея, В. И. Бойко, И. И. Крупника, З. П. Соколова, В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной, А. П. Зенько, А. М. Сагаева, В. В. Мархинина, А. В. Головнева, Н. Ф. Прытковой, З. И. Рандымовой, Т. А. Молданова, Е. И. Ромбандеевой, В. Е. Енова, Н. М. Талигиной, М. К. Вагатовой, А. М. Тахтуевой, Т. В. Волдиной, М. А. Лапиной, Т. А. Молдановой, О. М. Рындиной, Е. Шмидт. Экономическим проблемам развития северных регионов посвятили свои работы А. Г. Аганбегян, В. Ф. Бурханов, А. Н. Гладышев, А. В. Куликов, В. М. Куриков, Г. П. Лузин, М. Е. Николаев, С. В. Славин и др.

Особо следует отметить работы, касающиеся социально-философских оснований развития коренных малочисленных народов Севера, в первую очередь о результатах исследований представителей Новосибирской школы этносоциологии и этнофилософии С. Н. Еремина, В. В. Мархинина, Ю. В. Попкова, И. В. Удаловой и др., методологическая специфика которых заключается в комплексности и в ориентации на междисциплинарный характер исследований.

Подход к проблеме изучения традиционной культуры как основы жизнедеятельности коренных народов с позиций одной из областей знания мало оправдывает себя. Решение этой проблемы возможно при междисциплинарном подходе, основанном на системном анализе с привлечением концептуального аппарата социологии, философии, культурологии, этнографии, истории и других дисциплин. Такой подход реализуется в работах В. И. Бакштановского, К. Г. Барбаковой, Е. В. Боголюбовой, Н. А. Балюк, В. В. Гаврилюк, З. Т. Голенковой, Н. Д. Зотова-Матвеева, С. Н. Иконниковой, М. С. Кагана, Л. Н. Когана, А. И. Кравченко, Н. И. Лапина, В. Т. Лисовского, В. А. Мансурова, Ю. В. Попкова, А. Н. Силина, С. Г. Симонова, Н. М. Токарской, Ж. Т. Тошенко, А. К. Уледова, А. И. Шендрика, Н. Г. Хайруллиной, Т. Г. Харамзина и др.

В процессе изучения культуры малочисленных народов Севера сформировались целые научные направления, школы, но до сегодняшнего дня единой концепции не сложилось. Вместе с тем, анализ состояния исследований проблемы показал, что накоплен обширный материал, касающийся различных проблем их жизнедеятельности. Формируется потребность в интеграции и обобщении достижений социальных наук и особенно в усилении мировоззренческо-методологического компонента исследований. Это требует переосмысления методологических приоритетов, социально-философских оснований и социологических ориентиров в исследовании проблем развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера в современных условиях.

В исследованиях подобного рода не предпринималось попыток раскрыть содержание и роль традиционного мировоззрения как основы сохранения и развития культуры северных этносов, а также выявить функциональные связи между традиционным мировоззрением и собственно духовной культурой коренных малочисленных народов Севера. Обращение к практике функционирования духовной культуры исследуемых этносов дает не просто материал к размышлению о развитии современной культуры, но и определенное практическое руководство к действию.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью разработки научной базы формирования приоритетов дальнейшего сохранения и развития традиционного мировоззрения как основы сохранения не только духовной культуры северных этносов, но и дальнейшего развития этих народов. Кроме того, данная проблема является недостаточно разработанной, что определило выбор темы исследования.

Проблема исследования. Основная проблема исследования заключается в раскрытии содержания и роли традиционного мировоззрения как основы культуры для сохранения и развития северных этносов и включения их в активную созидательную деятельность регионального сообщества.

Объект исследования – коренные малочисленные народы Севера.

Предмет исследования – влияние традиционного мировоззрения на развитие культуры коренных малочисленных народов Севера.

Цель – разработать прогнозную модель и механизм сохранения культуры коренных малочисленных народов Севера как основы перспективного развития исследуемых этносов.

Для достижения цели поставлены **следующие задачи**:

- 1) провести теоретическое уточнение и операциональную интерпретацию основных категорий «культура народов Севера», «традиционное мировоззрение»;
- 2) определить социально-историческую детерминацию устойчивых позитивных и негативных тенденций в формировании традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;
- 3) выявить специфические особенности и своеобразные функции, свойственные традиционному мировоззрению коренных малочисленных народов Севера;
- 4) доказать, что традиционное мировоззрение является основой сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, а тем самым их сохранения и развития;
- 5) разработать систему социологического мониторинга для исследования изменений, происходящих в традиционной культуре изучаемых этносов.

Методологическая и теоретическая основа исследования.

Выбор методологии обусловлен рядом намеченных задач и поставленной целью. Наиболее эффективным для подобного рода исследования представляется системный подход, позволяющий рассматривать изучаемый объект как комплекс взаимосвязанных элементов, функциональные отношения между которыми помогает выявить метод структурного анализа.

Основу исследования составили философские, социологические и культурологические труды отечественных и зарубежных ученых, обосновавших наиболее общие закономерности культурных процессов, их историческую обусловленность, зависимость от природно-климатических особенностей среды, этнических, религиозных и других особенностей этносов. Авторы руководствовались социологическими теориями этничности, клас-

сическими и современными теориями системного анализа, логического моделирования этнокультурного развития с учетом исторического, социологического и регионального аспектов, применения монографических и статистических методы.

Выделяя в качестве объекта и предметной стороны исследования этносы и культуры, авторы использовали теорию Л. Н. Гумилева.

Эмпирическая база и методы исследования. В эмпирическую базу работы вошли:

- записки русских и иностранных исследователей Западной Сибири, справочные и библиографические издания;
- законодательные акты Федерального собрания Государственной думы РФ и Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, обеспечивающие правовые основы этнокультурного и социально-экономического развития коренных народов округа; извлечения из общего законодательства, касающиеся данных вопросов;
- данные областного и окружного органов статистики по социально-экономическому развитию коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;
- аналитические отчеты по вопросам этнокультурного развития коренных малочисленных народов ХМАО; отчеты Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск);
- вторичный анализ материалов исследований отечественных и региональных социологов по изучаемой проблематике;
- результаты авторских социологических исследований.

Основные этапы авторских эмпирических исследований

На первом этапе исследования (2001–2002 гг.) авторами проведен анкетный опрос с целью изучения современного состояния и содержания традиционного мировоззрения коренного населения Белоярского, Березовского, Кондинского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В опросе приняли участие 415 человек, среди них 246 ханты, 161 манси, 8 – другие народы Севера (ненцы, коми, зыряне).

На втором этапе исследования (2004–2005 гг.) проведен повторный опрос коренного населения тех же районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры для изучения динамики оценок и мнений, характеризующих современное состояние традиционного мировоззрения исследуемых этносов. В опросе приняли участие 392 респондента, из них 225 ханты, 145 манси, 22 – другие народы Севера (ненцы, коми, зыряне).

На третьем этапе (2005 г.) апробировались индикаторы разработанной системы социологического мониторинга для построения прогнозной модели развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающей дальнейшее их развитие. В опросе приняли участие 160 респондентов, из них 40 % проживают в Белоярском районе, 60 % – в Березовском. Из числа опрошенных 47 % составили мужчины, 53 % – женщины.

Статистическая обработка результатов проводилась с использованием параметрических и непараметрических методов в зависимости от параметров распределения вариационных рядов с использованием статистического пакета SPSS 7.5.

Научная новизна исследования состоит в следующем.

1. На основе исследований показано, что, несмотря на негативное влияние условий технологического и ресурсного освоения региона, у коренных малочисленных народов Севера сохранилось традиционное мировоззрение как основа культуры данного этноса.

2. Подтверждено, что традиционная культура коренных малочисленных народов Тюменского Севера является синкретической, это проявляется в ее целостности, нерасчлененности всех форм бытия; в признании абсолютной равнозначности трех главных средовых составляющих «природа-общество-человек» и в осознании не только материального, но и идеального субстанционального начала «среды», которое определяет ее состояние, устойчивость, изменения и прочие объекты и явления.

3. Доказано, что традиционное мировоззрение остается на обозримую перспективу духовной основой сохранения коренными народами Тюменского Севера традиционной культуры и

образа жизни, что в значительной степени обуславливает их дальнейшее развитие.

4. Раскрыто значение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера для сохранения и развития этих этносов.

5. Разработана система социологического мониторинга для исследования изменений, происходящих в традиционной культуре изучаемых этносов.

6. Разработана прогнозная модель и механизм развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающей дальнейшее развитие.

Теоретическая значимость работы обусловлена новизной и заключается:

- в развитии теоретического уровня современных исследований духовной культуры; в разработке подхода к исследованию традиционного мировоззрения;
- в получении данных для развития таких перспективных научных направлений, как социология духовной жизни, социальная культурология, региональная социология и этносоциология.

Практическая значимость результатов исследования состоит в использовании его материалов в региональных программах развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и вовлечении их в позитивную жизнедеятельность региона.

Результаты исследований апробированы и включены в преподавание учебных курсов по этнографии, истории религий для студентов Тюменского государственного нефтегазового университета, а также могут быть рекомендованы другим российским вузам и средним учебным заведениям для проведения общих и спецкурсов по этносоциологии, этноконфликтологии, этнополитологии.

Апробация и внедрение результатов исследования в практику

Процесс и результаты исследования на различных его этапах сообщались и обсуждались в Тюменском государственном нефтегазовом университете, Обско-угорском институте прикладных

мыкают к движению осевого времени. Доисторические народы того времени, пока они не растворятся в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают.¹

При этом культовая культура синтезировала в себе первичные и неявные трансцендентные ценности, а основу секуляризированной культуры составляли явные ценности. Таким образом, ценностная культура генетически восходит к трансцендентной культуре, порождается ею и оказывается связанной с ее дифференциацией и последующей секуляризацией. О. Шпенглер в «Закате Европы» писал, что культура рождается в тот миг, когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего.² Сходство идей о причинах возникновения культуры находим и у Н. Бердяева.

Сложно организованное существование человека требовало значительного расширения структуры культурных значений посредством включения в них собственно человеческих или относительных ценностей. Н. О. Лосский, разделявший ценности на абсолютные и относительные, относил последние к полноте актуализированного бытия. Понятие производной ценности, по его мнению, легко может быть определено: «Это бытие в его значении для осуществления абсолютной полноты бытия или удаления от нее... В своем значении производные ценности вообще имеют два возможных направления – к осуществлению абсолютной полноты бытия или удаления от нее, поэтому они полярно противоположны, могут быть положительными и отрицательными, первые суть добро, а вторые – зло в широком смысле слова... Бытие не есть только носитель ценностей, оно само, будучи взято в его значительности, есть ценность, оно само есть добро и зло...»³ Следует отметить, что совокупность относи-

¹ Яспере, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Яспере. – М. : Политиздат, 1991. – 229 с.

² Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.

³ Лосский, Н. О. Бог и мировое зло [Текст] / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1994. – 431 с.

тельных и производных ценностей, восходящих к абсолютным ценностям, позволяет взаимосогласовывать между собой смыслы существования людей из разных исторических эпох.

Когда культура начинает оценивать элементы космоса с позиции интересов родового человека и решать за Бога, кому в нем продолжать свое существование, а кто не достоин присутствовать «в мире оживших ценностей» (Дробницкий), культура приобретает демоническую силу. М. Шелер вслед за Г. Зиммелем указывал на имманентную необходимость культуры душить самое себя своим аппаратом и своей объективацией; он проводит параллель между разрушительными последствиями культуры и саморазрушением природы в результате рассеяния энергии и энтропии. Аналогичной позиции придерживался В. И. Вернадский, когда сравнивал мощь антропогенного воздействия на среду обитания человека с мощью геологических процессов в природе.

Окультурив часть животных и растений, одомашнив и очеловечив их, человек стал агрессивно относиться к остальным обитателям животворного космоса, при этом духовный космос превратился в объект покорения. Это означает, как точно отмечает Ю. М. Федоров, что война ведется человеком феноменальным против себя же – человека ноуменального; война, разрушающая глубинную сакральность родового человека.¹ Глобальные разрушения, осуществленные человеком за всю свою историю, представляются авторам как процесс духовного саморазрушения человека.

Характеризуя соотношение символов и ценностей в исторически изменяющемся семантическом пространстве расширяющейся человеческой экзистенции, Ю. М. Федоров выделяет следующие формы культуры: а) трансцендентную, или культовую культуру; б) эвалюативную, или феноменальную культуру; в) квазиэвалюативную, или псевдокультуру, пытающуюся заместить собой культ.²

¹ Федоров, Ю. М. Сумма антропологии [Текст] / Ю. М. Федоров. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – Кн. 3: Антропологическая историософия. – 714 с.
Там же.

В начале человеческой истории культура являлась эвалюативной. В «Философии неравенства» Н. Бердяев писал, что культура родилась из культа. Истоки ее сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной... Культура символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. В культуре не реалистиче-¹ски, а символически выражена духовная жизнь.

При этом Г. Зиммель указывал, что на ранних стадиях развития культуры вообще не существует каких-либо более или менее прочных и длительных, органичных общностей, которые не являлись одновременно культовыми организациями.² Таким образом, запрельные ценности позволяли человеку осознать органическую встроенность своего существования в трансценденцию, повседневной реальности в реальность символическую. Сакральная жизнь создавала культуру в качестве своеобразной экзистенциальной опоры, чтобы человек, отталкиваясь от нее, мог более интенсивно восходить к трансцендентным высотам Духа.³

В качестве философской проблемы возникновение культуры приходится на рубеж средневековья и Нового времени, когда происходит отделение культуры от «культа» и отделение от культуры природы. В итоге обозначились две границы, отделяющие культуру в качестве особого человеческого мира от божественного (трансцендентного) и природного. Таким образом, культура – это все, что помещается между небом и землей, что существует благодаря человеческому разуму, действующему по своим собственным законам. Разум не просто открывает культуру в мире, он и есть культура в ее самом глубоком основании. Культура как разумность человека и есть ее рационалистическая модель, общая всем направлениям классической философской мысли, характерна и для коренных народов Севера.

¹ Бердяев, Н. А. Духовное состояние современного мира [Текст] / Н. А. Бердяев // Новый мир. – 1990. – № 1.

² Зиммель, Г. Избранное : в 2-х т. – Т. 1 [Текст]. Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – 670 с.

³ Федоров, Ю. М. Сумма антропологии [Текст] / Ю. М. Федоров. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – Кн. 3: Антропологическая историософия. – 714 с.

Творчество представителей религиозной метафизики С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина и др. опиралось на ряд подходов, разработанных В.С.Соловьевым. Так, религиозный культ, отмечал С. Н. Булгаков, вообще есть колыбель культуры, вернее, ее духовная родина. Целые исторические эпохи, особенно богатые творчеством, отмечены тем, что все основные элементы «культуры» были более или менее тесно связаны с культом, имели сакральный характер.¹ Сказанное относится самым непосредственным образом к исследуемым авторами северным этносам. Более подробно об этом говорится в следующем параграфе данной главы.

Разрыв между трансцендентальным разумом и жизнью зафиксирован в философии жизни, центральной темой для которой стала тема кризиса – «трагедии», «заката» – культуры, понимаемой как продукт рациональной деятельности человека. При этом культура выступает как порождение жизни и одновременно ее отрицание. Чтобы не иссякнуть вообще, жизнь должна преодолеть тормозящую инерцию этих форм, заменить их новыми, обреченными на ту же судьбу. В этом, согласно Г. Зиммелю, состоит «конфликт» любой и особенно «современной культуры».²

Х. Ортега-и-Гассет предлагает высший смысл жизни искать в культуре. Признавая существование культуры как результат творческого освоения родовым человеком природного и социального мира, он отмечает, что в реальности существует множество культур, отличающихся друг от друга в силу специфики субъектов, их создающих. Как полагает Х. Ортега-и-Гассет, верования представляют собой наиболее глубокий, базисный слой любой жизненной архитектуры. В какую бы эпоху человек ни жил, он живет верованиями, и именно поэтому обычно о них особо не размышляет. Если идеями человек обладает, то верованиями он не просто обладает – он ими является. Он считает, что исследование любой экзистенциальной формы – существование человека, народа, эпохи – должно начинаться с обзора системы

¹ Булгаков, С. Н. Избранные статьи : соч. в 2-х т. [Текст] / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1993. – Т. 2. – 750 с.

² Зиммель, Г. Избранное : в 2-х т. – Т. 2. [Текст] / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – 670 с.

-11918-

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Научно-библиографический отдел

убеждений, в процессе изучения которой необходимо, прежде всего, выявить фундаментальное, решающее верование, поддерживающее и оживляющее все остальные верования.¹ Система убеждений коренных малочисленных народов Севера представлена в следующем параграфе.

В целях исследования рассмотрим концепцию Г. Риккерта, в которой осуществлено разграничение «наук о природе» и «наук о культуре». Бытие в его метафизической трактовке было замещено понятием действительности, освобожденным от рискованного противопоставления «подлинной» и «неподлинной» действительности. Действительность, по Г. Риккерту, – это «изначальная» целостность человеческой жизни. В дальнейшем разум выделяет в ней себя самого – в качестве субъекта – и противопоставляет себя «всему остальному» как объекту. Так, по его мнению, возникает и «изначальный» дуализм понятий «природа» и «культура»: природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и предоставлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности.² Затем природа и культура становятся предметами науки, их корпус составляют научные факты. Природа – это бытие фактов, в которых запечатлены законы; культура – это бытие фактов, в которых запечатлены ценности. В. Виндельбанд и Г. Риккерт рассматривали ценности как нечто абсолютное, универсальное, регулирующее индивидуальную и социальную жизнь. Сущность ценностей учеными виделась в их всеобщей значимости.³

В философию ценностей начала XX в. значительный внесли вклад Р. Б. Перри, Э. Дюркгейм, Ч. Огден, Г. Зиммель, Э. Трельч

¹ Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 80–82.

² Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Г. Риккерт; [Пер. с нем.]. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

³ Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история [Текст] / В. Виндельбанд; [пер. с нем.]. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.

и др. Так, Э. Дюркгейм писал, что ценности, которые некоторыми сторонами производят на нас впечатление навязываемой реальности, в то же время представляются нам реальными вещами, которые мы искренне любим и к которым стремимся.¹ Более всего, по его представлениям, ценность связана с идеалом, но идеал – не воспарение к таинственным потусторонним силам, он заключен в природе и происходит из нее.²

С точки зрения Г. Зиммеля, всякое человеческое творчество есть по своей цели творчество ценностей. «Над миром бытия возвышается мир ценностей, мир, правда, существующий лишь в сфере наших стремлений, наших чувств, дающий совершенно новую классификацию вещей и отношений, чем та, которая соответствует простому бытию, но в то же время то самое бытие получает для нас какое-нибудь значение благодаря ему, миру ценностей... Познание, направленное на сущность ценности, может лишь помочь нам во всякой обширной сфере бытия вскрыть те субстанции, процессы или формы, с которыми ценность неразрывно связана со своими носителями, которые своей величиной указывают величину воплощенной здесь ценности».³

Особое значение для целей авторского исследования имеет методология М. Вебера, основоположника понимающей социологии и теории социального действия, для которого понятие культура – ценностное понятие. Для того, чтобы любой предмет или объект стал феноменом культуры, его необходимо соотносить с теми ценностями, которые значимы для познающего субъекта. Согласно этому эмпирическая реальность есть для нас культура потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями... Культура охватывает те – и только те – компоненты действи-

¹ Дюркгейм, Э. Социология и теория познания [Текст] Э. Дюркгейм // Хрестоматия по истории психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 212–235.

² Кассирер, Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы [Текст] / Э. Кассирер // Культурология. XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 163–212.

³ Зиммель, Г. Избранное: в 2-х т. – Т. 1 [Текст]. Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – 670 с.

тельности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас.¹

При этом ученый установил, что система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей, которая, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и система ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как в социокультурной системе.²

В русской философии проблему ценностей исследовали Б. Вышеславцев, И. Ильин, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, С. Франк и др. В нашей стране проблема ценностей начала разрабатываться в 1960-х годах В. А. Василенко, Э. В. Ильенковым, О. Г. Дробницким, А. П. Тугариновым и др., которые рассматривали ценности как явления природы и общества. Позднее С. Ф. Анисимов, А. В. Гулыга, М. С. Каган, В. Н. Кобляков, Б. Орлов, Э. В. Соколов, Н. Столович, К. А. Шварцман, А. Ф. Шишкин и др. внесли добавления в теорию ценностей – одни стали рассматривать ценность как социальную категорию, применимую к области общественных отношений, материальных и духовных; другие видели специфику ценностей в межсубъектных отношениях.

Одним из первых применил теорию ценностей в социологии Ф. Знанецкий, который считал, что ценности представляют собой различные факты человеческого опыта, через которые можно понять внутренние закономерности развития и функционирования общества. Одновременно Г. Зиммель трактовал культуру как бесконечный процесс возрастания ценностного содержания жизни, а также утонченную, исполненную разума жизненную форму, результат духовной и практической деятельности.³

¹ Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.

² Там же.

³ Зиммель, Г. Избранное : в 2-х т. – Т. 2. [Текст] / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – 670 с.

П. Сорокин в своих работах доказывал, что ценности – это основа всякой культуры. Всякая великая культура, писал он, есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну и главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. Каждая культура индивидуальна, имеет собственные ценности, на основе которых возникает индивидуальный принцип только этой культуре тип личности, обладающей специфическими формами бытия.¹

Авторы монографии разделяют точку зрения, согласно которой ценности являются ядром, сутью, основанием культуры и позволяют увидеть ее изнутри. Поэтому ценности определенной культуры согласуются друг с другом логически и функционально. Они разделяются большинством членов определенного культурного сообщества, воспринимаются ими как «единственно верные», а также передаются от поколения к поколению.

М. С. Каган предлагает рассматривать ценности как сложный продукт культуры, что аксиосфера представляет собой не совокупность ценностей, а целостность, т. е. закономерно сложившуюся в истории культуры систему конкретных форм ценностного отношения человека к миру,² которая включает нормы, идеи, обычаи, интересы, потребности, идеал, значимое, желаемое и должное, побуждение и мотивацию. В ценностях культуры продуцируются, сохраняются, накапливаются, транслируются разнообразные виды духовной деятельности человечества.

Для социолога ценность – это проявление и реализация межсубъектных отношений, поэтому изучение ценностей культуры в социологии связано с анализом деятельности человека, вне которой они не имеют смысла. Решающее значение имеет изучение ценностей с точки зрения содержания человеческой дея-

¹ Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин ; [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова] ; [пер. с англ.]. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

² Каган, М. С. Еще раз о взаимоотношении науки и искусства [Текст] / М. С. Каган // Философские науки. – 1979. – № 2. – С. 37–46.

тельности, влияния на развитие человеческого общества, с точки зрения мотивов, стимулов, внутреннего мира человека. Кроме того, изучение ценностей предполагает и исследование мировоззрения, взгляда человека на себя и свое место в мире; ценности ориентации, установки к действию.

Необходимо сказать, что теоретическая база современной науки о культуре создавалась и отечественными учеными, работавшими в марксистской парадигме или придерживавшимися религиозно-идеалистического направления. Впервые к культурологической проблематике обратились русские философы-идеалисты «серебряного века» В. Соловьев, И. Ильин, Г. Флоровский, Н. Бердяев, В. Розанов, Н. Лосский, С. Франк, В. Эрн, К. Леонтьев, С. Булгаков.¹

В начале прошлого века формируется цивилизационная школа, основателем которой считается Н. Я. Данилевский, сформулировавший ряд положений, составивших квинтэссенцию культурно-исторических типов. Центральной идеей работы Н. Я. Данилевского – культурно-исторические типы, соответствующие типам цивилизаций. Данный подход авторов позволяет подвести все многообразие различных культур, существовавших ранее и известных ныне.

В отечественной науке исследование проблем социологии культуры началось в конце 1950-х годов, когда под культурой понималась совокупность достижений науки, искусства и литературы в соединении с культурно-просветительной работой, основанной на принципе связи культуры и политики как важнейшем принципе социалистической культуры. Основателями советской культурологической школы являются А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, В. С. Библиер, Е. В. Боголюбов, Ю. Р. Вишневский, В. Е. Давидович, М. Т. Иовчук, Н. С. Злобин, С. Н. Иконникова, Г. С. Кнабе, М. С. Каган, Л. Н. Коган, Э. С. Маркарян, В. М. Межуев, В. П. Тугаринов, М. Б. Туровский и др.

¹ Бердяев, Н. А. Духовное состояние современного мира [Текст] / Н. А. Бердяев // Новый мир. – 1990. – № 1.; Лосский, Н. О. Бог и мировое зло [Текст] / Н. О. Лосский. – М.: Республика, 1994. – 431 с.; Франк, С. Л. Реальность и человек [Текст] / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1997. – 479 с.

В советское время предпринимались попытки создать целостное представление о социалистической культуре. Многообразие существовавших трактовок позволило выделить общее: культура рассматривалась в непосредственной связи с деятельностью человека; в центр культурологической проблематики ставилось развитие человека как субъекта исторического процесса; подчеркивался гуманистический характер культуры; признавалась связь культуры с общественным прогрессом.

Согласно единой концепции культура представляет собой характеристику деятельности человека, свидетельствующую о его развитии, об освоении им природных и социальных сил, о преобразовании духовного мира личности. Исторически возникает деятельность, направленная на формирование личности, раскрытие общественной сущности человека, его творческого потенциала.¹ Последняя, по мнению В. С. Семенова, есть собственно культурная деятельность. Трактовка сущности культуры как универсального развития человека согласуется с утверждением субъектно-объектной природы культуры, которого придерживаются многие исследователи.

Авторы монографии отмечают, что наиболее распространенной является трактовка культуры, данная Э. С. Маркаряном, как специфического способа деятельности людей.² Согласно отмеченному определению элементы культуры выступают в качестве специфических средств человеческой деятельности, выполняющих функции ориентации в окружающей среде и ее освоения, коммуникации, регуляции действий в пределах социального целого и т. д.

В концепции Э. С. Маркаряна немаловажную роль играет понятие «социальная система», рассматривая которую как структуру, ученый выделяет социальную организацию (систему взаимоотношений индивидов и групп в процессе их жизнедеятельности), организацию культуры (специфические человеческие способы и средства осуществления этой жизнедеятельности) и организацию самой человеческой деятельности. Из этого следует, что с точки зрения

¹ Каган, М. С. Еще раз о взаимоотношении науки и искусства [Текст] / М. С. Каган // Философские науки. – 1979. – № 2. – С. 37–46.

² Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука [Текст] / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

строения социальная система представляет собой общественные отношения, а с точки зрения функционирования – культуру. Таким образом, общество и культура соотносятся «как выражение двух различных сторон, планов органически единого и генетически одновременно возникающего целого».¹

Следует отметить, что переход к философско-социологическому пониманию изучаемого феномена позволяет осуществить технологическая трактовка культуры. Адаптация, самоопределение человека в мире специфичны и опосредованы ценностным отношением к действительности. Механизм создания и межпоколенной трансмиссии культуры – ценностный; он осуществляется через осмысление опыта и воспитание преемника, способного адекватно освоить имеющийся опыт и трансформировать его согласно постоянно меняющимся природным и социальным условиям. Таким образом, главным звеном в механизме существования культуры является сам индивид со специфическими качествами субъекта, носителя культуры определенного этноса.

Три ряда отношений: человек (общество) – природа, человек (личность) – общество, человек (индивид) – человек позволяют увидеть «развитие человека». При этом ведущими являются взаимоотношения личности и общества, ибо характер общественных отношений преобладает во взаимоотношениях между людьми и отношении человека к природе. Другими словами, по мнению В. М. Межуева, Л. Н. Когана, развитие человека следует рассматривать в контексте общественного развития, когда социальная деятельность человека поднимается до уровня всеобщей, соответствующей нормам и принципам деятельности общества. При этом Л. Н. Коган предлагает рассматривать культуру как творческую деятельность по освоению мира, в процессе которой производятся, сохраняются, распределяются и потребляются социальные ценности и нормы, а также совокупность самих этих ценностей и норм, опредмечивающих творческую деятельность людей.²

¹ Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука [Текст] / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

² Каган, М. С. Еще раз о взаимоотношении науки и искусства [Текст] / М. С. Каган // Философские науки. – 1979. – № 2. – С. 37–46.

Дальнейшее развитие деятельностного подхода к раскрытию сущности культуры нашло отражение в концепции В. М. Межуева, который постулировал неразрывную взаимосвязь четырех социальных феноменов – человека, его личностного начала, деятельности и культуры. С его точки зрения, мир, окружающий человека, есть в полном смысле «произведение» человека и как таковой он есть не столько явление природы, сколько продукт культуры. Таким образом, культура – это не просто сумма вещей или идей, которую можно выделить или описать, а вся создаваемая человеком предметная действительность, в которой мы обнаруживаем, находим самих себя, которая включает в себе условия и необходимые предпосылки нашего подлинно человеческого, т. е. всегда и во всем общественного, существования.¹

По мнению А. К. Уледова, культура, будучи «личностным измерением» общества, человеческим потенциалом, пронизывающим все его сферы, представляет «сквозной срез» социума.² Согласно этому культура делится на материальную, социально-политическую и духовную, что соответствует трем основным сферам жизни общества и основным видам деятельности отношений. Для общественной жизни как целого основополагающим являются материальное производство, экономические отношения, а для характеристики культуры социального субъекта – степень его духовного развития, его духовная культура.

Всякое определение культуры связано с продуктивной человеческой деятельностью, накоплением и передачей жизненного опыта человека. М. Каган выделяет три направления дефиниции культуры: противопоставление культуры и природы, культуры и иной культуры, а также представление о культуре как о некоем «накопителе» человеческого опыта, в рамках которого любая человеческая деятельность и ее результаты получают свое определенное место.

Рассматривает культуру как систему, М. С. Каган применяет к ней как к объекту исследования системный подход. Систем-

¹ Межуев, В. М. Культура как проблема философии [Текст] / В. М. Межуев // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – 13 с.

² Уледов, А. К. К определению специфики культуры [Текст] / А. К. Уледов // Философские науки. – 1974. – № 2. – С. 22–30.

ный подход к изучению проблем, заложенный в ранних работах по социологии (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс), является одним из основных методологических подходов социологии культуры и в настоящее время. Одновременно с принципами системного подхода, в социологии культуры складывалось представление о необходимости изучения в рамках собственного предмета, культуры этносов. С позиций системного подхода воплощенных в нем принципов изучения органического целого культура рассматривается как система с точки зрения ее целостности, структурности, взаимосвязи со средой и иерархичности.¹

Реализация данного подхода М. С. Каган начинает с исследования культуры как системы в составе более широкой системы в качестве которой выступает бытие. Различая три основные формы бытия (бытие природы, бытие общества и бытие человека) авторы полагают, что культура в самом общем, философском плане представляет собою четвертую форму бытия, которая порождена деятельностью человека. Установив место и границы исследуемого явления, М. С. Каган переходит к непосредственному рассмотрению деятельности, совмещая предметную, функциональную и историческую плоскости исследования.

Согласно концепции М. С. Кагана культура есть саморазвивающаяся система, для описания закономерностей прогрессивного развития которой он использует принципы синергетики. Получающаяся при этом картина культурно-исторического процесса отличается от той, которая представлялась сторонникам идеи однолинейного социокультурного развития общества, так и от той, которую представляли сторонники полилинейной эволюции культуры. В предлагаемой авторами модели исторического процесса на каждом этапе истории возникают различные возможности дальнейшей эволюции человеческого общества. Но только одна из этих возможностей – отвечающая «зову будущего» («аттрактору») – ведет к более высокой ступени развития общества. Остальные заводят общество в эволюционные тупики. Таким образом, движение общества «вверх» по ступеням общественного прогресса достигается через шаги, делаемые им на

¹ Каган, М. С. Еще раз о взаимоотношении науки и искусства [Текст] / М. С. Каган // Философские науки. – 1979. – № 2. – С. 37–46.

каждом этапе в разных направлениях. Последовательность наиболее удачных, ведущих к «аттрактору», шагов образует главную магистраль общественного прогресса. Человечество создает эту магистраль – и создает только благодаря тому, что оно постоянно ведет поиск лучших путей развития. Причем для него важен как позитивный опыт (нахождение путей развития), так и негативный (испытание тупиковых путей).¹

Таким образом, культуру необходимо рассматривать как, во-первых, особую сферу и форму деятельности, системы регуляторов человеческой деятельности, несущей в себе аккумулярующий опыт, накопленный человечеством;

во-вторых, специфическую систему норм, ценностей и смыслов, отличающих одно общество от другого, способствующую его интеграции и придающей самобытность;

в-третьих, общий уровень развития общества на пути «от дикости к цивилизованности»;

в-четвертых, сумму общественных достижений, благодаря которым человек выделяется из природы и выходит за рамки биологической детерминации;

в-пятых, духовное измерение всякой деятельности, в которой формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы деятельности.

Представленное понимание культуры, по мнению авторов монографии, обеспечивает наиболее полноценный подход к ее рассмотрению в качестве составной части общего механизма социальной регуляции.

Поскольку авторы в монографии исследуют традиционное мировоззрение как основу сохранения и развития культуры коренных малочисленных народов Тюменского Севера, необходимо рассмотреть теоретические подходы к определению этноса, в нашем случае это – ханты и манси. Автором первого подхода является Л. Н. Гумилев, который рассматривает этнос в качестве природного, биологического явления. Для него этнос социальная группа, так как напрямую с производительными силами он не связан; этнос не раса, так как это не форма общежития, а биоло-

¹ Каган, М. С. Еще раз о взаимоотношении науки и искусства [Текст] / М. С. Каган // Философские науки. – 1979. – № 2. – С. 37–46.

гическая характеристика. Этнос не популяция, этнос – явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос.¹ По его мнению, человек входит в биосферу Земли, становясь ее составной частью, в виде этносов, которые в совокупности становятся антропосферой, или этносферой.

Главной сущностной характеристикой этноса является и способность сознательно и целенаправленно менять условия своего существования. Эта способность человека может стать, с одной стороны, благом, с другой стороны, злом. Другой сущностной характеристикой этноса является его тесная связь с энергией. Как часть биосферы Земли, этносы должны участвовать во всех биосферных процессах.

Для характеристика этноса Л. Н. Гумилев важным считал использование системного подхода, в соответствии с которым весь мир рассматривается как совокупность систем – множества внешне и внутренне упорядоченных элементов. Ученый считал, что этнос – закрытая система дискретного типа, он получает заряд энергии в момент пассионарного толчка и, растратив его, либо переходит к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части. Именно так существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющей себя всем другим аналогичным коллективам на основе дихотомии «мы» – «они». Указанное противопоставление является механизмом, посредством которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру. При этом объединение людей в этносы происходит по принципу комплиментарности – установления отношений взаимной симпатии с одними людьми и взаимной антипатии с другими, – осуществляющегося неосознанно. Чувство комплиментарности, по его мнению, является также важной характеристикой этноса.

Согласно второй концепции, разработанной Ю. В. Бромлеем, человечество, будучи единым целым в биологическом отноше-

¹ Гумилев, Л. Н. Этносфера: История людей и история природы [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.

нии, развиваясь по общим социальным законам, вместе с тем распадается на множество исторически сложившихся общностей, среди которых особое место занимают этносы, представляющие особую форму человеческой групповой интеграции и отличающиеся от других общностей чрезвычайно устойчивыми связями и отношениями, сохраняющимися при различных формах социальной организации. Этнос (этническая общность) – это особый исторически возникший вид социальной группировки людей, особая форма их коллективного существования. Такая общность не зависит от воли отдельно входящих в нее людей и способна к устойчивому многовековому существованию.¹ К этому очень абстрактному определению Ю. В. Бромлей добавляет определение этноса в узком смысле, который в этом случае называется этникосом: исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознание), фиксированным в самоназвании (этноним).

Следует отметить, что при этом общность территории, выступив как условие формирования этноса, не является строго обязательным фактором последующего воспроизводства этноса, поскольку территориально разобщенные группы этноса могут длительное время сохранять свои специфические черты. Например, миграция ханты и манси за пределы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в последние четыре десятилетия позволила многим из них сохранить традиционное мировоззрение как основу культуры данного этноса и самосознание своей этнической общности.

Следуя Ю. В. Бромлею, этнос – это только та совокупность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является самоназва-

¹ Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография [Текст] / Бромлей Ю. В. – М.: Наука, 1973. – 284 с.

ние (этноним).¹ Этническое самосознание членов этноса, сформировавшись в ходе этногенеза, выступает как важнейший организующий и объединяющий фактор этнической принадлежности и как сила, объединяющая членов одного этноса и противопоставляющая их в этническом отношении с представителями другого этноса.²

Характер этноса в значительной степени определяется социально-экономическими условиями его жизнедеятельности. Термин «этносоциальный организм», введенный Ю. В. Бромлеем устанавливает связь этноса с исторической стадией его развития в первую очередь с общественно-экономической формацией. Этносоциальный организм есть ядро этноса, проживающего в условиях того или иного социума. Внешние социально-экономические, естественно-географические и другие факторы действуют таким образом, что могут изменять отдельные этнические характеристики.

Для авторов монографии важно отметить, что в качестве организующего фактора этноса выступает эндогамия, когда самовоспроизводство этноса обеспечивается преимущественным заключением браков внутри этноса и, как следствие, передачей новому поколению родного языка, системы социально-культурных ценностей, традиций и т. п.³

Авторская позиция более близка концепции Л. Н. Гумилева, согласно которой этнос – явление географическое, связанное с кормящим и вмещающим его ландшафтом. Различие между традиционным природопользованием коренных малочисленных народов Севера и хозяйственной деятельностью современного общества в значительной степени связано с разными представлениями людей о природе и месте в ней человека. Эти различия заключаются в том, что человека современной цивилизации окружает общество, а природа является окружающим его миром. Человека, принадлежащего к традиционной культуре, какими являются ханты, манси, ненцы и другие народы Севера, наследовавшего более древние представле-

¹ Там же, с. 30–31.

² Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1981. – 390 с.

³ Там же.

ния о мире, окружает природа, и его жизнедеятельность тесно связана с природным комплексом.

С. А. Токарев выделил социальные маркеры, на которых основывается этническая общность (происхождение, язык, территория, государственная принадлежность, экономические связи, культурный уклад, религия), исторически обусловленное соотношение между которыми порождает этническое самосознание, посредством последнего субъективно определяется этническая принадлежность группы.¹

Авторы монографии анализируют динамику мнений респондентов о социальных маркерах, на которых основывается этническая общность (происхождение, язык, территория, государственная принадлежность, экономические связи, культурный уклад, религия), исторически обусловленные соотношением, которое порождает этническое самосознание, посредством последнего субъективно определяется этническая принадлежность группы (табл. 1.1).

Особенности этноса, как было отмечено выше, отражаются на его культуре. Определив подходы к «этносу», проведем небольшой анализ взаимоотношений этнической общности и культуры. Эти взаимоотношения зависят главным образом от специфики этнической общности. По сравнению с другими социальными субъектами этнические общности являются главными субъектами культуры и основными создателями культурного фонда человечества. Многообразие культур в мире связано с народами, которые являются исторически первыми субъектами культуры, поскольку изначально культура человечества существовала в виде культур локальных обществ – традиционных культур.

¹ Токарев, С. А. Ранние формы религии [Текст] / С. А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.

Таблица 1.1
Динамика мнений респондентов об этнодифференцирующих и этноконсолидирующих признаках национальности, в процентах к общему числу ответивших¹

Признаки	Признаки			
	этнодифференцирующие		этноконсолидирующие	
	1999	2005	1999	2005
Государство, в котором мы живем	12,8	9,9	7,4	2,5
Язык, на котором говорим	22,2	22,1	22,0	22,2
Историческое прошлое	21,0	13,6	19,1	10,2
Народные традиции и обычаи	29,4	24,5	27,8	20,0
Особенности поведения	4,1	5,8	6,0	11,3
Особенности национального характера	5,2	7,1	9,7	9,5
Религия	2,7	6,1	2,8	9,8
Внешность	1,6	6,8	4,1	11,3
Конфессиональное единство	0,0	1,0	0,1	0,4
Общность календарных обрядов	0,1	1,7	0,3	1,4
Другое	0,9	1,4	0,2	1,5

Культура по утверждению С. А. Арутюнова является важнейшим признаком локального социума, поскольку, во-первых, именно в культуре этноса наиболее адекватно отражаются особенности его истории, его образа жизни. Культура воплощает в себе своеобразие жизнедеятельности этноса и отличие его от

¹ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе [Текст] / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.

других. Во-вторых, культура органично вплетена в жизнедеятельность этноса. Сквозной характер культуры, в силу этой своей специфики тесно связанной с отдельными сферами и с образом жизни как таковым, проявляется на более глубоком уровне: в культуре фиксируется полнота своеобразия жизнедеятельности этноса и ее типологические черты. Тесная связь культуры и образа жизни этнической общности (хозяйственные занятия, природно-экологические условия существования, уровень социально-экономического развития и т. д.) закрепились в синтетическом понятии «хозяйственно-культурные типы». Под ними понимаются «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне социально-экономического развития».

Своеобразие природных условий, обусловленная ими комплексность хозяйства и связанный с ними облик культуры позволяет относить аборигенные народы Севера к разным хозяйственно-культурным типам. Хозяйственно-культурный тип функционально связан с понятием «национальной культуры».

В-третьих, культура как интегральное качество этнической общности отражает полноту, типологические характеристики и систему жизнедеятельности этноса – сложноорганизованное, упорядоченное целое.

Анализируя структуру культуры, Ю. И. Мкртумян выделил четыре основные сферы в инфраструктуре культуры этноса: культура первичного производства, культура жизнеобеспечения, соционормативная и гуманитарная культура.² Согласно данной классификации, Н. Г. Хайруллина включила в инфраструктуру культуры ханты и манси следующие составляющие. В культуру первичного производства входит система средств освоения и переработки соответствующих компонентов природы. Инфра-

¹ Арутюнов, С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма [Текст] / С. А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 4. – С. 41–56.

² Мкртумян, Ю. И. Основные компоненты культуры этноса [Текст] / Ю. И. Мкртумян // Методологические проблемы исследования этнических культур : Материалы симпозиума. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1978. – С. 42–47.

структура этой сферы культуры: оленеводство, рыболовство, охота, народные промыслы, собирательство и др. Культуру жизнеобеспечения составляют компоненты, направленные на социально организованное удовлетворение витальных потребностей аборигенного населения. Инфраструктура культуры жизнеобеспечения – это жилищно-поселенческий комплекс, система питания, комплекс одежды и предметов национальной утвари. Средства детерминации и регуляции человеческого поведения: традиции семейного уклада, включающие нормы морали и прав, этические и идеологические представления лежат в основе соционормативной культуры, а гуманитарная культура это лично-ориентированные компоненты образовательного, научного, фольклорного, профессионального характера.¹

В культуре коренных малочисленных народов Севера символически выражена духовная жизнь. Символизм свой культуре получила от культовой символики (Н. Бердяев). Традиционное мировоззрение коренных малочисленных народов Севера заключается в неразрывной связи человека со всем окружающим миром: животными, растениями, водой, землей, сторонами горизонта, небесными светилами, космосом. Живые предметы могут дышать, двигаться, расти, издавать звуки, видоизменяться. Устойчивость социальных связей и отношений (человек-вещь, человек-общество, человек-природа) у исследуемых народов Севера объясняется их ритуальным характером. Указанные отношения определяет не каждый человек в отдельности, а культура в целом, к которой человек принадлежит. Поэтому целесообразно вместо сферы соционормативной культуры ввести нравственную культуру.

Структуру культуры коренных малочисленных народов Севера составляют, соответственно, следующие компоненты сфер культуры общества: жизнеобеспечения, нравственная и гуманитарная (рис. 1.1).

¹ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе [Текст] / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.

Сферы Культуры Общества	Сферы культуры коренных малочисленных народов Севера
Духовная	Гуманитарная
Социально-политическая	Нравственная
Материальная	Жизнеобеспечения

Рис. 1.1. Соотношение структур культуры общества и культуры коренных малочисленных народов Севера

Структура культуры коренных малочисленных народов аналогична структуре культуры общества, но с учетом этнической специфики трансформирована применительно к социальному субъекту. Таким образом, можно провести определенные параллели между культурой жизнеобеспечения и материальной, параллели между нравственной и социально-политической, гуманитарной и духовной.

Таким образом, культура является интегральным качеством этнической общности, отражающим историю, типологические особенности образа жизни и всю систему жизнедеятельности этноса. Анализ компонентного состава структуры культуры этнической общности показывает, что сама культура есть система, целостность, обусловленная лично-ориентированным социальным феноменом данного общества. Будучи системой, она функционирует как целостное образование: развивается под влиянием социальных изменений и при взаимодействии с культурами других народов, ее структура усложняется, появляются новые виды творческой деятельности. Так, по мнению О. Н. Дамениа национальная культура способна не только воспроизводить самое себя, но и создавать недостающие ее элементы, обогащаться во взаимодействии и взаимосвязи с культурами других народов.¹

По мнению авторов, в современных условиях, возникают объективные предпосылки отчуждения человека от культуры. Но, несмотря на негативное влияние технологического и ресурс-

¹ Дамениа, О. Н. Культура и ее национальные формы [Текст] / О. Н. Дамениа // Вопросы философии. – 1981. – № 6. – С. 111–119.

ного освоения региона, внедряемых рыночных отношений, культура коренных малочисленных народов Тюменского Севера отличается синкретической, что проявляется в ее целостности, неразделенности всех форм бытия; в признании абсолютной равнозначности трех главных средовых составляющих «природа-общество-человек» и в осознании не только материального, но и идеального субстанционального начала «среды», которое определяет ее состояние, устойчивость, изменения и прочие объективные явления, актуальные для перспективного развития исследуемых авторами монографии социально этнических групп.

Исследуя традиционное мировоззрение коренных малочисленных народов Севера, необходимо выявить, какие идеи лежат в основе интерпретации и восприятия мира и человека в культурах данного типа.

Для этого приведем культурологическое определение мировоззрения, согласно которому, это одно из наиболее важных компонентов общественного и индивидуального сознания, совокупность взглядов, оценок, норм и установок, определяющих отношение человека к миру и выступающих в качестве ориентиров и регуляторов поведения. Для мировоззрения характерен универсальный способ духовного освоения действительности, в котором определяющими являются понятия о первоначале всего сущего и универсальной взаимосвязи всего мироздания.¹ Через мировоззрение коренные малочисленные народы Севера определяют свое отношение к миру, свое место в этом мире, вырабатывают смысло-жизненную установку, которой руководствуются в жизнедеятельности.

Традиционно в философии под мировоззрением понимается система представлений о мире и о месте в нем человека, об отношении человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими представлениями основные жизненные позиции и установки людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. Мировоззрение – это способ духовно-практического освоения мира человеком в единстве его теоретического и практи-

¹ Энциклопедический словарь по культурологии [Текст]. – М. : Центр, 1997. – 478 с.

ческого отношения к действительности. В мировоззрении находит выражение система категорий культуры – обобщенная модель человеческого мира.¹

Выделяют три основных типа мировоззрения, которые можно применить для коренных малочисленных народов Севера. Житейское (обыденное) мировоззрение, в котором отражаются представления здравого смысла, традиционные взгляды о мире и человеке; порождается непосредственными условиями жизни и передающимся из поколения в поколение опытом людей. Религиозное мировоззрение связано с признанием сверхъестественного мирового начала и выражается преимущественно в эмоционально-образной форме. В философском мировоззрении теоретически обобщается опыт практического и духовного освоения мира.²

Традиционно в структуре мировоззрения выделяют четыре основных компонента. Познавательный, базирующийся на обобщенных знаниях, на основе которых складывается конкретно-научная и универсальная картина мира, систематизирующая и обобщающая результаты индивидуального и общественного познания, стили мышления того или иного сообщества. Ценностно-нормативный компонент включает в себя ценности, идеалы, убеждения, верования, нормы, выполняющие функции социальных регуляторов общественного и индивидуального поведения. Эмоционально-волевой компонент включает социально-психологические установки индивида и общества, формирующиеся на основе интериоризации, превращения в личные взгляды, убеждения, верования, знания, ценности, идеалы, нормы того или иного сообщества, народа. Практический – выражающийся в актуализации обобщенных знаний, убеждений, верований, ценностей, идеалов и норм, реальной готовности человека к определенному типу поведения в конкретных обстоятельствах.³

¹ Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

² Культурология : словарь [Текст]. – Изд. 2-е. – М : Академический Проект, 2001. – 672 с.

³ Энциклопедический словарь по культурологии [Текст]. – М. : Центр, 1997. – 478 с.

Важнейший компонент мировоззрения составляют идеалы, как решающие жизненные цели. При этом характер представлений о мире способствует постановке определенных целей, обобщения которых образует общий жизненный план, формируются идеалы, придающие мировоззрению действенную силу. Содержание сознания превращается в мировоззрение тогда, когда оно приобретает характер убеждений, полной и непоколебимой уверенности человека в правоте своих идей, «...которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и которым разум приковывает нашу совесть, – это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить лишь подчинившись им».¹

Прежде чем перейти к анализу традиционного мировоззрения, определим понятие традиции. Под традицией понимаются элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. Традиция может передаваться двумя способами: через практическую имитацию (повторение каких-либо действий) или через фольклор. При этом адекватность передачи достигается многократными повторами, системами символических текстов (мифология) и действий (ритуал).²

Традиция выполняет ряд культурных функций, которые свойственны и коренным малочисленным народам Севера: она сохраняет преемственность культуры; служит каналом хранения и передачи информации и ценностей от поколения к поколению; выступают механизмом социализации и инкультурации людей; выполняют селективную функцию отбора подходящих образцов поведения и ценностей.³

П. Штомпка справедливо говорит, что традиция должна включать в себя непрерывное существование прошлого в настоящем, которое может принять две формы: материальную и

¹ Маркс, К. Собр. соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политическая литература, 1964. – Т. 46, ч. 1.

² Культурология: словарь [Текст]. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2001. – 672 с.

³ Там же. С. 578.

идеальную, или объективную и субъективную. Под традицией в первом, более широком смысле, он предлагает понимать совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т. е. это все то, что не было уничтожено, разбито, выброшено или забыто. Во втором, более узком смысле слова, понимает под традицией только те фрагменты наследия, которые не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним. Что касается идей (включая верования, символы, нормы, ценности, правила, кредо и идеологии), то они должны влиять на мышление и поведение людей, подчеркивая их связь с прошлым, давней историей.¹

Современное мировоззрение ханты и манси сохраняется в виде сплава древнейших угорских представлений, элементов иранского круга культур, христианских верований. Действительно, коренные народы Севера оживотворяли и наши исследования подтвердили, что аборигены продолжают оживотворять природу, ее объекты и явления – солнце, луну, гром, ветер, огонь, деревья, животных и пр. В их понимании эти объекты имели душу, понимали человеческую речь, могли влиять на человека и успех его промыслов, могли возрождаться после смерти. В соответствии с этим и определялось поведение людей – осторожное, уважительное отношение к природе, ее дарам, страх перед гневом стихий, стремление задобрить объекты природы.²

Исследования авторов показали, что каждый третий представитель коренной национальности знает о существовании родовых и местных духов; четверть коренного населения в настоящее время посещает священные места; чуть более половины аборигенов (53,4 %) приносят местным духам жертвоприношения, 22,7 % – домашние и семейные угощения. Более подробный анализ представлен в параграфе два второй главы монографии.

Исследуя традиционное мировоззрение коренных малочисленных народов Севера необходимо выявить особенности восприятия мира в культурах данного типа. Анализ картины мира

¹ Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка; [пер. с англ. под ред. В. А. Ядова]. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

² Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа [Текст]. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 2. – С. 200.

позволит увидеть специфические особенности формирования духовной культуры исследуемых народов; определить, как структурообразующие элементы участвуют в формировании традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и комплекса их воззрений.

У А. И. Кравченко находим определение научной картины мира, под которой автор понимает совокупность общетеоретических и философских категорий, описывающих реальность, которую изучает данная наука.¹

Если в научном знании общая картина мира и частная (индивидуальная) оказываются строго разграниченными, то в философском понимании термин возникает в том случае, когда речь идет о воссоздании в воображении человека целостного образа действительности. В философской концепции картины мира принципиальное значение имеет аксиологический аспект: он всегда оказывается соотносительной с определенной исторической эпохой и представляется как иерархическая система ценностей, норм, принципов, значимых для данного времени. Проблема соотношения частного и общего заключается в том, как индивидуальное сознание осуществляет ориентацию в мире духовных ценностей, как определяет свое место в уже сложившейся и выработанной культурой картине.

М. Хайдеггер считает, что благодаря науке, мир вообще становится картиной только в современную эпоху, потому что происходит опредмечивание сущего в представлении. «Через научное производство проект предметной сферы впервые встраивается в сущее». Если же сущее не истолковывается в этом смысле, то и мир не может войти в картину, не может быть картиной мира. Важность картины мира для философа не в том, что она дает нам представление о самом мире, о сущем в целом, как системе. Главное, что она является определяющей и обязывающей для нас.²

¹ Кравченко, А. И. Социология : учебник [Текст] / А. И. Кравченко. – М. : ООО «ТК Велби», 2003. – 536 с.

² Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с. – С.44-48.

Аналогичное понимание картины мира находим у В. Дильтея, который рассматривал ее как основу мировоззрения. Картина мира, по его мнению, не отображение мира, это идейное ядро, в соответствии с которым выстраивается идеал человека. В дальнейшем сама картина мира относительно установленного идеала налагает и предписывает нормы и меры в оценке жизни и понимании мира, являясь как бы устойчивой опорой, предпосылкой, основанием знания о мире.¹

Рассмотрим культурологический подход к изучению картины мира. При этом наиболее важными представляются не универсальные категории, по которым строится образ мира на любом этапе истории; главное – попытка воссоздать историческую реконструкцию мировосприятия, возникшего в ту или иную эпоху; отражающего «дух времени», сформировавшегося в той или иной этнической среде и связанного с определенным географическим ландшафтом.

Образ мира по А. Я. Гуревичу базируется на таких понятиях, как время, пространство, причина, судьба, число и т. д.; и строится как иерархическая система категорий и ценностей, образующая «сетку координат», соответственно которой люди той или иной эпохи воспринимают и моделируют действительность в своем сознании.²

Для исследования интерес представляла методика Г. Гачева, который для описания национального образа мира выбирает древний натурфилософский язык четырех стихий: земля, вода, воздух, огонь, понимаемые расширительно и символически». По его мнению, чтобы определить целостность такой Вселенной, необходимо рассматривать не отдельные элементы национального миропонимания и мироощущения (искусство или язык, поэзия или национальная кухня), а весь спектр представлений. Основной своей системы философ предлагает триаду: космо-психологос.³ Ученый пытается выявить исходные элементы воспри-

¹ Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

² Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.

³ Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос [Текст] / Г. Д. Гачев. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 480 с.

тия, обусловленные своеобразием локальной природы, среды обитания, ландшафта, которые оказали влияние на логику мышления народа. Это влияние проявляется на разных уровнях, начиная с языка и образов искусства, заканчивая научными теориями и философскими построениями, что обнаруживается во втором и третьем слагаемых комплекса. Второй элемент в теории космо-психо-логоса должен показать, как этот выявленный в сознании космос переживается человеком, и как наглядный образ мира строится под влиянием эмоционального восприятия. Логос должен выявить, как понимается и воспроизводится в интеллектуальных системах этот явленный в опыте и переживаемый космос. Космо-психо-логос рассматривается как единство тел (местной природы), души (национального характера) и духа (языка, логики).¹

Выявление схем построения образов действительности в сознании подтолкнул исследователей к использованию семиотического подхода. При этом проблема решается более узко. Предложенная В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым реконструкция модели мира, описанная как набор основных семантических противопоставлений, имеющих универсальный характер для всех культур, выдвинутых еще К. Леви-Стросом, как способ дуальной классификации в архаических обществах, – не является достаточной. В терминах бинарных оппозиций могут быть воспроизведены лишь основные конструктивные линии, интенции, показывающие некоторые аспекты картины мира, но не воссоздающие ее как систему. Описывая мир через соотношение противоположных качеств, В. В. Иванов, В. Н. Топоров воссоздают мифологическую модель космоса у славян, реконструируют систему представлений человека палеолитической эпохи. Они утверждают, что знаковые системы религии обладают наименьшей степенью отвлеченности и максимальной моделирующей способностью. Меньшая условность создает большие возможности для оценивания частей мира и событий, происходящих в нем, с точки зрения человека или человеческого коллектива.

Представление образа мира как некоей модели, схемы, являющейся эталоном для всех существующих ситуаций характе-

¹ Там же, С. 22.

ри не только при реконструкции архаического сознания на материале мифа и фольклора традиционных культур (Ю. М. Фрейденберг, А. М. Золотарев, В. Н. Топоров), но и в психологической концепции картины мира, в рамках которой особенно подчеркивается ее значимость для индивида. В этом случае ее главная функция определяется тем, что картина мира осуществляет ценностную интерпретацию деятельности, задает ориентиры и модели поведения на все случаи жизни, создает систему образов – наглядных представлений о мире и месте человека в нем. Так, Э. Фромм высказал мнение, что «без определенным образом организованной и внутренне связанной картины мира и нашего места в нем – люди просто растерялись бы и не были способны к целенаправленным и последовательным действиям, ибо без нее невозможно было бы ориентироваться». В этом отношении К. Г. Юнг говорит о значимости архетипических символов и мифологии в осуществлении индивидуации, в процессе которой происходит интеграция бессознательной и сознательной сфер человека и психическое становление его в неразделимое единство или «целое».² Ученый утверждает, что психология потому такая молодая наука, что прежде мифология и религия выполняли задачи, которые теперь представляют поле деятельности психолога – а именно, задачу «разрешить комплексы в целостное сознание». Посредством мифологических содержаний индивид достраивает в своем сознании образ самого себя и действительности, представляя ее в виде единой завершенной картины, благодаря которой человек «не исключает себя из мира, но собирает в себя мир».³

Таким образом, происходит работа сознания, приводящая вновь возникающие смыслы в согласованность с прежними установками, снимающего противоречия между ожидаемыми и полученными в процессе познания результатами. Смысл такой рационализации заключается в установлении соответствия меж-

¹ Фромм, Э. Иметь или быть [Текст] / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1986. – 238 с.

² Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.

³ Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.

ду миром и действующим в нем человеком, в попытке мысленного преобразования всего видимого мира в человеческий мир культуры. Следует отметить, что в психологической концепции под термином «картина мира» понимаются приведенные в целостную систему представления человека о мире и о своем месте в нем, что требует включения субъекта в предмет исследования.

В целях исследования интересен религиозно-философский подход к изучению картины мира, согласно которому «картина мира» рассматривается не в рамках культурной эпохи, а связывается с определенным типом мировоззрения (религиозным, мифологическим) (Т. А. Рунева, В. И. Колосницын). Так, Т. А. Рунева одним из признаков картины мира выявляет мир, увиденный глазами человека. Взаимодействие субъекта и объекта является необходимым условием создания картины мира. Таким образом, неотъемлемым компонентом этого концептуального образования являются также обыденные эмпирические знания, представления индивидуального сознания, связанные с проблемой ориентации в мире духовных ценностей, с определением своего места в уже существующей картине мира.

Подобное взаимовлияние субъективного и объективного отмечал И. Я. Лойфман,² который считал, что и сама научная картина мира является своего рода надтеоретической формой знания, включающей не только рациональные построения науки, но и индивидуальные представления. При определенных условиях также и теоретические концепты могут быть интериоризированы частным сознанием. Чтобы стать частью личного опыта, любая рациональная реконструкция нуждается в дополнении эмпирическими (социально-психологическими) подтверждениями.

Различные формы духовного освоения мира отражают уровень соотношения объективного и субъективного, в связи с чем необходимо развести понятия «модель мира», «образ мира».

¹ Рунева, Т. А. Средневековая модель отношения человека и мира и ее воплощение в искусстве [Текст] / Т. А. Рунева // Социальные функции искусства и религии (Сравнительная характеристика). – Свердловск : УрГУ, 1976. – С. 78–87.

² Лойфман, И. Я. Основы гносеологии [Текст] / И. Я. Лойфман, М. Н. Руткевич. – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – 176 с.

«картина мира». Для обозначения научной картины мира, созданной на основе научно-философских теорий, наиболее удобно использовать термин «модель». Модель мира, создаваемая в научных представлениях, отличается наибольшей объективностью, так как служит выявлению таких концептуальных структур, которые наиболее адекватно отражают реальные процессы действительности, вернее позволяют максимально к ней адаптироваться.

По мнению авторов, некая степень идеализации возникает в процессе реконструкции картин мира. В этом случае действительность моделируется в сознании по тем соображениям, как должно выглядеть мир, а не каков он есть. Образ мира, созданный в религиозной или мифологической практике, менее рационален и в большей степени опирается на чувственный опыт, который, однако, должен обязательно соответствовать коллективной традиции. Он отражает и акцентирует социальные ценностные установки, утверждает и регулирует значимые для человека отношения. Здесь обнаруживается двунаправленная связь между объектом и субъектом. С одной стороны, в религии отражается переживание господства мира над человеком, ощущающим себя объектом воздействия чуждых ему сил. Можно отметить, что у коренных народов Севера с помощью магических манипуляций и заклинаний воздействовали на окружающий его мир и подчиняли его себе.

Помимо обряда, воплощающего в форме тех или иных символических действий концепты и модели, возникающие в религиозных представлениях, содержания картины мира могут объективироваться и закрепляться в изобразительном искусстве и фольклорных жанрах, для которых чаще используется термин «образ мира». Образ мира, созданный в искусстве, способствует превращению мира «чужого» в «свой», обладает наибольшей субъективностью. Существенным для создания образа мира оказывается момент авторства, поскольку в него входят индивидуальные представления, включающие эмоциональные переживания. Образ мира аксиологичен, так как сознательно или бессознательно проявляется оценка воспроизводимой действительности, происходит идеализация всех ее компонентов, указывается их нормативное значение (изображение должного).

Эти различные формы отражения действительности могут взаимодействовать и дополнять друг друга в «картине мира», включающей все варианты (от рациональной научной модели до исключительно индивидуального художественного образа). Ее можно представить как целостную систему всех существующих представлений человека о мире, интегрирующую многообразное знание об объектах, данное в науке; мифологические воззрения и их интерпретацию в искусстве; использование в качестве эмпирических данных обыденных представлений.

Формирование картины мира не следует рассматривать только как кумулятивный процесс накопления сведений, как образование совокупности знаний о мире, добытых частными науками, как классификация эмпирически данного естественнонаучного материала. Это должно быть концептуальное образование, конструирующее идеальный объект как некую целостность, структура которого должна рассматриваться как закономерная взаимосвязанность взаимообусловленных элементов, а не как ряд дифференцирующих признаков. В данном случае К. Леви-Стросс отмечал, что для понимания структуры необходимо изучать не элементы сами по себе, а отношения между ними. Почти единодушно исследователи указывают, что целостность общей научной картины мира достигается на основе методологического синтеза, который первоначально осуществляется на основе рациональных поисков общих теоретических положений частных наук.¹

В дальнейшем интеграция происходит на основе поисков наиболее общих принципов и методов исследования, универсализации некоторых специальных познавательных приемов, объединяющих в комплекс частнонаучные картины мира, дающие наиболее всесторонний анализ организации целостной системы. Осуществляется отображение «мира как единого целостного образования в виде конкретно-исторической системы фундамен-

¹ Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1983. – 536 с.

тальных положений всех наук, изучающих различные стороны и сферы материальной действительности».¹

Поскольку общая картина мира должна отражать все универсальные аспекты и свойства познаваемой объективной реальности, то трансформация в единую концепцию может быть осуществлена посредством системы философских принципов и идей. На интегративную функцию философии в общей системе научных представлений указывали Б. М. Кедров, И. Я. Лойфман, В. В. Ахлибининский, М. Вартофский.

Формирование картины мира происходит на базе фундаментальных принципов частных наук и поисков общих теоретических положений (1); выбора общей методологии и объединения частно-научных систем (2); на основе дальнейшего синтеза посредством философского обобщения, позволяющего интерпретировать весь мир с точки зрения целостности (3). Эти этапы характеризуются той или иной степенью интегрированности знания и определенными специфическими средствами выражения. Поскольку картина мира вбирает наиболее существенные, философски детерминированные элементы из различных областей знания, то и в формировании языка для передачи ее содержания можно обнаружить две противоположные тенденции: с одной стороны, понятия освобождаются от антропоморфных представлений, от чувственных основ, закрепляя лишь смысл, значение объекта, тяготея к обобщению и схематизации. С другой стороны, что было отмечено Э. Кассирером, «абстрактное мышление, отталкиваясь от чувственной наглядности, образности, постоянно тяготеет к нему», недоступные непосредственному чувственному восприятию явления рассматриваются по аналогии и в сопоставлении с воспринимаемыми и уже известными объектами.² Образы картины мира должны быть не только понимаемыми, но и эмоционально окрашенными.

¹ Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

² Кассирер, Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы [Текст] / Э. Кассирер // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 163–212.

Тот факт, что картина мира создается в результате философских обобщений, а также служит основой ценностных ориентации субъекта, требует разрешения проблемы соотношения картины мира с мировоззрением вообще. Э. Кассирер указывал, что философия в наше время соединяется с отдельными отраслями знания не только по причине общего ко всем наукам методологического требования, но и вследствие общей судьбы культуры. Требование моральной ответственности ведет к тому, что науки подвергаются мировоззренческой интерпретации и отражаются на духовно-историческом опыте.¹ Так, М. Хайдеггер считает, что представление мира как картины становится возможным тогда, «когда скоро позиция человека понимает себя как мировоззрение», а именно, позиция человека посреди сущего.² Еще более определенно, как о смысловом ядре мировоззрения, говорится о картине мира В. Дильтей. По его словам, мировоззрение представляет одну стройную систему, в которой на основе одной картины мира решаются вопросы о значении и смысле мира, отсюда выводится идеал – высшее благо, основные принципы жизни.³ То, что в загадке жизни было беспорядочным, здесь превращается в необходимую связь проблем. По мнению философа, в каждом из типов мировоззрения определяется своя система связей, проблем и целей, чьи постоянные отношения зафиксированы в картине мира, указывающей ориентиры в оценке и понимании жизни.

Таким образом, картина мира является продуктом мировоззрения, возникающим в результате его упорядоченности и систематизации: когда наиболее существенные для человека представления, определяющие его позицию в мире, складываются в структуру, образуется и картина мира – ядро этой структуры. Картина мира сама обуславливает миропонимание и отношение к действительности общества и индивида. Если мировоззрение

¹ Кассирер, Э. Лекции по философии и культуре [Текст] / Э. Кассирер // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 104–163.

² Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

³ Дильтей, В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах [Текст] / В. Дильтей // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 213–255.

стремится возвыситься до ценности общезначимого знания (как считает В. Дильтей), то картина мира может быть посредником между общими и индивидуальными смыслами и представлениями, являясь тем стабильным ядром, вокруг которого группируются разнообразные содержания.

Поскольку объектом исследования являются коренные малочисленные народы Севера, то целесообразно представить мифологическую картину мира манси. Так, согласно исследованиям И. Н. Гемуева, в религиозно-мифологических представлениях манси Космос включает три сферы: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры.¹ Верхний мир – сфера обитания демиурга Нуми-Торума, по воле которого была создана Земля. В соответствии с основным космогоническим мифом, гагара, посланная Нуми-Торумом, достала со дна океана комок ила, который затем увеличился до размеров Земли. Согласно новейшим исследованиям, миф о ныряющей птице принадлежал древней уральской общности – населению Северного При- и Зауралья и Западной Сибири еще в VI–IV вв. до н.э. Нуми-Торум явился создателем и населения Земли – вначале двух поколений богатырей-отыров, первая из которых была им же уничтожена за неподобающее поведение. Богатыри второй генерации со временем “превратились” в духов-покровителей сообществ людей, объединенных сознанием единства происхождения. Нуми-Торум же создал лесных великанов – менквов и, наконец, людей, после чего удалился от дел, передав управление людьми одному из своих семи сыновей.

К сфере Верхнего мира относятся, помимо Нуми-Торума, его брат, громовержец Сяхыл-Торум, Этпос-ойка (месяц) и Хотал-эква (солнце). Отец Нуми-Торума и его дед Кошар-Торум находятся соответственно во втором и третьем (верхнем) ярусе Верхнего мира. Это наименее актуальные персонажи пантеона.

В Среднем мире (на земле) обитает Калтась-эква, жена Нуми-Торума, низвергнутая за связь с Куль-отыром, владыкой Нижнего мира, а также богиня огня Най-эква (Сорни-Най). Жизнью людей управляет младший сын Нуми-Торума Мир-сусне-хум,

¹ Гемуев, И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос [Текст] / И. Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука, 1990. – 232 с.

выигравший конное состязание со своими братьями (последние обрели статус локальных божеств). На земле же пребывают богу кузнец Сехрынг-ойка, духи-покровители территориальных групп и отдельных семей, лесные духи – менквы и мис-хумы (женской ипостаси мис-не).

К существам Нижнего мира относятся возглавляющий его Куль-отыр и подчиненные последнему кули – духи болезней.

Трехчленное строение Космоса (по вертикали) манифестируется как на уровне дома (размещение культовой атрибутики жилище и зонирование его пространства), так и на уровне таежных святилищ различных рангов (установка столба или столбов – алломорфа мирового дерева). Для манси, отмечает И. Н. Гумуев, актуальны и представления о трехчленности мира в горизонтальной плоскости.

Духовная культура каждого народа содержит много элементов, возникших в разное время. К наиболее устойчивым, сохраняющимся в течение длительного времени, относятся ритуалы, священные песни, через которые от поколения к поколению передается важная для данного общества информация. Через строго регламентированные обряды члены данного коллектива с самого раннего возраста обучаются правильному поведению, тому, что важно для данного общества, например, уважению старших, разделению женских и мужских ролей в обществе и т. д. С помощью священных песен и ритуальных текстов люди не только знакомятся с пантеоном богов, мифологическими образцами и фольклорным наследием своего народа, но и поступками своих предков. Это особенно важно для культур, существующих в устной традиции.

В духовной культуре есть также элементы, в которых хорошо прослеживаются следы каждого исторического этапа, начиная от древнего прошлого до наших дней. Они отражают влияние других культур и те изменения, которые происходят в реальной жизни. То есть более гибкими можно считать такие представления, с помощью которых люди объясняют мир, свою окружающую среду и совершенствуют, актуализируют старые представления. Конечно нельзя абсолютизировать ни первую, консервативную, ни вторую, более гибкую часть духовной культу-

ры. Однако эти закономерности духовной культуры существуют и сегодня.

Постоянные изменения, актуализация и гибкость характеризуют дохристианскую религию обских угров. Именно эти черты помогли религии обских угров пережить натиски христианства, ислама, и в последние времена, атеизма. В ней мирно сосуществуют элементы тысячелетней давности и современные, возникшие в последнее время.

На основе анализа традиционного мировоззрения коренных малочисленных народов Севера авторы монографии выявили особенности восприятия мира в культурах исследуемых этносов.

Анализ картины мира позволил увидеть специфические особенности формирования духовной культуры ханты и манси; определить, какие структурообразующие элементы участвуют в формировании традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и комплекса их воззрений. К ним исследователи относят следующие:

- знание родного языка;
- удовлетворенность национальной принадлежностью;
- соблюдение национальных обычаев;
- владение традиционными навыками;
- использование в быту предметов национальной утвари;
- использование национальной одежды, обуви;
- потребление традиционной пищи;
- посещение священных мест и приношение даров духам;
- использование в повседневной жизни изображений духов.

Традиционное мировоззрение остается на обозримую перспективу духовной основой сохранения коренными малочисленными народами Тюменского Севера традиционной культуры и образа жизни, что в значительной степени обуславливает их дальнейшее развитие.

1.2. Традиционная культура коренных малочисленных народов Севера: ретроспективный анализ

При характеристике культуры социальных общностей (в нашем случае – коренные малочисленные народы Севера) авторы используют понятие традиционная культура. Следует отметить, что в современной научной литературе при характеристике

культуры социально-этнических сообществ используют и другие определения (этническая культура, архаическая культура, крестьянская культура, примитивная культура, народная культура др.). Например, под этнической культурой Ю. В. Попков понимает традиционно-бытовые компоненты образа жизни.¹ В энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры этническая культура представлена культурой народа, национальной культурой, традиционной культурой, обогащенной различными национальными символами.² Под общественной (общей) народной культурой Г. Науман понимал примитивную лишенную индивидуальности культуру некоей архаической общности, которая постоянно соприкасается с высокой прогрессивной культурой высших слоев общества, индивидуальной дифференцированной.³

Традиционная культура характеризуется ориентацией на сакральные или сверхценные идеи, на наследие предков. Господствующее место в культуре занимают иррациональные ценности и нормы, сомнения в полезности традиционных форм поведения и хозяйственной деятельности запрещены.⁴

Отличительной чертой традиционной культуры, в том числе культуры коренных малочисленных народов Севера, является неукоснительное следование воспринятым от предшествующих поколений образцам поведения – обычаям, ритуалам, способам и приемам деятельности, которые усваиваются с детства от старших. Традиционной культуре присущ высокий уровень нормативности, которая охватывает все стороны жизни людей. Она устанавливает множество различного рода запретов – табу. Индивид живет по заданным канонам и полностью зависит от них, непреодолимость которых обеспечивается их сакрализацией

¹ Попков, Ю. В. Интернационализация в традиционном и современном обществах [Текст] / Ю. В. Попков. – Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2000. – С. 32.

² Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 2. – С. 97.

³ Львова, Э. Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. [Текст] / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев и М. С. Усманова. – Новосибирск : Наука, 1988. – 225 с.

⁴ Энциклопедический словарь по культурологии [Текст]. – М. : Центр, 1997. – 478 с.

ей – принятием как священных, божественных установлений. Религиозно-мифологические представления, освещающие обычаи и образцы поведения, – необходимый компонент традиционной культуры: когда над умами людей властвует вера в сверхъестественные силы, которым нельзя не подчиняться, не допускаются критическое отношение к множеству правил, норм, запретов, имеющих иррациональный характер и не поддающихся рациональному истолкованию.¹ Ниже будут представлены конкретные факты, подтверждающие наличие указанных компонентов в традиционной культуре исследуемых этносов.

Э. П. Соколова считает, что традиционная культура – это условное название народа, в т. ч. ханты, манси, ненцев, селькупов. Традиционная культура этих народов тесно связана с традиционными отраслями хозяйства. При этом традиционное хозяйство и материальная культура в значительной степени определяют духовную культуру народа, его религиозные представления и обряды, социальную жизнь. Традиционной культуре соответствуют традиционные социальные отношения, связанные с первобытными формами первобытно-общинного строя.²

Об устойчивости пережитков говорит и Э. Б. Тайлора, утверждая, что цивилизация народа, у которого обнаруживаются подобные пережитки, является продуктом какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснения ставших непонятными обычаям и воззрений. Таким образом, собрания подобных фактов должны служить предметом разработки как методики исторического знания.³

Следует отметить, что в основе определения традиционной культуры лежит принцип деятельности. Принцип деятельности был реализован Э. С. Маркаряном: «Человеческая деятельность есть социально направленная активность людей, культура же – способ ее существования». Согласно данному определению эле-

Культурология: Учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. – М.: Фрайт-Издат, 2005. – С. 263-264.

² Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 2. – С. 96-97.

³ Тайлор, Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. [Текст] / Э. Б. Тайлор. – Смоленск : Русич, 2000. – 624 с.

эскимосы, алеуты). В хозяйстве преобладает одна или две отрасли, но в целом хозяйство имеет комплексный характер. За последние десятилетия в связи с утратой оленеводства частью населения (кетами, частью хантов, манси, селькупов, ороков, орочей), развитием коллективного хозяйства, появлением новых отраслей (овощеводство, клеточное звероводство), хозяйство аборигенных народов Севера приобрело более комплексный характер.

В начале XIX века А. А. Дунин-Горкавич сделал попытку классификации аборигенов от мест проживания, традиционных форм занятости, материального положения. Он разделил остяков на две группы: одни расселены по реке Оби, в юртах, сгруппированы в небольшие поселки и имеют установившееся, определенное название; другие – по обским притокам, в юртах, разбросанных по одной-две на громадном протяжении этих рек. Вторую группу остяков он разделил на четыре подгруппы:

1) Остяки, обитающие ниже Березова, являются рыболовами-олeneводцами; оленеводство с избытком обеспечивает им средства передвижения, пищу, одежду и кров.

2) Остяки, обитающие в бассейне реки Пима, Тром-Югана, Агана, Назыма и Казыма, а также вогулы, занимаются звероловством, рыболовством и оленеводством. Оленеводство лишь частично обеспечивает им средства передвижения, пищу и одежду. Инородцы, принадлежащие к первой и второй подгруппам, шьют одежду из оленьих шкур.

3) Остяки, обитающие в бассейне реки Ваха, находятся в очень неблагоприятных условиях. Единственный объект их промысла – белка. Они очень бедны. Оленеводство не обеспечивает им даже средства передвижения. Одеваются они в оленьи шкуры, но их приходится покупать.

4) У остяков, обитающих в бассейне реки Югана, оленей меньше, чем у ваховских, но, сравнительно с последними, они народ богатый. Кроме белки, они промышляют соболя, оленя и лося. Одежда их приближается к одежде лошадных остяков, но нередко у них встречается и меховая.¹

¹ Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев [Текст] / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск, 1911. – 140 с. – С. 51-52.

А. В. Головнев выделяет у ханты и манси пять различных типов хозяйственных комплексов:

Таежный предуральский, к которому относились северные манси и ханты левобережья Оби, включая запорно-таежное оленеводство, запорно-сетевое предгорное рыболовство, предгорную охоту на копытных и глубинно-таежный промысел пушного зверя.

Глубинно-таежный, представленный ханты верховий протоков Оби, основывался на запорно-сетевом рыболовстве, глубинно-таежном пушном и оленно-лосином промысле, таежном оленеводстве.

Приречно-таежный, характерный для ханты припойменных районов Средней и Нижней Оби, состоял из неводно-запорного рыболовства, приречно-таежного пушного промысла и охоты на лося, транспортного коневодства или собаководства.

Южно-таежный, свойственный южным манси и иртышским ханты, помимо промыслов, включал животноводство (в том числе транспортное коневодство), товарное собирательство и элементы земледелия.

Тундрово-лесотундровый, присущий ханты, ассоциированным с ненецкой культурой; отличительными чертами были крупное стадное или лесотундровое оленеводство, тундровое сетевое или низовое неводное рыболовство, преобладающая доля песка в пушнодобыче: иногда северные ханты достигали Карского моря и охотились на морского зверя.¹

Традиционное общество является локальным и представляет собой замкнутую экономическую, самостоятельную систему с непрерывным циклом воспроизводства, опирающимся на определенный вид или виды, деятельности (олeneводство, рыболовство, охота и т. д.). Являясь автономным образованием, в случае отсутствия социального давления извне эта система стабильна, консервативна, с опорой на традиции. Темпы развития ее медленные, они определяются внутренними социальными взаимодействиями и взаимоотношениями с окружающей природой.

¹ Головнев, А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири [Текст] / А. В. Головнев. – Новосибирск : НГУ. – 204 с.

Под антропоморфизмом понимают обычно «наивное» очеловечивание природы, перенесение на нее человеческих качеств. Антропоморфизм существовал в древности в трех основных формах – в форме тотемизма, анимизма и магии. Основная идея тотемизма, по мнению А. П. Элькина, состоит в том, что человек и виды животных и растений объединяются социальное и церемониальное целое и участвуют в одной общей жизни... В этой схеме человеческие индивиды не отделены от природных существ и объектов, а образуют с ними общие группы. Так, фрактрия, род или любая другая группа включает не только определенное число мужчин и женщин, но также и определенные растения и природные объекты...¹ При такой системе взглядов аборигенные народы Севера вводят природу со всеми ее объектами в круг своих социальных связей, относятся к ней как к своему кровному родственнику и, следовательно, вправе ожидать от нее такого же отношения к себе. Идея единства человека и природы, составляющая главный пафос тотемизма как мировоззрения и как образа жизни, есть, по мнению А. Косарева, одно из величайших изобретений человечества. Обесценивание этой идеи, как показывает современная практика, чревато неисчислимыми разрушительными последствиями.²

Все представления древнего человека о мире и о себе, независимо от того, тотемистические они, анимистические или какие-нибудь еще, фиксировались в мифах и обрядах. Обряды всегда имеют магический характер, поскольку главной их целью является привлечение к реальным человеческим делам сверхъестественных сил. Миф – это рассказ, а обряд – его инсценировка. Обряд – это ритуальное действие, а миф – его описание, «проговаривание».

ленин [Текст] / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.; Тайлор, Э. Б. Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.

¹ Элькин, А. П. Коренное население Австралии [Текст] / А. П. Элькин ; [пер. с англ.]. – М. : ИЛ, 1952. – 248 с.

² Косарев, А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость : учебное пособие для вузов [Текст] / А. Косарев. – М. : ПЭР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 230 с.

Благодаря символам пережитое, то есть проживаемая и переживаемая человеком реальность, входит в мир человеческих отношений. Но войдя в него таким образом, она превращается в миф, ибо миф есть не что иное, как конкретно-чувственное, постоянно переживаемое человеком обобщение разнообразных явлений природы и общества, их «упаковывание» в единую картину мира.

Говоря о символе и мифе следует подчеркнуть два момента. Первое, что символизм есть оборотная сторона антропоморфизма и что оба они образуют две стороны одной и той же медали, именуемой мифом; что, следовательно, миф всегда и насквозь символичен (и антропоморфен), а символ (и антропоморфизм) всегда и насквозь мифологичен. Второе, что символ, а значит, и миф представляют собою единство бессознательного и сознательного, чувственно воспринимаемого и умопостигаемого, иррационального и рационального, алогического и логического, образа и идеи, непонятного и понятного, непознаваемого и уже познанного.¹

Миф, таким образом, устанавливает связь настоящего с прошлым и будущим, объясняет происхождение и устройство мира, учреждает космический и социальный порядок, предписывает обрядовыми действиями поддерживать этот порядок, до мелочей регламентирует его поведение, оказывая мощное консервирующее воздействие на культуру. Механизмом консервации выступает традиция. Поэтому культура аборигенных народов Севера получила название традиционной. В традиции зафиксированы опыт предков, накапливаемый многими поколениями и поколениями же подтверждаемый в практике повседневной жизни. Поэтому традиция и определяет поведенческие стереотипы и аборигенных народов на все случаи жизни – в виде обрядов, запретов и предписаний.

На пороге цивилизаций мифология предстает уже не как сумма наивных, мало связанных между собой рассказов, а как целостное мировоззрение, затрагивающее практически все вол-

¹ Косарев, А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость : учебное пособие для вузов [Текст] / А. Косарев. – М. : ПЭР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 230 с.

нуюющие человека и сегодня коренные вопросы мироздания. По этому миф на сегодняшнем этапе развития сознания у аборигенных народов оказывается во много раз сильнее аналитического мышления.

Миф возник в период дикости, через который прошло в отдельные века все человечество. Он остается почти без изменения у современных примитивных племен, которые меньше других отошли от этих первобытных условий. В то же время высшие и позднейшие ступени цивилизации, частью сохраняя его подлинный принцип, а частью развивая унаследованные ими результаты мифотворчества в форме преданий предков, продолжали относиться к нему не только со снисхождением, но и с почтением.

Мифология дикарей служит основой, которая позволяет представить мифы более цивилизованных обществ как создания происходящие из того же источника, но более совершенные в плане художественности.

Первая и главная причина превращения фактов ежедневного опыта в миф есть верование в одушевление всей природы – верование, которое достигает высшей своей точки в олицетворении ее. Это вовсе не случайное или гипотетическое свойство человеческого ума неразрывно связано с тем первобытным умственным состоянием, когда человек в мельчайших подробностях окружающего его мира видит проявления личной жизни и воли. Для примитивных человеческих племен солнце и звезды, деревья и реки, облака и ветры становятся одушевленными существами, которые живут наподобие людей или животных и исполняют предназначенные им в мире функции с помощью членов, как животные, или искусственных орудий, как человек. Иногда же видимое человеческим глазом представляется лишь простым орудием для достижения той или другой цели или еще бесформенным материалом, за которым скрывается какое-нибудь чудовищное, хотя и наделенное человеческими чертами, существо, воздействующее на людей своими руками или приводящее их в движение своим дуновением. Идеи эти опираются на широкую философию природы, полную мысли и понимаемую вполне реально и серьезно.

Идея о преобладающей воле и жизни в природе, выходящая далеко за пределы современного понятия о том же предмете, ве-

рование в личные души, одушевление даже того, что мы называем неодушевленными предметами, теория о переселении душ как при жизни, так и после смерти, понятие о мириадах духов, то нисходящих в воздухе, то обитающих в деревьях, скалах или водопадах и передающих, таким образом, свои личные свойства этим материальным предметам, – все эти идеи проявляются в мифологии в таких разнообразных сочетаниях, что проследить действие каждой из них отдельно является делом крайне трудным.

Первоначально идола служили изображением какого-нибудь духовного существа, делались для напоминания о нем, и этот первоначальный характер идола в большей или меньшей степени сохраняется всюду и проходит через всю историю поклонения кумирам.¹

Почти во всей обширной области анимистических верований мы видим, что живые гостеприимно угощают мертвых. Это почитание теней, одно из самых глубоких и сильных верований всего мира, признает с уважением, смешанным со страхом, существование духов предков, которые, обладая доброй или злой волей, появляются среди людей.²

Согласно Э. Тайлору анимизм (от латинского слова «анима» – душа, «анимус» – дух) есть вера в существование души и духов. Он зародился у первобытного человека в силу особого интереса, проявляемого им к таким состояниям человеческого организма, как сон, обмороки, галлюцинации, болезни и смерть. Не умея правильно объяснить подобные явления, «философствующий» дикарь вынужден был обратиться к представлениям о душе. Она мыслилась им поначалу как уменьшенная копия человека, как его маленький бестелесный двойник, обитающий в сердце, печени или в каком-нибудь другом органе человеческого тела и способном покидать его временно (сон, обморок) или навсегда (смерть).³

¹ Тайлор, Э. Б. Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.

² Там же, С. 231.

³ Тайлор, Э. Б. Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.

Душа, или дух, покидающий тело при смерти, способна по своей воле оставаться у могилы, странствовать по земле, летать в воздухе или отправляться в настоящую обитель духов – в загробный мир.¹

Нередко душа отождествлялась с дыханием, кровью или тенью человека (душа-дыхание, -ветерок, -птица; душа-тень) и обозначались одним с ними словом. Понятие о душе как дыхании может быть прослежено в семиотической и арийской этимологии и доведено, таким образом, до главных источников мировой философии. У евреев слово «нефеш», дыхание, употребляется для обозначения «жизни, души, ума животного», тогда как «руах» и «нешама», представляют переходное от «дыхания» к «духу». Этим выражениям соответствуют арабские «нефс» и «рух». То же самое встречается в санскритских словах «атман» и «прана», греческих «психе» и «пневма» и в латинских «анимус» и «анима», «спиритус».² По мнению Э. Тайлора и Дж. Фрэзера, в дальнейшем душами стали наделяться животные и растения, а также неживые предметы. Души со временем становятся все более бесплотными, отделяются от своих носителей и превращаются в духов, богов и, наконец, в единого Бога. Так, по их мнению, происходит эволюция религии. «Когда в деревьях стали видеть уже не тело древесного духа, – пишет Дж. Фрэзер, – а только его жилище, которое дух волен покинуть, был сделан значительный шаг вперед в религиозном мышлении. Анимизм превращается при этом в политеизм. Вместо того, чтобы рассматривать как живое и сознательное существо, человек видит теперь в нем инертную, безжизненную массу, в которую на более или менее длительное время вселяется сверхъестественное существо... Коль скоро древесный дух отделяется таким путем от отдельного дерева, облик его начинает меняться и в соответствии с особенностями ранних форм мышления – заключать абстрактные духовные сущности в конкретную человеческую оболочку – он принимает форму человеческого тела. Поэтому лес-

¹ Там же, С. 170.

² Тайлор, Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. [Текст] / Э. Б. Тайлор. – Смоленск : Русич, 2000. – 624 с.

ные божества в классическом искусстве изображаются в образах людей, а на их принадлежность к лесной флоре указывает ветвь или какой-нибудь другой недвусмысленный символ».¹

Тотемизм имел для человека не только хозяйственное значение, но и играл важную роль как средство идентификации и логически интеллектуальной классификации мира. По мнению А. П. Элькина, основная идея тотемизма состоит в том, что человек и виды животных и растений объединяются в одно социальное и церемониальное целое и участвуют в одной общей жизни... В этой схеме человеческие индивиды не отделены от природных существ и объектов, а образуют с ними общие группы. Так, фратрия, род или любая другая группа включает не только определенное число мужчин и женщин, но также и определенных животных, растения и природные объекты... Для нас часто бывает трудно понять принцип деления, но туземец, как правило, говорит не задумываясь, к какой фратрии или любой другой группе принадлежит кенгуру, бамбук, определенные деревья, злаки или камни.² При такой системе взглядов человек вводит природу со всеми ее объектами в круг своих социальных связей, относится к ней как к своему кровному родственнику и, следовательно, вправе ожидать от нее такого же отношения к себе. Идея единства человека и природы, составляющая главный пафос тотемизма как мировоззрения и образа жизни, есть одно из величайших изобретений человечества. Обесценивание этой идеи, как показывает современная практика, чревато неисчислимыми разрушительными последствиями.³

Все представления древнего человека о мире и о себе, независимо тотемистические они, анимистические или какие-нибудь иные, фиксировались в мифах и обрядах. Мифы – рассказы о первопредках и временах творения – представляли собой самосоз-

¹ Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст] / Дж. Дж. Фрэзер. – М. : Политиздат, 1983. – 830 с.

² Элькин, А. П. Коренное население Австралии [Текст] / А. П. Элькин ; [пер. с англ.]. – М. : ИЛ, 1952. – 248 с.

³ Косарев, А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость : учебное пособие для вузов [Текст] / А. Косарев. – М. : ПЭР СЭ, СПб. : Университетская книга, 2000. – 230 с.

вание племени и потому были священны. Они передавались из поколения в поколение на протяжении веков и тысячелетий, сохраняя традиции и историческую преемственность. Будучи связаны с завещанными предками духовными сокровищами, древними традициями и установлениями, мифы утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, санкционировали и поддерживали соответствующие нормы поведения. Санкционируя и объясняя существующий в природе и обществе порядок, миф настраивал человека на то, чтобы поддерживать этот порядок. Средством поддержания освященного мифом порядка был обряд. Исполнитель обряда воспроизводил в деталях и лицах действия, совершаемые якобы предками в древние времена и необходимые для установления космического и общественного порядка, и, тем самым, постоянно воспроизводил и поддерживал этот порядок.

Своеобразная попытка проникнуть в диалектику мифа была предпринята К. Леви-Строссом. Рассматривая миф как особую языковую (знаковую) систему и применяя к его анализу разработанный в лингвистике структурный метод исследования языка, он выстроил концепцию, в основе которой лежит предположение, что наблюдаемое в различных регионах земли почти буквальное повторение одних и тех же мифов обусловлено тем, что все они имеют одинаковую структуру и выполняют по отношению к культуре одну и ту же функцию.¹

Как и вся языковая система, полагает К. Леви-Стросс, миф имеет двойную структуру, одновременно историческую (диакроническую, временную) и внеисторическую (синхроническую, вневременную), ибо выступает, с одной стороны, как изложение определенной последовательности происходящих событий, образующих цепочку причин и следствий, а с другой, – как схема, обладающая постоянной эффективностью, то есть как способ интерпретации современных и предвидения будущих событий.²

¹ Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1983. – 536 с.

² Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1983. – 536 с.

Но для этого нужно сначала «разобрать» миф на составляющие его элементы (отношения) и сгруппировать их по семантическому признаку в пучки отношений; эти последние и приближают нас, при правильной их комбинации, к адекватному пониманию мифа.¹ При этом, подчеркивает ученый, исследователь-структуралист обязан рассматривать не один какой-нибудь вариант мифа, а всю совокупность вариантов: «Неверна мысль, будто существует один «подлинный» вариант, а все остальные являются его копиями или искаженными отражениями. Все варианты принадлежат мифу».² Каждый вариант мифа, представляющий собой группу взаимосвязанных семантических пучков, рассматривается им как трансформация других вариантов, а каждый миф (совокупность вариантов) – как трансформация других мифов. Таким образом, он выстроил единую, иерархически связанную картину мифологии североамериканских индейцев множеством систем, подсистем, вариантов и пучков отношений.

В обрядах и обрядовом творчестве обских угров отразилось их мышление, мировоззрение, космогонизм. Религиозно-мистическое осмысление складывалось веками. Ханты и манси ощущали себя частью окружающего мира, в котором нет ничего неподвижного, неживого. Все, что их окружает в природе, обладает душой и способностью к мировосприятию. «Особенно ярким признаком живого человека, – пишет К. Ф. Карьялайнен, – является то, что он дышит, что в него из него исходит дыхание, при некоторых обстоятельствах даже заметное глазу. В момент смерти прекращается дыхательная деятельность, человек «выдыхает душу», его покидает нечто, бывшее в нем прежде и что находится все еще в наблюдающем. Это явление – смерть – создает один из важнейших краеугольных камней, на которых зиждется народное понимание души. Если эта улетающая жизненная сила, дух, по мнению народа, появляется в виде особого существа, хотя и не имеющего определенной формы и собственного лица, то ее можно назвать, как это и произошло, ду-

¹ Элькин, А. П. Коренное население Австралии [Текст] / А. П. Элькин ; [пер. с англ.]. – М. : ИЛ, 1952. – 248 с.

² Там же. С. 158.

ша-дыхание. Наряду с этой душой-дыханием у человека существует вторая душа – персонифицированная, воспринимаемая в более определенной форме и называемая обычно душа-призрак или душа-тень. Когда человек засыпает, по какой-то причине падает в обморок или возбуждвшись, впадает в экстаз, то у него не исчезает ни тело, ни дух, но все-таки ему не хватает чего-то такого, что было в нем, пока он бодрствовал или был в своем уме. Однако человек видит лица и сны не только в бессознательном состоянии, но и в полном сознании. В темноте ночи воспринимает он голоса, исходящие, конечно, не от естественного существа, в сумерках леса перед его глазами мелькают между деревьями таинственные фигуры-существа, хотя и имеющие видимые формы, но без мяса и костей; в спокойной воде возникает лицо, удивительно похожее на лицо наблюдающего.¹

Собственный опыт и видение образов в облике человеческих фигур в снах и грезах привели к появлению представления о том, что внутри меня и мне подобных находится нечто, имеющее форму и облик, то, что может отделяться от тела и бодрствовать, когда человек спит, может действовать самостоятельно; итак, это находящееся внутри человека личное существо, имеющее облик, способное существовать вне тела и обладающее сознанием. «Души умерших являются живым во сне или в видениях и приносят вести из другого мира. Иногда же люди сами отправляются туда и, вернувшись, рассказывают живым, что они видели там».²

Человек искал эмоционально-выразительную форму общения с природой и нашел ее в виде ранних религиозных мистерий – обрядов.

Осмысление мира предполагало существование особого бытия, которое влияло на судьбу человека. Особое бытие как бы представляло, по мнению А. Цукор, Иерархическое Единство

¹ Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2 [Текст] / К. Ф. Карьялайнен ; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.

² Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2 [Текст] / К. Ф. Карьялайнен ; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.

всего сущего на Земле и в Космосе. Оно, как Творец в своем Высшем проявлении, являлось как бы источником жизневолн, образующих последовательно миры, словно этажи в мироздании. Оно ощущалось во всем и везде – вверху и внизу, справа и слева. Оно могло именоваться в великих понятиях и мельчайших вещах. От Него произошли и Ему подчинены Духи и Боги. От Него произошли и зависят минералы, растения, животные и люди.¹ Здесь уместно обратиться к работе К. Ф. Карьялайнена «Религии югорских народов», в которой он обращает внимание на тот факт, что одушевленными кажутся не только явные живые существа, но также безжизненные предметы, камни и скалы, средства передвижения, инструменты, одежда, украшения, пища, вообще все существующее. Так, остяк может разговаривать с купленным им топором как с разумным существом, желая ему долгой жизни.² Появившись на Земле, все вновь возвращается к Нему, каждый на свой уровень, свой этаж, свой мир.

Таким образом, миф – синкретическое образование, воспринимающее мир как целостность и содержащее в зародыше все выделившиеся позднее сферы культуры. В мифе осуществляется совпадение чувственного образа, полученного от определенных элементов внешнего мира, и общей идеи. Он существует не в общих понятиях, а в конкретно-чувственных образах, что ведет к тождественности материального мира и его картины, духовного образа, созданного человеком. Это не вера и не знание, а чувственное переживание действительности. Но самое главное – этот способ восприятия и объяснения мира определяет место человека в окружающем мире и формирует чувство уверенности для существования и деятельности в нем. Формирующееся при этом нерасчлененно-целостное мышление связывает различные стороны жизнедеятельности человека.

Делая обобщающий вывод по главе, можно заключить следующее. Коренные малочисленные народы Севера являются этнической общностью, у которых до сегодняшнего дня сохранил-

¹ Цукор, А. Золотой век Пима [Текст] / А. Цукор. – Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство. – 1997. – 144 с. – С. 11.

² Там же, С. 32.

ся присваивающий и полупроизводящий тип хозяйства и традиционная культура как основа жизнедеятельности. Традиционная культура коренных малочисленных народов Тюменского Севера является синкретической, это проявляется в ее целостности, нерасчлененности всех форм бытия; в признании абсолютной равнозначности трех главных средовых составляющих «природа-общество-человек» и в осознании не только материального, но и идеального субстанционального начала «среды», которое определяет ее состояние, устойчивость, изменения и прочие объекты и явления.

Авторы монографии выявили основные свойства традиционной культуры коренных народов Севера, к которым относят: социальную и территориальную замкнутость, локальность, самодостаточность; тесную связь с природно-географическими условиями существования: территорией, климатом, природными ресурсами. Традиционная культура порождает особый тип ментальности и специфические нормы социальной жизни и поведения. В традиционной культуре все вещи многофункциональны; каждая вещь (лодка, нарты, лыжи, колыбель и пр.) требует определенных правил изготовления, обращения, дарения, наследования. Все представления о мире и о себе продолжают фиксироваться в мифах и обрядах. Традиция определяет поведенческие стереотипы аборигенных народов на все случаи жизни в виде обрядов, запретов и предписаний.

Результаты исследований авторов свидетельствуют о том, что большинство представителей коренных народов Тюменского Севера ощущают потребность в сохранении и развитии традиционной культуры. Объективной основой сохранения и развития традиционной культуры, по мнению авторов монографии, являются следующие:

- сохранение традиционного природопользования и хозяйственной культуры;
- сохранение территорий компактного проживания;
- сохранение традиционного мировоззрения, основанного на представлениях и вере;
- сохранение и развитие духовной культуры.

Опыт жизнеобеспечения и выживания в экстремальных условиях Севера консолидирует традиционную культуру коренных

малочисленных народов Севера в универсум циркумполярной культуры. Глубокое, совершенное понимание, миропонимание и осознанное стремление к сохранению специфического, проверенного веками образа жизни коренные малочисленные народы Тюменского Севера демонстрируют и в настоящее время. Циркумполярная целостность традиционной культуры северных этносов определяет общность их судьбы в контексте мировой цивилизации.

ГЛАВА 2.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

2.1. Традиционное мировоззрение коренных малочисленных народов Севера по результатам социологических исследований

Конструирование методики для построения прогнозной модели развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера как основы перспективного развития исследуемых этносов определяется исходными методологическими посылами, касающимися социальной природы объекта и предметной области исследования в целом и отсюда — способов, с помощью которых должны быть получены необходимые данные. Методика проведения исследования предполагает комбинирование количественных и качественных методов.

Основным способом сбора информации был опрос населения с помощью анкетного листа. Согласно методологическим посылам опросный лист состоял из следующих смысловых блоков:

- 1) национальные обряды и обычаи;
- 2) священные места;
- 3) жертвоприношения;
- 4) отношение к духам;
- 5) священные деревья;
- 6) этническое самосознание;
- 7) межэтнические браки;
- 8) языковая ситуация.

В основе техники проведения анкетирования лежала качественная и количественная классификация объектов изучения, т. е. типология объекта. Типология как исходный пункт этносоциологического исследования связана с построением выборочной совокупности. Авторами предлагается следующая схема организации выборки: 1) за основу принята многоступенчатая стратифицированная выборка; 2) на первых ступенях отбора для стра-

тификации и размещения выборки использовались статистические данные; 3) придерживались пропорционального размещения выборки по выбранным единицам наблюдения, являющимися, наиболее существенными исходя из целей исследований, — национальность, возраст, пол, образование, семейное положение, сфера занятости и место жительства. В целом выборка достаточно адекватно отражает социально-демографическую структуру коренного населения, что позволяет считать полученные результаты репрезентативными (табл. 2.1., 2.3).

Процедура многоступенчатой стратифицированной выборки сводилась в общем виде к тому, что на основе статистического описания единиц на соответствующей ступени производится многомерная «классификация данных единиц, а затем определение объектов репрезентации. Под объектом репрезентации понимаются различного рода локальные общности, в которые включены элементы выборочной совокупности. Таким образом, задача сводится к выделению объектов репрезентации разного уровня и единиц исследования. Выборка распределялась по объектам репрезентации пропорционально величине выделенных страт. Схема расчета и размещения выборочной совокупности выглядит следующим образом:

- отбор населенных пунктов;
- формирование подвыборок для каждого населенного пункта;
- отбор респондентов.

Необходимость типологии населенных пунктов по численности населения обусловлена, во-первых, выводами отечественных этносоциологических исследований, имеющие специальной целью изучение влияния типа поселения на межэтническое общение; во-вторых, результатами мониторинговых исследований последних лет, фиксировавших возрастание связи между типом поселения и социальным положением респондента и ростом социальных диспозиций между поселениями разных типов. Доминантой при определении специфики городских и сельских условий выделяются более широкие межэтнические контакты в городах, а также разница в структурных позициях, в рамках которых осуществляются контакты. Оценивая особенности ситуации для сохранения и развития традиционной культуры в городах

разных типов, отмечается, что в малых городах существуют более благоприятные условия для сохранения и развития традиционной культуры коренного населения, сохранения обычаев и обрядов.

На второй стадии ставилась задача определения объема подвыборок для каждого типа населенного пункта. Так как в задаче исследования входит анализ позиционных отношений, предполагающих межгрупповое сравнение, то необходимо было достичь представительности выборки не только для всей генеральной совокупности, но и для сравниваемых групп, поэтому ханты, манси и другие народы Севера были представлены в необходимых для этого пропорциях. Относительный объем выборочной совокупности устанавливался с учетом необходимой плотности выборки и задач исследования.

В общем виде объем выборочной совокупности рассчитывается по формуле:

$$n = \frac{Nt^2PQ}{N\Delta_p^2 + t^2PQ}, \quad (1)$$

где

n – величина выборочной совокупности;

N – величина генеральной совокупности;

t – коэффициент репрезентативности (авторы в расчетах использовали значение $t=3$ при $P=0,99$);

P – частота признака в генеральной совокупности (%),

$Q=1-P$ (%) – базовая вероятность неоявления признака;

Δ_p^2 – предельная ошибка выборки в интервалах.

Следует отметить, что традиционно вместо фактических значений PQ подставляют приближенные значения, полученные из предыдущих исследований или на основе пробных выборочных наблюдений. При этом исходили из того, что чем ближе доля признака приближается к 0,5 (дисперсия данной доли достигает своего максимума при $P=0,5$), тем большую численность выборки нужно взять при той же заданной точности. Так как мы не знаем возможных долей признака в результатах исследований, то было принято наибольшее значение мер рассеяния признака – 0,5.

Как следует из математической статистики при нормальном распределении вероятность того, что предельная ошибка не превышает стандартного отклонения, составляет 68 %, удвоенного стандартного отклонения – 95,5 %, утроенного стандартного отклонения – 99,7 %. Вероятность в 99,7 % обычно принимается за полную достоверность. Подобные вероятности называются доверительными, а показатель стандартного отклонения t – коэффициентом доверия, причем при $P=0,68$ $t=1$, при $P=0,95$ $t=2$, при $P=0,99$ $t=3$. В данном случае можно с определенной вероятностью говорить о существовании отклонения выборочной средней от генеральной не превышающей некоторой величины, которая называется предельной ошибкой репрезентативности.

В общем случае предельная ошибка репрезентативности рассчитывается по формуле:

$$\Delta_p = t \sqrt{\frac{PQ}{n}}, \quad (2)$$

где: Δ_p – предельная ошибка выборки при t -кратном стандартном отклонении;

P – частота признака в генеральной совокупности (%),

$Q=1-P$ (%) – базовая вероятность неоявления признака;

n – величина выборочной совокупности.

В практике конкретных социологических исследований принято считать, что выборка репрезентативна, если величина вероятности, с которой гарантируется достоверность показателей выборки, не превышает 95%. Допустимая ошибка репрезентативности как правило задается в пределах от 0,01 до 0,05. Причем чем выше величина доверительной вероятности P и чем меньше допустимая ошибка репрезентативности Δ_p , тем большим должно быть число наблюдений n . Следовательно, для наших исследований примем $P=0,95$ при $t=2$, а предельную ошибку репрезентативности – 0,05, что позволяет утверждать о существовании 95 % вероятности включения признака, существующего в выборочной совокупности, в генеральную совокупность,

в интервале, задаваемым величиной ΔP и не превышающем 5 % величины в обе стороны.

Используя формулу 1 для расчета объема выборочной совокупности для трех этапов исследования, основываясь на данных органов официальной статистики о численности коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2002 г., проживающего в городской и сельской местностях, распределении занятого коренного населения по возрасту и полу коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2002 г. (табл. 1 и табл. 4) получаем:

- 1 этап исследования – 415 человек;
- 2 этап исследования – 392 человек;
- 3 этап исследования – 160 человек.

На примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, где проводились социологические исследования, ясно просматриваются определенные зависимости этнокультурных процессов от общей социально-экономической ситуации в регионе, уровня социальной и межэтнической напряженности, от демографической структуры населения. С этой точки зрения стоит предположить, что социологическим данным, предназначенным для анализа выборочной совокупности, некоторым демографическим показателям населения округа (генеральной совокупности). На подобном фоне, удобном для сопоставления, лучше видны те взаимозависимости, которые столь важны в оценках и классификации исследуемых процессов.

Резкий скачок численности населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 1970–1989 гг. объясняется миграцией трудовых ресурсов, прибывших в Тюменскую область для освоения ее северных регионов. Численность коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2002 г., проживающего в городской и сельской местностях представлена в табл. 2.1.¹

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство [Текст]. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. – 1130 с.

Таблица 2.1

Численность коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2002 г., проживающего в городской и сельской местностях

Население	Всего	Население	
		Городское	Сельское
Все население	1432817	1301924	130893
Русские	946590	863370	83220
Ханты	17128	6798	10330
Манси	9894	4865	5029
Ненцы	1290	329	961
Коми	3081	1306	1775

В 1994 году в Тюменской области была проведена микроперепись населения. Итоги переписи показали, что, несмотря на отток населения из области (отрицательное сальдо миграции), имевший место в 1990–1992 гг., доля населения по каждой национальности в общей численности населения изменилась не существенно (кроме украинцев), но в целом это оказало существенное влияние на повышение доли русского населения: с 72,6 % в 1989 г. до 74,5 % в 1994 г.¹

В начале нового столетия в Ханты-Мансийский автономный округ – Югра продолжают прибывать представители различных национальностей из стран ближнего зарубежья, в том числе татары, башкиры, казахи (табл. 2.2 см. Приложение 3)². Определенное влияние на изменение численности и состава населения оказывает вынужденная миграция. По сравнению с некоторыми регионами РФ численность прибывших в округ беженцев и вынужденных переселенцев незначительна. Из числа беженцев и вынужденных переселенцев, поставленных на учет в течение 1994 г., около 33 % (каждый третий) прибыли из Казахстана,

¹ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области [Текст]. – Тюмень : Тюменский областной комитет статистики, 1995. – 33 с.

² Там же, с. 5.

15 % – из Узбекистана, 10 % – из Таджикистана, 8,6 % – из Чечни.¹

Совместное проживание в одной деревне или одном поселке представителей из числа коренных малочисленных народов Севера с людьми других национальностей, способствовало, во-первых, развитию интеграционных процессов, во-вторых, привело к тому, что аборигены стали забывать свой родной язык, свои национальные обычаи и традиции. Анализируя данные, полученные в ходе переписи населения, проведенной в 2002 г., Н. Г. Хайруллина выявила тенденцию уменьшения численности северных этносов, владеющих родным языком (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Распределение коренного населения ХМАО по степени владения родным и русским языками в 2002 г.²

Национальность	Численность лиц соответствующей национальности	Из них владеют русским языком	Из них владеют родным языком
Ханты	17128	16826	6338
Манси	9894	9804	2229
Ненцы	1290	1278	446
Селькупы	22	22	
Коми	3081	3064	688

Другой не менее важной особенностью демографического развития коренных малочисленных народов Севера является ускорение процесса его урбанизации. Высокая доля городского населения из числа коренных народов Севера зафиксирована в городах округа – Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Нефтеюганске, Сургуте. Так, в 2002 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в целом 39,6 % ханты и 49,1 % манси проживали в городах, а соответственно 60,4 и 50,9 % – в сельской местности (табл. 2.1). Следует отметить, что манси более урбанизированы. Если среди ханты каждый третий проживает в городах, то среди манси – каждый второй.

Важным демографическим показателем является половозрастная структура населения. На современную половозрастную

¹ Там же, С. 6.

² Национальный состав и владение языками, гражданство [Текст]. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. – 1130 с.

структуру коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры существенное влияние оказали миграционные процессы.

Таблица 2.4

Распределение занятого коренного населения ХМАО по возрасту и полу (2002 г.)¹

Возраст	Городское и сельское население		
	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
Ханты, в т. ч.	17128	7850	9278
0–14	5527	2805	2802
15–19	2150	1008	1142
20–29	2934	1360	1574
30–39	2514	1117	1397
40–49	2166	936	1230
50–59	892	337	555
60–69	624	190	434
70 и более	301	84	217
Манси, в т. ч.	9894	4510	5384
0–14	3232	1675	1557
15–19	1190	545	645
20–29	1494	694	800
30–39	1439	640	799
40–49	1389	564	825
50–59	479	186	293
60–69	431	147	284
70 и более	239	59	180
Ненцы, в т. ч.	1290	600	690
0–14	382	198	184
15–19	159	66	93
20–29	211	127	84
30–39	188	75	113
40–49	182	70	112
50–59	85	39	46
60–69	51	16	35
70 и более	32	9	23

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство [Текст]. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. – 1130 с.

Соотношение численности мужчин и женщин среди ханты и манси соответствует общероссийской закономерности – мальчиков рождается больше, чем девочек, но общая численность женщин превышает численность мужчин. Так, итоги переписи населения 2002 г. показали, что среди представителей коренного населения ХМАО в возрасте моложе трудоспособного численное превосходство наблюдается у женщин (табл. 2.4, табл. 2.5, см. Приложение 3)¹. Кроме того, в округе наблюдается численное превосходство мужчин в возрастной категории до 14 лет. В остальных возрастных категориях (старше 14 лет) женщины превышают по численности мужчин. Если в средних возрастных категориях превышение незначительное, то в старших возрастных категориях (старше 60 лет) превышение составляет в два и более раза. Например, среди лиц старше 70 лет количество женщин из числа ханты составляет 217, а мужчин – 84. Доля женщин и мужчин отмеченного возраста в общей численности ханты округа составила соответственно 2,34 и 1,07 %.

У коренных малочисленных народов Севера округа преобладающим типом семьи является простая семья, состоящая из супругов с детьми или без них. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре уровень брачности ханты ниже, чем в целом по Тюменской области: 48,1 и 52,9 % (табл. 2.5, см. Приложение 3).

Среди коренного населения наблюдается тенденция увеличения неполных семей. Это, как правило, семьи одиноких матерей, разведенных женщин и вдов с детьми. Так, в 2002 г. среди 6292 женщин ханты вдовых и разведенных 1265 чел., среди 3675 женщин манси 745 чел. Среди 4801 мужчин ханты таких 400 чел., а среди мужчин манси – 241 чел.

Расчеты данных, приведенных в табл. 2.5, позволили выявить Н. Г. Хайруллиной и Т. Г. Харамзину следующие тенденции:

1. Уровень брачности выше у женщин, чем у мужчин.
2. Количество мужчин, никогда не состоявших в браке, превышает аналогичный показатель среди женщин.

¹ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области [Текст]. – Тюмень : Тюменский областной комитет статистики, 1995. – 33 с.

3. Женщины чаще мужчин остаются вдовами, при этом в ХМАО вдов из числа ханты встречаются в 4 раза чаще, манси – в 4,4 раза.

4. Разведенных женщин в полтора раза больше мужчин. Это характерно для всего коренного населения, проживающего в Тюменской области.

Важным демографическим показателем является состояние образовательного уровня населения округа. Статистические данные показывают, что за период с 1979 по 2002 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре повысился образовательный и культурный уровень коренного населения. Так, перепись 2002 г. показала, что 16 ханты получили послевузовское образование. Кроме того, в 2002 г. увеличилось число ханты, получивших высшее образование; сократилось число ханты и манси, получивших начальное образование; не имевших образования (табл. 2.6, см. Приложение 3)¹. Одновременно 1,9 % ханты не имели образования; 14,1 % получили начальное образование; 26,5 % – незаконченное среднее; 18,8 % – среднее; 30 % – среднее специальное; незаконченное высшее и высшее – 8,3 %; послевузовское – 0,1 %. Несмотря на определенный рост образовательного уровня коренного населения Тюменской области, наблюдается его отставание по уровню образования от русского населения (табл. 2.6, см. Приложение 3).

Коренное население Ханты-Мансийского автономного округа – Югры является экономически активным, таким образом, доля занятого населения в общей численности людей постоянно возрастает. При этом занятость коренного населения ниже, чем у других народов Тюменской области. Из общего числа ханты занятое население составляет 11581 чел. или 67,6 %, занятые в личном подсобном хозяйстве 1356 чел., или 0,1 %, пенсионеры и лица, получающие государственное пособие 519 чел., или 0,18 %, стипендиатов – 1901 чел., или 3,08 %, иждивенцев – 8003 чел., или 46,7 %. Кроме того, 4814 ханты имеют другие источники существования (3,7 %) (табл. 2.7). Среди манси данные пока-

¹ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области [Текст]. – Тюмень : Тюменский областной комитет статистики, 1995. – 33 с.

затели выглядят иначе: занятое население составляет 6661 чел., или 67,3 %, занятые в личном подсобном хозяйстве 1407 чел., или 14,2 %, пенсионеры и лица, получающие государственное пособие 305 чел., или 12 %, стипендиатов – 1190 чел., или 3,1 %, иждивенцев – 4517 чел., или 45,6 %. Кроме того, 199 манси имеют другие источники существования (2,0 %) Распределение коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по источникам средств существования в 2002 г. представлено в табл. 2.7.

Таблица 2.7

Распределение коренного населения ХМАО по источникам средств к существованию (2002 г.)¹

Источники средств к существованию	Национальность		
	Ханты	Манси	Ненцы
Численность соответствующей национальности	17128	9894	1290
Всего указали источников средств к существованию	22869	14021	1777
Доход от трудовой деятельности	5147	3130	418
Доход от работы в личном подсобном хозяйстве	1356	1407	94
Стипендия	519	305	33
Пенсия	1901	1190	175
Пенсия по инвалидности	435	283	31
Пособие	3307	2249	303
Пособие по безработице	564	452	49
Другой вид государственного обеспечения	470	266	32
Сбережения	41	12	1
Доход от сдачи внаем или в аренду имущества	486	11	12
На иждивении отдельных лиц	8003	4517	581
Иной источник средств к существованию	640	199	48
Не указавшие источник средств к существованию	30	18	1

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство [Текст]. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. – 1130 с.

В 1990-е годы наблюдались негативные явления в естественном движении коренных народов Севера (табл. 2.8). В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре численность коренного населения уменьшилась за счет сокращения естественного прироста. За период с 1985 по 1995 гг. рождаемость в округе сократилась в 2,2 раза, смертность увеличилась в 1,6 раза, вследствие чего естественный прирост снизился в 1,8 раза. Причинами снижения естественного прироста являются социальная незащищенность, безработица, падение уровня жизни, рост пьянства и алкоголизма и др.

Таблица 2.8

Динамика демографических процессов в ХМАО (промилле)

Год	Уровень рождаемости		Уровень смертности		Младенческая смертность		Естественный прирост	
	все го	аборигены	все го	аборигены	все го	аборигены	все го	аборигены
1980	21,7	28,8	6,5	14,7	25,7	48,1	15,2	14,1
1990	16,7	30,4	4,1	10,5	17,0	32,9	12,5	19,7
1994	11,3	19,8	7,5	13,5	16,1	35,6	3,8	6,3
1995	10,5	17,3	6,6	12,1	21,1	48,6	4,0	5,2
1996	10,5	16,6	6,9	12,5	16,1	22,9	3,6	4,1

1997	10,8	18,9	6,2	14,0	12,6	49,8	4,6	4,9
1998	11,3	20,4	6,6	13,4	12,0	36,3	4,7	7,0
1999	10,9	17,2	6,1	10,3	11,7	20,0	4,8	6,9

По данным Окружного комитета по делам малочисленных народов Севера по состоянию на 01.01.2000 г. трудоспособное население среди коренных народов в целом по округу составило 14 700 человек. Из них было обеспечено работой 8 658 человек, или 58,7 %. В традиционных отраслях хозяйствования (родовые угодья, национальные общины, фермерские хозяйства и др.) занято 1 448 человек (табл. 2.9).

В графе «Национальные предприятия» информация является неполной из-за недоучета численности фактически работающих. В целом численность занятых среди коренных малочисленных народов Севера в традиционном секторе оцениваем около 2,5 тысяч человек или 27 % от общего числа работающих.

В настоящее время уровень безработицы среди коренных малочисленных народов Севера достиг критического уровня, особенно в сельской местности, что сказывается на их социально-психологическом состоянии – среди них исчезает мотивация к трудовой деятельности. При отсутствии регистрации в службе занятости безработным аборигенам не исчисляется трудовой стаж.

Территориальная структура безработных среди коренных малочисленных народов Севера, представленная в табл. 2.10, свидетельствует о дифференциации их численности по городской и сельской местности, а также по отдельным административным единицам.

Таблица 2.9
Территориальная структура занятости аборигенных народов
ХМАО, человек

Территория: район, го- род	Население			Занято	
	все- го	трудо- спо- собное	обеспеченно е работой	национальны е пред- приятия*	другие формы предпри- ятий
Белоярский	2 855	1 358	789	84	705
Березов- ский	6 059	3 944	2 122	244	1 868
Кондинский	4 924	2 560	1 910	103	1 807
Н.-Вартов- ский	1 995	948	465	413	52
Н.- Юганский	358	186	103	40	63
Октябрь- ский	1 866	855	298	46	252
Советский	188	104	56	9	47
Сургутский	2 790	1 332	544	378	166
Х.-Мансий- ский	1 576	709	303	100	203
Всего в районах	22 611	11 996	6 580	1 417	5 163
Всего в городах	5 833	2 942	2 078	31	2 047
Итого	28 444	14 938	8 658	1 448	7 210

Примечание: * – родовые угодья, национальные общины, фермерские и др. хозяйства

Для исследования традиционного мировоззрения ханты и манси был использован социологический мониторинг, разработка и реализация которого потребовала предварительного научного изучения ситуации, т. е. проведения социологических исследований. Такие совместные исследования авторами проводятся с 2001 года.

Таблица 2.10
Территориальная структура безработных среди аборигенных народов ХМАО, человек

Территория: район, город	Население				
	все-го	безработное	состоящее на учете в ЦЗ	получающее пособие	прошедшие переквалификацию
Белоярский	2 855	569	220	220	-
Березовский	6 059	1 32	802	757	5
Кондинский	4 924	650	248	120	11
Н.-Вартовский	1 995	483	184	184	2
Н.-Юганский	358	83	16	5	-
Октябрьский	1 866	557	42	37	5
Советский	188	48	6	3	8
Сургутский	2 790	788	25	25	2
Х.-Мансийский	1 576	406	44	44	-
Всего в районах	22 611	5 432	1 587	1 395	36
Всего в городах	5 833	867	98	81	18
Итого	28 444	6 346	1 685	1 476	54

На первом этапе исследования (2001–2002 гг.) был проведен анкетный опрос ханты и манси Белоярского, Березовского, Кондинского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с целью исследования традиционного мировоззрения. В опросе приняло участие 415 человек, среди них 246 ханты, 161 манси, 8 – другие народы Севера (ненцы, коми, зыряне). Из числа опрошенных 35,2 % составили мужчины, 64,8 % – женщины. В традиционных отраслях (оленоводство, звероводство, рыболовство, народные промыслы) заняты 5,1 % респондентов;

тов; в сфере обслуживания – 4,8 %; культуры – 3,6 %; дошкольного и школьного образования – 14,0 %; здравоохранения – 7,7 %; в органах власти и правоохранительных органах – 2,4 %; на транспорте – 4,1 %; в строительстве – 1,7 %; системе связи – 2,2 %; коммерческих структурах – 0,5 %; нефтегазовой промышленности – 0,5 %; сельском хозяйстве – 0,5 %, неработающие составили 14,3 % от общей численности опрошенных. Кроме того, было опрошено 2,6 % студентов, 12,3 % рабочих, 1,0 % домохозяйек и 8,2 % пенсионеров (Приложение № 1).

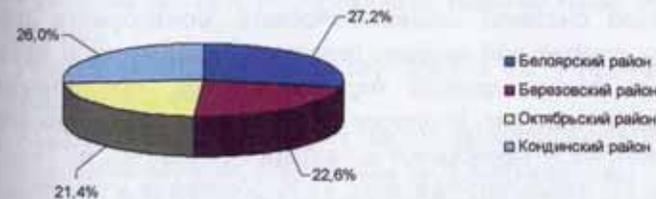

Рис. 2.1. Распределение респондентов в зависимости от места жительства, в процентах к общему числу ответивших

На втором этапе исследования (2004–2005 гг.) был проведен повторный опрос коренного населения в исследуемых районах округа для изучения динамики оценок и мнений, характеризующих современное состояние традиционного мировоззрения исследуемых этносов. В опросе приняло участие 392 респондента, из них 225 ханты, 145 манси, 22 – другие народы Севера (ненцы, коми, зыряне). Из числа опрошенных 37,0 % составили мужчины, 63,0 % – женщины. В традиционных отраслях (оленоводство, звероводство, рыболовство, народные промыслы) заняты 3,8 % респондентов; в сфере торговли и бытового обслуживания – 2,7 %; культуры – 3,6 %; дошкольного и школьного образования – 21,1 %; здравоохранения – 5,4 %; органах власти – 3,2 %; на транспорте – 1,1 %; в энергетике – 1,6 %; в системе связи – 1,6 %; в коммерческих структурах – 0,5 %; в нефтегазовой и газовой промышленности – 4,3 %; в сельском хозяйстве – 0,5 %, неработающие составили 30,3 % от общей численности опрошенных. Кроме того, было опрошено 3,8 % студентов, 4,3 % рабочих, 1,6 % домохозяйек и 13,0 % пенсионеров (Приложение № 2).

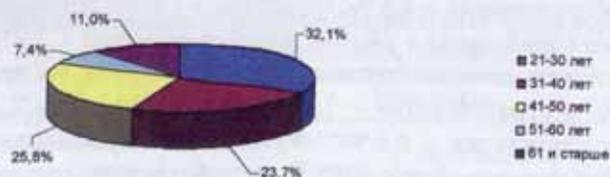

Рис. 2.2. Распределение респондентов в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

На третьем этапе (2005 г.) апробировались индикаторы разработанной системы социологического мониторинга для построения прогнозной модели развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающей дальнейшее развитие. В опросе приняло участие 160 респондентов, из них 40 % проживают в Белоярском районе, 60 % – Березовском. Из числа опрошенных 47 % составили мужчины, 53 % – женщины. В традиционных отраслях (оленоводство, звероводство, рыболовство, народные промыслы) заняты 7,8 % респондентов; в сфере обслуживания – 3,0 %; культуры – 5,1 %; образования – 25,9 %; здравоохранения – 4,2 %; органах власти – 1,8 %; на транспорте – 2,4 %; в строительстве – 2,4 %; в системе связи – 3,6 %; в коммерческих структурах – 1,2 %; в нефтегазовой промышленности – 1,8 %; неработающие составили 21,7 % от общей численности опрошенных (Приложение № 3).

Рис. 2.3. Распределение респондентов в зависимости от пола, в процентах к общему числу ответивших

Социологический мониторинг включает сбор информации, осуществляемый по стандартному набору индикаторов с помощью стандартных процедур и на выходе дает оценку ситуации в стандартной форме. Индикаторы в течение длительного времени

должны быть одни и те же, чтобы дать возможность оценки их динамики, но это не означает их полной неизменности: ситуация меняется, возникают новые проблемы и, соответственно, может изменяться и состав показателей. Таким образом, на первом этапе исследования изучалось традиционное мировоззрение коренных малочисленных народов Севера четырех районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, что позволило предложить набор индикаторов, которые вошли в систему социологического мониторинга:

- Удельный вес лиц, выполняющих национальные обычаи и обряды.
- Удельный вес лиц, использующих в быту предметы национальной утвари.
- Удельный вес лиц, пользующихся национальной одеждой.
- Удельный вес лиц, считающих себя верующими.
- Удельный вес лиц, посещающих священные места.
- Удельный вес лиц, знакомых с родовыми и местными духами.
- Удельный вес лиц, имеющих изображения каких-либо духов.
- Удельный вес лиц, приносящих жертвоприношения.
- Удельный вес лиц, состоящих в однонациональных браках.
- Удельный вес лиц, владеющих традиционными навыками.
- Удельный вес лиц, владеющих родным языком.

В следующем параграфе авторы представят результаты социологических исследований, которые позволят построить прогнозирующую модель развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающую дальнейшее развитие исследуемых этносов.

2.2. Прогнозная модель развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера

Главным условием сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера является их приверженность традиционному образу жизни. Анализ ответов на вопрос о том, как должно жить аборигенное население Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, показал приверженность традиционному образу жизни только каждого пятого представителя коренной национальности (20,2 %) (автономный

вариант развития). Именно они ответили, что «хотят жить на своей земле, как предки, без всякого вмешательства и изменений». Следует обратить внимание, что за последние 10 лет приверженцев традиционного образа жизни стало больше (табл. 2.11). Сформулировать данный вывод авторам позволили результаты исследований, проведенных Н. Г. Хайруллиной и Т. Г. Харамзиным в 1993–2001 гг., а также социологический инструментарий, использованный авторами для подтверждения выдвинутых гипотез и сопоставления полученных данных.

Таблица 2.11

Динамика ответов респондентов на вопрос «Как должно жить аборигенное население ХМАО», в процентах к общему числу ответивших¹

Варианты развития	Годы				
	1993	1995	1997	1999	2005
Европейский	53,0	52,0	71,9	75,6	21,5
Интегральный	33,0	34,0	21,0	16,0	58,3
Автономный	14,0	14,0	8,1	8,4	20,2

Практически такое же число опрошенных (21,5 %) придерживаются противоположного мнения, для них предпочтительнее европейский вариант развития, предполагающий возможность вести образ жизни как население других национальностей, проживающих в округе. Остальные респонденты (58,5 %) хотели бы жить на своей земле, но при этом пользоваться всеми благами цивилизации (сторонники интегрального варианта развития).

¹ Хайруллина, Н. Г. Социально-политические инновации и массовое сознание: изменения в оценках и мнениях аборигенного населения [Текст] / Н. Г. Хайруллина; [под научн. ред. А. Н. Силина]. – Тюмень : Вектор Бук, 1997. – 132 с.; Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе [Текст] / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.; Харамзин, Т. Г. Изучение социально-экономической ситуации в районах компактного проживания народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе и обоснование моделей хозяйствования и управления экономическими процессами в новых условиях [Текст] / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень, Ханты-Мансийск, 1996. – 46 с.; Харамзин, Т. Г. Обские угры (социологические исследования материальной и духовной культуры) [Текст] / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2003. – 221 с.

Таким образом, исходя из ответов участников анкетного опроса три четверти опрошенных в 2005 г. респондентов (78,7 %) могут рассматриваться в качестве носителей традиционной культуры коренных малочисленных народов округа.

Носители традиционной культуры, по мнению авторов, носители прежде всего национальной самобытности, отличающей их от людей других национальностей, которые должны владеть традиционными навыками своей этнической среды, питаться традиционной для северян пищей, выполнять национальные обряды и обычаи, использовать в быту предметы национальной утвари, носить национальную одежду, быть удовлетворены своей национальной принадлежностью, идентифицировать себя с представителями этноса, говорить на родном языке и т. д.

Поэтому в целях исследования необходимо более подробно остановиться на перечисленных индикаторах, характеризующих традиционный образ жизни, что позволит построить прогнозную модель развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающую дальнейшее развитие исследуемых этносов. Прежде чем приступить к анализу перечисленных показателей, авторы обращают внимание на выявленную обеспокоенность коренного населения возможностью утратить свою национальную самобытность. Более половины опрошенных считают, что для аборигенных народов Севера существует опасность утратить свою национальную самобытность, при чем 42,3 % респондентов указали на наличие опасности, а 19,0 % полагают, что опасность существует, но ее не следует преувеличивать. Противоположного мнения («опасности нет») придерживаются только 4,9 % опрошенных. При этом каждый третий респондент об этом никогда не задумывался (14,1 %) или затруднился ответить на поставленный вопрос (19,6 %).

Важным фактором, определяющим традиционный образ жизни, является, как было отмечено выше, соблюдение обычаев и обрядов.

Анализ ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» показал, что каждый третий респондент не выполняет национальные обряды, не соблюдает национальные обычаи (18,1 %) или не знает совсем обрядов своего народа (14,2 %).

Остальные участники анкетного опроса выполняют национальные обряды, соблюдают национальные обычаи полностью (12,9 %) или частично (54,8 %) (рис. 2.4).

Авторы монографии выявили зависимость между ответами респондентов на данный вопрос от их возраста, пола, образования и знания родного языка (табл. 2.12–2.15).

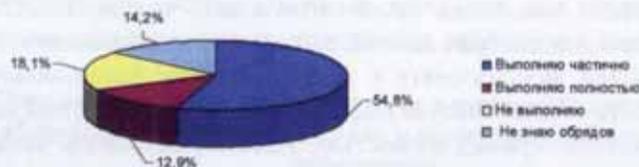

Рис. 2.4. Распределение ответов респондентов «Выполняете ли Вы национальные обряды», в процентах к общему числу ответивших

Как и предполагалось, представители старшего поколения чаще выполняют национальные обычаи, соблюдают обряды полностью. Если среди молодежи до 20 лет никто полностью не выполняет обряды и не соблюдает обычаи, то среди респондентов от 31 до 40 лет таких уже 17,1 %, среди лиц старше 61 года – 66,7 %. И наоборот, каждый третий представитель молодого поколения не знает обрядов своего народа, в возрастной категории от 41 до 50 лет таких уже 19,4 %, а среди представителей старшего поколения (старше 61 года) таких нет вообще.

Таблица 2.12

Распределение ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Выполняю	Возраст					
	до 20 лет	21-30	31-40	41-50	51-60	старше 61
Полностью	0	9,5	17,1	6,4	27,3	66,7
Частично	35,0	57,1	65,7	58,1	50,0	0,0
Не выполняю	35,0	19,1	14,3	16,1	9,1	33,3
Не знаю обрядов	30,0	14,3	2,9	19,4	13,6	0,0

Анализ ответов, представленных в табл. 2.13, выявил зависимость, отвергшую первоначальную гипотезу авторов: мужчины в два с половиной раза чаще выполняют национальные обычаи и соблюдают обряды, чем женщины. И наоборот женщины чаще не знают обрядов, чем мужчины.

Таблица 2.13

Распределение ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» в зависимости от пола, в процентах к общему числу ответивших

Выполняю	Пол	
	мужской	женский
Полностью	19,1	7,3
Частично	50,0	58,5
Не выполняю	22,1	14,6
Не знаю обрядов	8,8	19,5

Авторское исследование выявило, что представители коренного населения редко используют в быту предметы национальной утвари (рис. 2.5).

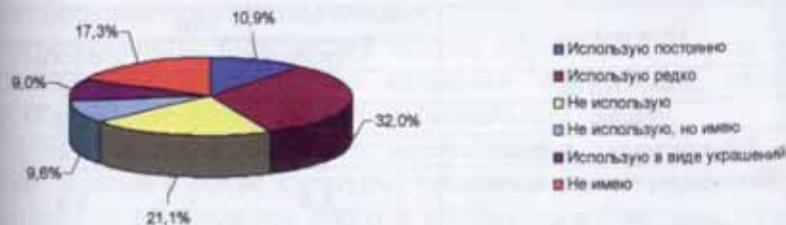

Рис. 2.5. Ответы респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари, в процентах к общему числу ответивших»

Как видно из полученных данных, представленных на диаграмме (рис. 2.2), только один из десяти участников опроса постоянно использует в быту предметы национальной утвари, а каждый третий – редко. Кроме того, почти каждый десятый опрошенный (9,0 %) использует их в виде украшений или релик-

вии. Одновременно около половины опрошенных (48,1 %) их не используют (30,8 %) или не имеют (17,3 %) (рис. 2.2).

Изучение структуры мнений респондентов от степени использования ими в быту предметов национальной утвари, позволило выявить следующие тенденции:

1. Чаще используют в быту предметы национальной утвари мужчины, чем женщины (табл. 2.14), при этом женщины чаще используют предметы национальной утвари в виде украшений. В остальном их мнения полностью совпадают.

2. Чаще используют в быту предметы национальной утвари лица старшего поколения, чем молодежь, кроме того, с возрастом растет и число респондентов, которые используют предметы национальной утвари в виде украшений.

3. Анализ ответов на данный вопрос респондентов, состоящих в однонациональном или в межэтническом браке не выявил значительных различий в мнениях метисов и чистокровных представителей коренного населения.

Таблица 2.14

Ответы респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?» в зависимости от пола, в процентах к общему числу ответивших

Использую	Пол	
	Мужской	Женский
Постоянно	14,7	8,4
Редко	32,4	32,5
Не использую, не имею	8,8	8,4
Использую в виде украшений	8,8	9,6
Не использую	20,6	20,5
Не имею	14,7	20,5

Следующим индикатором, характеризующим традиционную культуру, является использование национальной одежды.

Ответы респондентов на вопрос «Пользуются ли они национальной одеждой?» показывают, что ситуация в этой сфере обстоит проблематично: пользуются «постоянно» национальной одеждой только 7,6 % коренного населения, «иногда» в два раза

большее число респондентов (15,2 %). Одновременно чуть более половины коренного населения (54,1 %) не носят национальную одежду (29,3 %) или ее не имеют (24,8 %) (рис. 2.6).

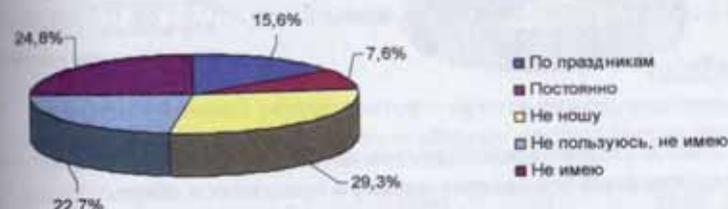

Рис. 2.6. Ответы респондентов на вопрос «Пользуетесь ли Вы национальной одеждой в повседневной жизни?», в процентах к общему числу ответивших

Детальный анализ структуры ответов респондентов позволил выявить следующие тенденции:

1) чаще национальную одежду носят представители старшего поколения, чем молодежь; соответственно, респонденты молодых возрастных групп не пользуются и не имеют национальную одежду;

2) люди, не получившие образования;

3) представители коренного населения, занятые традиционными формами природопользования;

4) респонденты, получившие высшее образование, наряду с респондентами, получившими начальное образование, чаще других не используют, но имеют национальную одежду;

5) по праздникам чаще носят национальную одежду респонденты занятые в сфере культуры; постоянно носят традиционную одежду респонденты занятые в образовании, органах власти, культуры и связи.

Другим показателем традиционной культуры является потребление традиционной пищи. На вопрос, питаются ли респонденты традиционной для северян пищей, были получены более оптимистичные ответы. Четыре пятых коренного населения питается традиционной пищей, при чем «постоянно», чуть более четверти опрошенных, «не часто» – почти каждый третий, «редко» – 21,6 % (рис. 2.7). Не питается традиционной для северян пищей пятая часть коренных жителей.

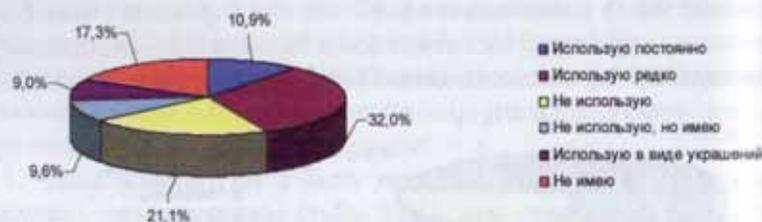

Рис. 2.7. Ответы респондентов на вопрос, питаются ли они традиционной для северян пищей, в процентах к общему числу ответивших

Анализ структуры ответов на данный вопрос выявил некоторые отличительные особенности в потреблении традиционной пищи:

- 1) пищей чаще питаются мужчины, чем женщины;
- 2) люди старшего поколения; получившие высшее образование, неполное среднее и среднее специальное образование;
- 3) занятые в образовании и традиционных для аборигенов сферах деятельности.

Следующий показатель, на который следует обратить внимание при исследовании традиционной культуры, является удовлетворенность национальной принадлежностью или этнической идентификацией. Судя по ответам респондентов, чуть более половины из них (55,1 %) однозначно удовлетворены своей национальной принадлежностью. Противоположного мнения придерживается в 12 раз меньшее число участников анкетного опроса (3,8 %), остальные выбрали из предложенного списка вариантов ответов следующие:

- не придаю значения национальной принадлежности (16,7 %);
- трудно сказать (24,4 %).

Неоднозначность реакции массового сознания проявилась в ответах на вопросы о проблемах этнической идентификации. Четверть респондентов полагает, что основным критерием определения национальности является желание самого человека, примерно такое же число участников опроса (23,1 %) считают, что этим критерием является «национальность отца»; на третьем месте оказался вариант ответа (с небольшой разницей в ответе –

21,0 %) согласно которому представители коренного населения, отдают предпочтение «родному языку». Другие варианты («национальность матери», «гражданство», «анкетные данные») выбрали от 7,0 до 14,0% участников анкетного опроса (табл. 2.15).

Таблица 2.15
Динамика мнений респондентов о критериях определения национальности, в процентах к общему числу ответивших

Критерии	Годы	
	1999	2005
Желание самого человека	40,7	25,3
Родной язык	24,6	21,0
Национальность отца	15,2	23,1
Национальность матери	12,4	14,0
Гражданство	5,0	9,7
Анкетные данные	2,1	7,0

Анализ полученных данных показывает, что критерии определения национальности меняются в зависимости от места жительства респондентов. Так, для коренных жителей Белоярского района наиболее значимыми критериями являются: желание самого человека, национальность отца и матери, а для Березовского – родной язык, желание самого человека и национальность отца (табл. 2.16). Были характерны аналогичные для XXI века признаки определения национальности.

Таблица 2.16
Критерии определения национальности респондентами в 2005 г. в зависимости от района проживания, в процентах к общему числу респондентов

Критерии	Район	
	Белоярский	Березовский
Желание самого человека	27,5	24,5
Родной язык	26,3	23,5
Национальность отца	18,8	21,6
Национальность матери	15,0	10,8
Гражданство	8,8	10,8
Анкетные данные	3,8	8,8

Какое же содержание вкладывают в понимание национальности участники анкетного опроса из числа коренного населения в зависимости от полученного образования (табл. 2. 17).

Таблица 2.17

Отношение респондентов к высказываниям, отражающим понимание национальности в зависимости от образования, в процентах к общему числу ответивших

Высказывания	Образование					высшее
	начальное	неполное среднее	среднее	среднее специальное	неоконченное высшее	
Дана человеку от природы или Богом и менять ее нельзя	62,5	28,1	18,9	30,2	29,4	34,5
Благодаря ей сохраняется память о предках, Родине и ее истории	0,0	21,9	35,1	28,3	25,5	27,0
Каждый должен гордиться своей национальностью	12,5	15,6	10,8	18,9	17,6	20,7
Это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей	12,5	12,5	2,7	3,8	25,5	13,8
Понятие в значительной мере устарело	0,0	0,0	8,1	1,9	0,0	3,4
Человек вправе сам выбирать свою национальность	0,0	21,9	18,9	7,5	0,0	0,0
То, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу	12,5	0,0	5,4	9,4	5,9	0,0

Примечательно, что респонденты, получившие высшее образование, вкладывают в это понятие следующий смысл: «национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя», «каждый человек должен гордиться национальностью и благодаря ей у людей сохраняется память о предках, родине и ее истории». Респонденты, получившие начальное образование, утверждают, что в первую очередь, «национальность, это то что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей». При этом респонденты, получившие среднее образование, чаще отмечают, что «понятие национальности в значительной мере устарело». Или «человек вправе сам выбирать свою национальность». Коренное население, получившее неполное и среднее образование, считает что «национальность разъединяет людей, противопоставляет их друг другу». Таким образом, независимо от полученного образования, представители коренного населения, в первую очередь, указывают, что национальность – это то, благодаря чему у людей сохраняется память о предках, Родине и ее истории»; далее, «она дана человеку от природы или Бога и менять ее нельзя, в третью очередь, каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью».

Следующие два вопроса позволили выявить этнодифференцирующие и этноконсолидирующие признаки определения национальности, т. е. факторы, которые различают и сближают людей одной национальности (табл. 2.18).

Таблица 2.18

Динамика мнений респондентов об этнодифференцирующих и этноконсолидирующих признаках национальности, в процентах к общему числу ответивших

Признаки	Признаки			
	этнодифференцирующие		этноконсолидирующие	
	1999	2005	1999	2005
Государство в котором мы живем	12,8	9,9	7,4	2,5
Язык, на котором говорим	22,2	22,1	22,0	22,2
Историческое прошлое	21,0	13,6	19,1	10,2

Народные традиции и обычаи	29,4	24,5	27,8	20,0
Особенности поведения	4,1	5,8	6,0	11,3
Особенности национального характера	5,2	7,1	9,7	9,5
Религия	2,7	6,1	2,8	9,8
Внешность	1,6	6,8	4,1	11,3
Конфессиональное единство	0,0	1,0	0,1	0,4
Общность календарных обрядов	0,1	1,7	0,3	1,4
Другое	0,9	1,4	0,2	1,5

Факторами, различающими людей одной национальности, респонденты назвали следующие:

- язык, на котором говорим – 36,7 %;
- народные традиции и обычаи – 33,1 %;
- особенности поведения – 18,7 %;
- внешность – 18,7 %.

Полученные данные показывают, что такие признаки, как «язык, на котором говорим», «народные традиции и обычаи» респондентами отнесены и к сближающим людей одной национальности, и к различающим людей по национальности. Такая тенденция авторами была выявлена и в исследованиях предыдущих лет.

Известно, что родной язык является важным признаком этнической идентификации этноса, поэтому более детально остановимся на блоке вопросов, которые в некоторой степени позволяют увидеть специфику языковых процессов, протекающих в исследуемых районах коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Первый вопрос данного блока «Какой язык лучше всего знаете?» показал, что более трети коренного населения (39,1 %) знают русский язык, каждый третий (32,9 %) – русский и родной языки и только чуть более четверти опрошенных (27,9 %) ответили – родной язык (ханты, манси, ненцы и коми).

Таблица 2.19

Ответы респондентов на вопрос в зависимости от полученного образования, в процентах к общему числу ответивших

	Язык	
	родной	русский
Какой язык лучше всего знаете	27,9	39,1
Язык, на котором говорите дома	8,1	65,2
Язык, на котором общаетесь на работе	3,1	78,6

Детальный анализ структуры ответов на данный вопрос показал, что лучше всего родной язык знают респонденты, занятые в сфере образования и неработающие (табл. 2.20).

Таблица 2.20

Ответы респондентов на вопрос, какой язык лучше всего знаете в зависимости от сферы занятости, в процентах к общему числу ответивших

Сфера занятости	Язык		
	родной	русский	родной и русский
Традиционное природопользование	10,7	5,3	1,6
Нефтегазовая промышленность	0,0	4,0	0,0
Обслуживание	0,0	4,0	3,3
Образование	10,7	27,6	31,2
Культура	0,0	7,9	3,3
Здравоохранение	3,6	2,6	6,6
Связь	3,6	5,3	1,6
Органы власти	0,0	2,6	1,6
Транспорт	3,6	1,3	3,3
Строительство	3,6	2,6	1,6
Не работаю	25,0	21,1	21,3

Вызывает тревогу то обстоятельство, что менее десяти процентов представителей коренного населения 8,1 % дома общаются на родном языке, каждый четвертый – на русском и родном, остальные (65,2 %) говорят только на русском языке (табл. 2.19). Это, как правило, представители более молодого

поколения (табл. 2.21). Представители старшего поколения говорят дома, как правило, на родном языке.

Таблица 2.21

Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы говорите дома?» в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Язык	Возраст					
	до 20 лет	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Родной	0,0	7,7	30,8	15,4	38,5	7,7
Русский	19,2	30,8	21,1	18,3	9,6	1,0
Родной и русский	2,4	21,4	23,8	31,0	19,1	2,4

Распределение ответов респондентов, полученных в исследуемых районах, говорит о том, что ситуация с общением на родном языке в производственной сфере обстоит не в лучшей степени. Три четверти опрошенных общаются на работе только на русском языке; в 25 раз меньше число представителей коренной национальности общаются на работе на родном языке, остальные (18,2 %) на родном и русском. Анализ данного вопроса в зависимости от полученного респондентами образования показал, что более образованные респонденты чаще говорят на работе на русском языке.

Как было отмечено выше, знание и свободное владение родным языком наделяет человека особым статусом хранителя, носителя и транслятора традиционной культуры, традиционного образа жизни. Судя по результатам нашего опроса (табл. 2.19) к такому можно отнести около трети коренного населения округа. Лучше всего родной язык знают чуть более четверти опрошенных, а родной язык и русский – каждый третий респондент. Более того, авторам было интересно выяснить, в какой степени владеют родным языком респонденты. Исходя из ответов респондентов, языком владеют свободно, разговаривают и пишут только 22,6 % коренного населения. Почти такое же число респондентов (19,5 %) могут разговаривать и читать, а 17,6 % – только разговаривать.

Четверть населения родным языком на сегодняшний день не владеет. Вызывает озабоченность то обстоятельство, что только около половины опрошенных (43,4 %) научили или собираются научить своих детей русскому языку или другому (в ходе работы с анкетами выяснилось, что английскому, французскому или немецкому языкам). Остальные 56,6 % научили или собираются научить родным языкам: ханты (46,7 %); манси (6,0 %); ненцы (2,2 %); коми (1,6 %).

Анализ ответов респондентов на вопрос в зависимости от того, в каком браке они состоят (однациональном или смешанном) показал, что лучше владеют родным языком респонденты, состоящие в однациональном браке (табл. 2.22). Кроме того, они лучше разговаривают, читают. Среди них практически нет не владеющих языком. При этом некоторая часть из них хотела бы выучить родной язык.

Таблица 2.22

Зависимость от степени владения языком респондентов от заключенного им брака, в процентах к общему числу ответивших

Степень владения	Брак	
	Однациональный	Смешанный
Владею свободно, разговариваю, пишу	24,1	20,7
Разговариваю, могу читать	31,0	13,8
Только разговариваю	20,7	19,0
Языком не владею	3,4	15,5
Не знаю, но хочу выучить	3,4	0,0
Не знаю, и изучение не входит в мои планы	0,0	1,7
Знаю плохо	15,2	25,9
Затрудняюсь ответить	11,7	3,4

Фактором (или индикатором) развития традиционной культуры является отношение респондентов к межэтническим бракам. Исходя из ответов респондентов, около половины опрошенных (45,6 %) относятся к межэтническим бракам положительно, еще 7,0 % респондентов согласны на такой брак, но в зависимости от национальности супруга (супруги), каждый пятый – безразлично (их можно отнести к

группе положительно относящихся). Отрицательное отношение к смешанному браку выразили 8,2 % респондентов.

Таким образом, три четверти коренного населения в разной форме выразили позитивное отношение к смешанным бракам, что может служить показателем гармоничных отношений между людьми различных национальностей, проживающих в округе.

Необходимо также принять во внимание, что представители молодого поколения чаще соглашались на такой брак, в отличие от старшего поколения. При этом отрицательное отношение к межэтническим бракам сказывают представители возрастной категории от 41 до 50 лет (табл. 2.23).

Одновременно женщины чаще мужчин высказывают положительное и безразличное отношение к межэтническим бракам, а мужчины – отрицательное (табл. 2.24).

Таблица 2.23

Отношение респондентов к межэтническим бракам в зависимости от возраста, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Возраст				
	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Положительное	36,6	44,4	51,5	56,5	33,3
Отрицательное	7,3	5,6	12,1	8,7	0,0
Безразличное	29,3	19,4	18,2	17,4	0,0
Согласен, но в зависимости от национальности	4,9	5,6	15,2	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	21,9	25,0	3,0	17,4	66,7

Таблица 2.24

Отношение респондентов к межэтническим бракам в зависимости от пола, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Пол	
	Мужчина	Женщина
Положительное	42,5	48,8
Отрицательное	11,0	6,1
Безразличное	17,8	23,2
Согласен в зависимости от национальности	5,5	7,3
Затрудняюсь ответить	23,3	14,6

Женатые (замужние) и разведенные респонденты чаще, чем холостые (незамужние) и овдовевшие респонденты положительно относятся к межэтническим бракам. При этом противниками таких браков являются вдовцы и вдовы. Безразличное отношение высказывают разведенные респонденты или овдовевшие.

Как и предполагалось, представители коренного населения, состоящие в этнически смешанном браке, чаще относятся к межэтническим бракам положительно, соответственно респонденты, состоящие в однонациональном браке, отрицательное. Примерно равное число респондентов (соответственно 18,4 и 16,6 %), состоящие в однонациональном и смешанном браках выразили безразличное отношение к данной проблеме.

С другой стороны, более образованные респонденты чаще высказывают положительное отношение к межэтническим бракам и, соответственно, менее образованные представители коренного населения – отрицательное. Безразличное отношение высказали все респонденты не зависимо от образования, которое они получили.

Индикатором оценки состояния традиционного мировоззрения аборигенов могут служить ответы на вопрос анкеты: «Какие местные духи Вам известны?»: Золотая женщина – 33,3 % ответивших; «Обской старик» – 19,9 %; Духи вогулов – 16,3 %; Духи северных остяков – 8,8 %; Духи Конды – 7,4%.

Остальные местные духи (Духи Иртыша и Салыма, Сургутского округа, Васюганские духи) были названы менее чем одним процентом опрошенных. Следует отметить, что 6,5 % информантов дополнили представленный список другими духами. Например, были названы *калташ-эква*, *менк-махум*, *нярской-эква*, *вохрин ойка*, *тек-отыр*, *моцхум*, *мисхун ойка* и др. Причем такое же число респондентов не знают названий вообще никаких духов. В 2005 г. 15,2 % респондентов указали, что им известны и духи северных остяков.

В целях исследования необходимо напомнить, что термин «дух» получил распространение в научной литературе и в бытовом обращении с конца девятнадцатого века благодаря широте и неопределенности, позволяющим охватить почти всю сферу явлений, находящихся за пределами физических возможностей. Ханты и манси это слово применяли только по отношению к не-

видимым, бессмертным, непостоянным в своей форме существом, способным мгновенно менять свое местонахождение в пространстве и, как правило, бесплотным. В традиционном мировоззрении северных этносов сверхъестественные существа представляются в образе человека. В настоящее время респондентам известны: лесной дух (27,6 %); духи неба (20,4 %); водяной дух (17,8 %), духи нижнего мира (14,3 %). Духи болезни, демоны и другие духи (например, *калташ-эква*, *нерс най эква*, *миснэ* и др.) были названы менее чем тремя процентами опрошенных. Не знают вообще о всеобщих духах в образе человека 3,6 % респондентов (табл. 2.25).

Таблица 2.25

Динамика распределения ответов респондентов на вопрос «Какие всеобщие духи в образе человека Вам известны», в процентах к общему числу ответивших

Название	Год	
	2002	2005
Лесной дух	27,6	22,6
Дух неба	20,4	15,5
Водяной дух	17,8	18,6
Дух нижнего мира	14,3	10,3
Дух земли	25,8	18,0

Значительная часть респондентов (79,2 % в 2002 г. и 73,8 % в 2005 г.) не имеет изображений каких-либо духов; в то же время от 14,3 до 17,6% они имеются. Вызывает опасение тот факт, что за три года число опрошенных, указавших что им «это не интересно» увеличилось с 6,5 до 8,6 %.

Примерно равное число информантов приносят или не приносят дары духам (соответственно 44,5 и 49,4 % в 2002 г.; 46,6 и 48,1 % в 2005 г.) (табл. 2.26).

Таблица 2.26

Динамика распределения ответов респондентов на вопрос «Приносите ли Вы дары духам», в процентах к общему числу ответивших

Ответ	Год	
	2002	2005
Приношу	44,5	46,6
Не приношу	49,4	48,2
Мне это не интересно	6,1	5,3

Положительно ответившим на данный вопрос респондентам было предложено назвать, какие именно дары они приносят духам. В виде даров в 2003 г. приносились:

- жертвоприношения местным духам – 53,4 %;
- домашние и семейные угощения – 22,7 %;
- разная пища (хлеб, водка, сладости и пр.) – 11,3 %;
- монеты – 8,0 %;
- другие дары (ленты, платки и др.).

Другой вопрос анкеты: «Посещаете ли Вы священные места?» позволил выявить, что четверть опрошенных (27,0 %) в настоящее время их посещают. Одновременно 67,6 % информантов не посещают, остальным «это неинтересно». У обских утров священные места находятся на видных лесных, обычно покрытых смешанным лесом горах и возвышенностях, на высоких дюнах и берегах рек, на мысах и густо заросших островах рек, на сухих островках в болотах и т. д. Священной может быть как твердая земля, так и реки, озера, пруды, берега водоемов в определенных местах. Священное место, по К. Ф. Карьялайнену, не имеет точно установленных границ; обычно границей служит кромка болота, низины луга или водоема, какая-нибудь тропинка и т. п., но чаще всего видимых границ нет вообще.¹ Священных мест, как и духов, имеется бесчисленное множество. И это действительно так. Наши информанты назвали более ста названий священных мест; в зависимости от места жительства названия их меняются. По мнению респондентов, наиболее распространенные среди ханты и манси являются следующие священные места: *Шайтанка*, *Торум моа*, *Кучук*, *Луски аким*, *Ванзеватский сор*, *Вежсакары*, *Мазямы*, *Кислоры*, *Вотма-юган*, *Чебурюган*, *Казымский сор*, *Йем вож ики*, *Ас тый ики*, *Касум ики* и многие др.

В традиционном мировоззрении ханты и манси отводится важная роль родовым и местным духам – помощникам и защитникам. Они могут жить на каждой реке, где человек прочно поселился на берегу или ходит за добычей, по берегам больших

¹ Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2 [Текст] / К. Ф. Карьялайнен; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.

озер, на высоких горах и холмах, на примечательных островах среди болот, на важных жилых местах или вблизи них.¹ В настоящее время треть опрошенных (34,5 %) знают о существовании родовых и местных духов, не знают об их существовании 61,9 %, остальным «это неинтересно» (таких по нашему исследованию 3,6 %). Исходя из ответов респондентов, наиболее распространенными являются следующие родовые и местные духи: *старик святого городка* (22,9 %), *Сосьвинский старик* (20,0 %), *духи Конды* (20,0 %), *Обской старик* (14,3 %), *домовой* (11,4 %). Менее трех процентов опрошенных назвали *Вотчинника*, *Щекурья Куртова поляна*, *Сат сорохта аким*, *Мир сусне хум*, *Ялнын нёр ойка*, *Лев кутуп ики*, *Ас тый ики*, *Ём вонг ики*, *Ар хотау ими* и др.

Священные деревья занимали очень большое место в традиционном мировоззрении обских укров. В настоящее время почти везде, где есть священное место, вблизи охотничьих и родовых угодий, имеется особое дерево, с которым обращаются иначе, чем с остальными. На одном месте встречается иногда несколько священных деревьев. Священными деревьями являются чаще всего высокие деревья, стоящие на возвышенных береговых дюнах, пустошах и т. д. По мнению К. Ф. Карьялайнена, выбор священного дерева зависит от растительного мира каждого из священных мест и избирались самое видное или самые видные деревья. Ведь часто бывает, что одно и то же священное место, т. е. один и тот же дух, имеет много священных деревьев различного вида; этот факт ясно указывает на то, что при выборе определяющим является не вид дерева.²

По наблюдениям исследователей Сибири священными деревьями являлись береза, лиственница, кедр, ель, пихта и сосна, реже – крушина, черемуха, рябина, осина. Наши информанты в 2001–2005 гг. назвали те же деревья практически в неизменном составе (табл. 2.27).

¹ Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2 [Текст] / К. Ф. Карьялайнен ; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.

² Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2 [Текст] / К. Ф. Карьялайнен ; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.

Таблица 2.27
Мнения респондентов о священных деревьях в зависимости от места проживания в 2001–2002 гг., в процентах к общему числу ответивших

Название	Район проживания			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
Лиственница	3,3	34,2	25,6	13,9
Кедр	3,3	28,9	41,9	23,2
Ель	0,0	0,0	7,0	4,6
Береза	85,7	21,0	11,6	53,5
Рябина	0,0	0,0	2,3	0,0
Осина	0,0	0,0	4,6	0,0
Сосна	0,0	0,0	2,3	0,0
Пихта	7,7	7,9	4,6	2,3

Интерес вызывает зависимость данного вопроса и от национальности респондентов (табл. 2.28). Как видим, в ответах ханты и манси наиболее часто встречаются береза, кедр и лиственница.

Таблица 2.28
Мнения респондентов о священных деревьях в зависимости от национальности в 2001–2002 гг., в процентах к общему числу ответивших

Название	Национальность		
	ханты	манси	другие народы Севера
Лиственница	9,0	27,1	0,0
Кедр	18,6	27,1	0,0
Ель	2,6	1,4	33,3
Береза	64,1	28,6	0,0
Рябина	0,0	1,4	33,4
Осина	0,0	1,4	33,3
Сосна	0,0	0,0	0,0
Пихта	5,8	7,1	0,0

Священное дерево выполняет несколько задач. Во-первых, оно является носителем жертвоприношений или используется для привязывания жертвенного животного. Во-вторых, служит для

хранения или прикрепления изображений духов и, в-третьих, является местом пребывания духа во время жертвоприношений.

Другой блок вопросов анкеты позволил выявить, в какой степени респонденты знакомы с теми или иными обрядами и, если знакомы, то соблюдают ли они их. Полученные после обработки результаты представлены в табл. 2.29–2.32.

Таблица 2.29

Динамика мнений респондентов о степени известности того или иного обряда, в процентах к общему числу ответивших

Обряд связанный	Степень известности					
	Известен		Не известен		Мне это не интересно	
	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.
Со свадьбой	19,7	35,0	73,3	60,6	6,9	4,4
С рождением ребенка	21,6	36,2	71,1	61,2	7,4	2,5
С погребением умершего	49,4	50,0	44,4	47,0	6,2	3,0
После погребения	42,9	44,6	50,1	51,6	7,0	3,8
С медвежьим праздником	60,2	41,5	34,4	54,1	5,4	4,4

Из данных, представленных в табл. 2.29, видно, что респонденты знакомы с медвежьим праздником, а также с обрядами, связанными с погребением умершего и обрядами после погребения. Наименее известными оказались обряды, связанные со свадьбой и с рождением ребенка. Среди наших опрошенных выделяется устойчивая группа респондентов (от 5,4 до 7,4 %), которые не проявляют интерес к обрядам своего народа. За последние три года, как видим, респонденты стали более информированными по всем перечисленным обрядам, кроме медвежьего праздника.

Следует напомнить, что респондентам был предложен перечень из пяти обрядов, связанных с некоторыми событиями. Кроме того, в анкете была предусмотрена возможность указать другие обряды, не отмеченные в списке. Итак, в настоящее время нашим информантам известны обряды, связанные со сватовством, с новосельем, охотой и рыбалкой, жертвоприношением животных, вороньим днем. Причем они их не только знают, но и соблюдают.

Интерес представляют ответы респондентов на данный вопрос в зависимости от их места жительства (табл. 2.30).

Таблица 2.30

Мнения респондентов о степени известности того или иного обряда, в зависимости от места проживания, в процентах к общему числу ответивших

Степень известности	Район проживания			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
Обряды, связанные со свадьбой				
Известен	18,8	29,8	14,6	15,7
Неизвестен	76,8	66,0	70,9	80,0
Мне это неинтересно	4,4	4,2	14,5	4,3
Обряды, связанные с рождением ребенка				
Известен	22,5	30,8	13,3	19,2
Неизвестен	72,1	62,8	72,4	78,1
Мне это неинтересно	5,4	6,4	14,3	2,7
Обряды, связанные с погребением умершего				
Известен	69,9	61,7	21,5	44,9
Неизвестен	26,6	32,0	65,4	52,6
Мне это неинтересно	3,5	5,3	13,1	2,6
Обряды после погребения				
Известен	75,2	41,5	11,3	45,5
Неизвестен	23,0	51,1	73,6	50,6
Мне это неинтересно	1,8	7,4	15,1	3,9
Обряды, связанные с медвежьим праздником				
Известен	85,0	78,7	20,4	53,6
Неизвестен	12,4	18,1	66,6	44,0
Мне это неинтересно	2,6	3,2	13,0	2,4

Из данных, представленных в табл. 2.30, видно, что респонденты, проживающие в Березовском и Белоярском районах, в

большей степени знакомы с перечисленными обрядами, чем респонденты Кондинского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Вызывает тревогу то обстоятельство, что респонденты, проживающие в Кондинском районе, плохо знакомы с обрядами своего народа.

Сопоставляя данные, представленные в табл. 2.29–2.32, можно увидеть, что знание обрядов не означает обязательное их соблюдение (табл. 2.31).

Таблица 2.31

Динамика мнений респондентов о степени соблюдения того или иного обряда, в процентах к общему числу ответивших

Обряд связанный	Степень соблюдения					
	Соблюдаю		Не соблюдаю		Затрудняюсь ответить	
	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.
Со свадьбой	7,9	21,7	84,5	69,4	7,6	8,9
С рождением ребенка	10,8	26,0	81,6	62,7	7,6	11,3
С погребением умершего	34,7	41,2	58,1	52,1	7,2	6,7
После погребения	30,2	38,5	61,6	52,8	8,2	8,7
С медвежьим праздником	31,6	25,8	59,1	61,6	9,3	12,6

Так, если в 2005 г. 35,0 % опрошенных знакома с обрядами, связанными со свадьбой, то в действительности их соблюдает в 1,5 раза меньшее число ханты и манси. По другим обрядам наблюдается примерно аналогичная картина.

Анализируя данные, представленные в табл. 2.32, видно, что респонденты, проживающие в Березовском районе, соблюдают больше других обряды своего народа. Чаще всего ханты и манси соблюдают обряды, связанные с погребением умершего и медвежьим праздником. В наименьшей степени выполняются обряды, связанные со свадьбой и с рождением ребенка. Как и в предыдущем вопросе, респонденты, проживающие в Кондинском районе, практически не соблюдают обряды своего народа. Лишь незначительная часть из них (от 5,6 до 13,2 %) соблюдает некоторые обряды.

Анализ зависимости данного вопроса от пола, возраста и образования респондентов позволил выявить следующие тенденции:

1. Представители старшего поколения соблюдают чаще обряды. Так, если 6,6% респондентов в возрасте от 31 до 40 лет соблюдают обряды, связанные со свадьбой, то в возрастной категории от 51 до 60 лет их 16,1 %.

Таблица 2.32

Мнения респондентов о степени соблюдения того или иного обряда, в зависимости от места проживания в 2001-2002гг., в процентах к общему числу ответивших

Степень соблюдения	Район проживания			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
Обряды, связанные со свадьбой				
Соблюдаю	4,4	14,9	7,6	5,6
Не соблюдаю	88,5	69,1	90,5	87,3
Затрудняюсь ответить	7,1	16,0	2,0	7,1
Обряды, связанные с рождением ребенка				
Соблюдаю	5,3	23,4	6,7	9,5
Не соблюдаю	86,7	61,7	90,5	85,1
Затрудняюсь ответить	8,0	14,9	2,9	5,4
Обряды, связанные с погребением умершего				
Соблюдаю	42,5	56,4	13,2	30,4
Не соблюдаю	47,8	34,0	84,0	62,0
Затрудняюсь ответить	9,7	9,6	2,8	7,6
Обряды после погребения				
Соблюдаю	40,9	39,4	9,4	27,5
Не соблюдаю	44,3	45,7	87,7	65,0
Затрудняюсь ответить	8,9	14,9	2,8	7,5

Обряды, связанные с медвежьим праздником				
Соблюдаю	39,3	59,6	5,6	21,4
Не соблюдаю	46,4	29,8	92,5	66,7
Затрудняюсь ответить	14,3	10,6	1,9	11,9

Анализ зависимости данного вопроса от пола, возраста и образования респондентов позволил выявить следующие тенденции:

1. Представители старшего поколения соблюдают чаще обряды. Так, если 6,6 % респондентов в возрасте от 31 до 40 лет соблюдают обряды, связанные со свадьбой, то в возрастной категории от 51 до 60 лет их 16,1 %.

2. Женщины из числа аборигенных народов Севера чаще соблюдают обряды, связанные со свадьбой, с рождением ребенка и обряды после погребения, а мужчины – с погребением и с медвежьим праздником. Например, если 35,2 % мужчин соблюдают обряды, связанные с медвежьим праздником, то среди женщин это число составило на 5,5 % меньше.

3. Чем выше образование получили респонденты, тем реже они соблюдают обычаи, связанные с тем или иным обрядом. К примеру, если пятая часть респондентов без образования соблюдают обряды, связанные со свадьбой, то среди респондентов, получивших среднее специальное образование, их 12,5 %, а высшее – только 9,5 %.

У А. Цукор находим интересные описания медвежьего праздника («Медвежьих плясок») – промыслового, связанного с удачной охотой; одного из особо театрализованных праздников, который продолжает бытовать и сегодня. Это праздник с мифическим сюжетом проходит по особому сценарию: с реальными костюмами, масками, театральными атрибутами, с обрядовой хореографией.¹

Причащение мясом убитого тотема оправдывалось обрядом умилостивления животного. На празднике проходил обряд отве-

¹ Цукор, А. Золотой век Пима [Текст] / А. Цукор. – Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство. – 1997. – 144 с.

дения вины от себя – медведя «убеждали» в невинности охотников в его убийстве. На охоте животное никогда не убивали сонным, его всегда будили, давая шанс на спасение. Охота – поединок, но не целенаправленное убийство.

Праздновали несколько дней и ночей: убитой медведице – четыре дня, медведю – пять. Допускалось празднование и два или три дня, но при этом должны были сохраняться последовательность и содержание.

«Медвежьи» пляски считались академией духовной жизни обских угров, в них отразилось мировосприятие человеком единства всего сущего на Земле и во Вселенной. Эти связи отражены в поэтике песен, пластике танцев, психологии действующих лиц и исполнителей. В действе все взаимосвязано и сокровенный культовый смысл проникает и пропитывает сознание присутствующих древней тайной бытия их предков. Это – соединение начал природы и человека, прошлого и настоящего. Это – формирование духовного поля, которое ориентировано и устремлено в Будущее. Древняя мистерия является Единством духовного поля народа.

Она же описывает погребальный обряд ханты. Пока умерший находится дома, ни в коем случае нельзя показывать явную скорбь и печаль: умершего оплакивают сдержанно. Одевают в любимую, самую красивую одежду, обувь, но не новую, поскольку считалось, что душа не примет эту одежду и обувь, и в Нижнем мире человек будет раздетым.

Хоронят ханты в землю. Сверху сооружают склепы, которые являются обителью души умершего. В склепы кладут все то, что предназначено ему для жизни в первом мире; затем заколачивают, оставляя небольшое окошечко для «души умершего».

У ханты считается, что после смерти душа умершего живет еще сорок дней в среднем мире, не желая уходить в мир иной. Поэтому, чтобы темные силы не навредили жизни того или иного члена рода, люди в течение семи и сорока дней проводят огрядительные и очистительные обряды: поминование умершего в юбушке и на кладбище. На кладбище поминки проводят женщинам в течение четырех лет, а мужчинам – пяти.

Послепохоронные обряды – это возможность поговорить, встретиться с умершим, показать ему, что он не забыт во втором

мире. Когда уходят с кладбища, чтобы разделить мир живых и мир мертвых, кладут веточку и подожженную тряпочку и перешагивают через нее. Дальше этой палочки и тряпочки душа умершего перемещаться не имеет права: разделение миров произошло.¹

Последний вопрос анкеты предусматривал возможность высказать предложения по сохранению культурно-духовной жизни аборигенного населения. Каждый четвертый респондент высказал конкретные предложения и пожелания в письменной форме, которые можно условно разбить на несколько категорий. Безусловно, самая значительная часть пожеланий направлена на возрождение культурно-духовного наследия северных народов, которые в определенной степени стали основой разработки прогнозной модели развития традиционной культуры северных этносов. Приведем некоторые из них.

1. Ввести в школьную программу предметы по изучению культуры, языка, декоративно-прикладного искусства, национальных ремесел, традиционных промыслов («хотя бы основ»).

2. Создать центры национальной культуры, музеи, парки для знакомства подрастающего поколения с родной культурой.

3. Регулярно проводить национальные праздники, фестивали, слеты, семинары, показательные представления обрядов, массовые гуляния.

4. Пропагандировать культурно-духовную жизнь через печать, телевидение («шире охватывать жизнь аборигенов, показывать уроки национального языка, национальные танцы народов Севера»), кино- видео-материалы, художественную литературу, этнографические журналы об истории родного края, обычаях, традициях своего народа.

5. В детских дошкольных учреждениях изучать родной язык, знакомить с традициями, обычаями.

6. Восстановить национальные танцы, песни, сказки и т. д.

7. Возродить культовые территории. Фиксировать все культовые объекты и собирать информацию об их хранителях, особенностях проводимых обрядов и связанных с ними преданиях.

¹ Цукор, А. Золотой век Пима [Текст] / А. Цукор. – Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство. – 1997. – 144 с.

8. Поддерживать местные таланты, помогать им в проведении национальных праздников, слетов, фестивалей с представлением фотографий в печать.

Многие респонденты вместо пожеланий в эмоциональной форме дали оценку существующей ситуации. Приведем некоторые высказывания:

– «Молодежь уже совсем обрусела, не знает своей культуры, традиций, обычаев» (библиотекарь из Октябрьского района, ханты по национальности);

– «Изучать прошлое, не забывать традиций, поскольку многое не знаем. Уверенность, что не хуже других народов» (работник культуры из Кондинского района, манси);

– «Чтобы двигаться вперед, необходимо усиленно осваивать прошлое, переосмысливать, объяснять молодежи на чем мы стоим. Только в этом случае будет сделан правильный выбор по сохранению наследия, к сожалению о котором мы многого не знаем» (методист по фольклору из г. Белоярский, манси);

– «Все за 70 лет обсмеяли, уничтожили» (пенсионерка из Кондинского района, ханты);

– «Восстановить потерянную духовную, культурную, бытовую жизнь ханты и манси» (санитарка участковой больницы, Белоярский район, манси);

– «Создавать условия прошлой бытности для молодежи, приучать их к нашей культуре» (методист сельского дома культуры, Белоярский район, манси);

– «Как можно чаще общаться со сторожилами, узнавать обычаи» (женщина с высшим образованием, Белоярский район, манси);

– «Обучить коренных жителей своим ремеслам, языку, а то мы, некоторые ханты даже родного языка не знаем» (безработный ханты из Октябрьского района);

– «Нужно чаще проводить национальные праздники, фестивали, приобщать к этому молодежь, ведь наше молодое поколение уже ничего не знает о своей культуре, обычаях, скоро все это забудется» (пекарь из Октябрьского района, ханты);

– «Дайте нам право пользоваться льготами и правами, как националы (вымирающие), внесенные в Красную книгу, а то,

действительно, нас скоро не останется. Создайте собрания сочинений, чтобы знать о своих предках, обычаях, языке и т. д. А то умрет это все и забудется» (безработная ханты из Октябрьского района);

– «Очень мало телепередач о культурной жизни на родном языке, отсюда незнание традиций, обычаев» (учитель начальных классов из Октябрьского района, ханты).

Часть пожеланий аборигенов затрагивает проблемы, связанные с традиционным природопользованием:

1. Больше внимания уделять охотничеству, рыболовству («каждый должен любить природу, ценить ее дары»).

2. Помощь аборигенам при закреплении за ними родовых угодий («...вот мы родовые оформляем, дали в аренду, пока помощи нет, а без денег мы не построим и не купим, еще надо налоги платить, а если не выплывем») (ханты из с. Болчары).

3. Создать компактные цеха, семейные бригады на родовых угодьях, чтобы занять молодежь делом.

4. Дать возможность местным аборигенам прокормить семью с помощью рыбалки, охоты без вмешательства охотинспекции.

5. Не применять жестких мер по изъятию рыболовных снастей и охотничьего инвентаря у коренных жителей на границах родовых угодий.

6. Принимать на работу в поселках аборигенов (30–40 %), а не только приезжих беженцев с «большой земли».

7. Поддерживать и развивать традиционные формы хозяйствования.

8. Научить молодежь шить зимнюю, летнюю, женскую, мужскую, детскую одежду.

Много было высказано пожеланий общечеловеческого плана, затрагивающих различные стороны жизнедеятельности опрошенных, без которых трудно сохранить и улучшить культурно-духовную ситуацию в местах их проживания.

1. Решать экологические проблемы («чтобы воздух был чище»).

2. Заботиться о здоровье аборигенов.

3. Бороться с алкоголизмом.

4. Повысить материальный достаток.

5. Снизить цены на продукты и товары.

6. Строительство национальных школ, домов культуры, социально-бытовых учреждений (кафе, мастерских и т. п.); создание музеев национальных культур.

7. Решить жилищные проблемы.

8. Оказывать содействие при поступлении в ссузы и вузы.

Проведенные авторами в 2001–2005 гг. социологические исследования позволяют представить прогнозную модель развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера.

Сохранение и развитие традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера в современных условиях осложняется рядом факторов. Во-первых, трагическая история (колонизация, социальные эксперименты XX в., интенсивное промышленное освоение региона) подорвала у аборигенных народов Севера веру в собственные силы, породила настроения апатии и иждивенчества, сформировала заниженный уровень потребностей.

Во-вторых, малочисленность ханты, манси и ненцев, их небольшой удельный вес в населении Ханты-Мансийского автономного округа – Югры стимулируют активные ассимиляционные процессы, выражающиеся в утрате родного языка и традиционных навыков, увеличении числа межэтнических браков, в уменьшении числа носителей традиционного образа жизни, соблюдающих обычаи и обряды своего народа и т. д.

В-третьих, налицо прерванная историческая перспектива: прошлое забыто или фальсифицировано, будущее проблематично, настоящее находится в кризисном состоянии.

В-четвертых, сложилась парадоксальная ситуация, когда представители старшего поколения – носители вненациональной, советской идеологии не всегда становятся опорой в процессах возрождения своего народа. Молодежь, заинтересованная в возрождении, вынуждена восстанавливать этническое прошлое самостоятельно, часто исходя из скудного теоретического наследия.

В-пятых, кризисные явления (безработица, низкий уровень жизни, разбалансированность деятельности социальных институтов – образования, здравоохранения, культуры и т. д.) особенно сильны в национальных поселках, где проживает более 80 %

ханты, манси и ненцев округа. Поселения – главные носители национальных характеристик (языка, обычаев, традиционного образа жизни, менталитета), сегодня находятся в тяжелейшем состоянии, что негативно отражается на молодежи. Молодые люди утрачивают смысл существования, налицо проявления «экзистенциального вакуума», что ведет к высокому уровню алкоголизации аборигенного населения, самоубийств, суицида, преступности.

В-шестых, продолжает увеличиваться разрыв между городом и селом, как следствие происходит дальнейшее расслоение аборигенного населения. Среди представителей аборигенных жителей наблюдаются существенные различия в потребностях, интересах, ценностях, идет размежевание по политическим пристрастиям. В результате ханты, манси и ненцы утрачивают психологию этнической общности и солидарности.

Существующая ситуация усугубляется нарастанием деструктивных процессов, которые непосредственно затрагивают экономику и социальную сферу региона и оказывают негативное влияние на природную и социальную экологию. Федеральные власти склонны, по-прежнему, рассматривать Север исключительно как источник экспортных поставок сырьевых ресурсов, тогда как, по мнению большинства ученых и специалистов, в регионе набирают силу необратимые процессы разрушения природной среды, что неизбежно влечет за собой кризис традиционного хозяйства аборигенных народов Севера и как следствие их традиционного мировоззрения.

Вместе с тем, этнокультурные явления, основную сферу функционирования которых представляет традиционная культура, обладают относительной самостоятельностью. Все это крайне затрудняет прогнозирование этнокультурных процессов даже на сравнительно близкую перспективу. По мнению авторов, основным ориентиром для прогноза должны быть уже наметившиеся в настоящее время тенденции этнокультурного развития. В связи с этим целесообразно обратиться к формам сохранения и развития традиционной культуры аборигенных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, которые представляют совокупность исторически обусловленных особенностей системы природопользования и жизнеобеспечения

относа и уникальный результат адаптации человека к экстремальным природно-климатическим условиям.

Традиционная культура северных народов не обладает такими защитными механизмами, которые позволяли бы ей эффективно разрешать конфликты во взаимодействии с иными культурами.

В третьем тысячелетии сосуществование различных культур уже нельзя отменить или прекратить – это необратимый исторический процесс. Те усилия, которые возможно предпринять для смягчения имеющихся проблем и предупреждения возникновения новых, заключаются в выявлении специфических особенностей взаимодействующих культур (табл. 2.33) и выработке соответствующих рекомендаций гармонизации этих взаимодействий.

Таблица 2.33

Динамика взаимоотношений между аборигенным и иноэтническим населением ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Отношения	Годы				
	1993	1995	1997	1999	2005
Стали лучше	15,7	26,2	10,0	17,4	
Стали хуже	21,7	24,4	27,5	19,1	
Не изменились	56,0	38,1	55,0	55,1	
Затрудняюсь ответить	6,6	11,3	7,5	8,4	

В третьем тысячелетии тенденции межэтнической интеграции и интернационализации аборигенных народов Севера сохраняются и продолжатся на базе факторов и механизмов, характерных для середины XX в. Учитывая это обстоятельство, можно выявить наиболее вероятные тенденции этнокультурного развития коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Известно, что в современных условиях проблемы сохранения и развития традиционной культуры практически несовместимы с рыночными принципами хозяйствования, поскольку интересы сохранения традиционной культуры и чисто экономические проблемы плохо стыкуются между собой, что, в свою очередь,

диктует негативный характер протекающих в округе этнокультурных процессов.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра находится сегодня в переходном состоянии, когда в нем параллельно существуют как минимум три принципиально различных уклада жизни. Анализ региональных особенностей позволяет представить вероятные сценарии развития коренного населения округа. В настоящее время существует четыре подхода к решению проблем аборигенных народов Севера.

Первый вариант – это практическое невмешательство в образ жизни аборигенных народов Севера, вплоть до минимальных контактов с ними. Второй подход связан с патерналистской оценкой аборигенного населения, предоставление им возможности вести желаемый образ жизни при интенсивной государственной поддержке. Третий вариант – явная или скрытая политика ассимиляции аборигенных народов. Четвертый вариант – эффективное решение существующих проблем на условиях равноправия коренного и иноэтнического населения округа. При этом каждая сторона имеет равное право на реализацию своих, в ряде случаев взаимоисключающих друг друга интересов. Право существовать на своих исконных территориях и вести предпочитаемый образ жизни столь же законно, как и право других народов государства использовать находящиеся в недрах этих территорий объективно необходимые им полезные ископаемые.

Исследование авторов показало, что все аборигенное население разделено на две части: на ту, которая пытается адаптироваться к современной жизни или уже адаптировалась к ней и на ту, которая не сделала этого. Для неадаптированного аборигенного населения представляется возможным создание национально-культурной автономии в виде этно-природных парков.

Национально-культурная автономия, отмечает Ж. Т. Тощенко, воплощает право на свободную реализацию национальных интересов, без диктата и контроля со стороны центральных государственных органов. Ее можно рассматривать и в качестве экстерриториального самоуправления национального меньшинства, действующего в сфере культуры, образования, сохранения

родного языка, поддержания жизненного уклада, религиозной самобытности и т. д.¹

Создание национально-культурной автономии – прерогатива граждан России, относящих себя к тем или иным этническим общностям. Она возможна только при условии добровольного объединения людей определенной принадлежности для сохранения национальной самобытности, развития культуры, языка и образования. Право на национально-культурную автономию не является правом на территориальное самоуправление.²

Механизм функционирования этно-природных парков должен базироваться на традиционном образе жизни коренного населения и выполнять задачу сохранения и развития культуры северных этносов. Исходя из этого, для каждого этно-природного парка предлагается десять основных направлений деятельности:

Организационно-административная работа.

Традиционные отрасли хозяйства.

Социальная инфраструктура.

Образование и подготовка кадров.

Здравоохранение, работа с женщинами и детьми.

Молодежная политика, организация досуга, развитие спорта и туризма.

Возрождение национальных традиций и обычаев.

Развитие родных языков.

Средства массовой информации и связи с общественностью.

Формирование бюджета.

Сложнее адаптированной части коренного населения, которой, чтобы не ассимилироваться, необходимо развивать свою этническую самобытность, не претендуя на то, чтобы она приобрела статус общей или обязательной для всей культурной среды. Процесс ассимиляции идет и существует во всех странах мира, поскольку, как было отмечено выше, в мире не существует однопациональных государств. Те государства, которые пошли по пути создания ре-

¹ Тощенко, Ж. Т. Социология. Общий курс : 2-е изд., доп. и перераб. [Текст] / Ж. Т. Тощенко. – М. : Прометей, Юрайт, 1998. – 511 с.

² Тощенко, Ж. Т. Социология. Общий курс : 2-е изд., доп. и перераб. [Текст] / Ж. Т. Тощенко. – М. : Прометей, Юрайт, 1998. – 511 с.

зерваций (США, Канада, Австралия, ЮАР), не смогли обеспечить сохранность традиционной культуры аборигенных народов. Ограждение этносов от разрушающего воздействия индустриального общества привело к противоположному эффекту: многие превратились в люмпенов, подверглись разрушительному действию алкоголизма и наркомании.¹ Сегодня можно предложить два варианта развития указанных процессов:

путь ассимиляции на основе синтеза взаимодействующих культур, уважение и выявление оптимальных для современного времени позиций;

путь поглощения, т. е. насилия, который не приводит к партнерским отношениям. Данный тип был характерен для нашей страны в советский период (например, уничтожение шаманов у северных этносов). Насильственное поглощение является источником конфликтов, которые в некоторые периоды истории переходили в военные конфликты.

Сегодня следует переходить от патерналистских отношений между обществом в целом и коренными народами Севера к партнерским. Для этого включить аборигенные народы Севера в эффективном функционировании общества в целом, поскольку они и в настоящее время демонстрируют глубокое, совершенное миропонимание и осознанное стремление к сохранению своего специфического, проверенного веками, образа жизни. В первую очередь речь идет об адаптации северного человека к природным условиям, соблюдение на ее основе принципа экологического равновесия в природе при осознании того, что природа безгранична, ее ресурсы имеют определенные пределы.

К сожалению, при строительстве объектов производственной инфраструктуры во время поиска, разведки и разработки месторождений углеводородного сырья происходят: загрязнение водоемов нефтью, нефтепродуктами и другими загрязняющими веществами; несанкционированные выбросы в атмосферу загрязняющих и вредных веществ; сжигание попутного нефтяного газа в факелах.

¹ Кравченко, А. И. Социология : учебник [Текст] / А. И. Кравченко. – М. : ООО «ТК Велби», 2003. – 536 с.

В третьем тысячелетии продолжают и процессы этнической ассимиляции, основным фактором которых будут выступать межэтнические браки. Динамика зависимости однонациональных и смешанных браков аборигенов ХМАО от национальности респондентов представлена в табл. 2.34.

Таблица 2.34

Динамика зависимости однонациональных и смешанных браков аборигенов ХМАО от национальности респондентов, в процентах к общему числу ответивших

Брак	Национальность			
	ханты	манси	ненцы	коми
Сельское население, 1997 г.				
Однонациональный	38,8	34,1	44,4	30,0
Смешанный	61,2	65,9	55,6	70,0
Сельское население, 1999 г.				
Однонациональный	36,7	28,9	49,4	30,0
Смешанный	63,3	71,1	50,6	70,0
Сельское население, 2001 г.				
Однонациональный	35,2	26,2	47,9	-
Смешанный	64,8	73,8	52,1	-
Сельское население, 2005 г.				
Однонациональный	34,8	25,6	46,8	29,0
Смешанный	65,2	74,4	53,2	71,0

Историческая память воплощается в памятниках культуры: природных и архитектурных объектах, традиционных промыслах, документах, произведениях искусства и предметах повседневной жизни. Функция такой памяти заключается в сохранении, восстановлении и передаче национального опыта. Способы сохранения и передачи этого опыта многообразны, но в рамках разработки культурной стратегии важны следующие:

- хранение, накопление национального опыта в библиотеках, музеях, НИИ, архивных и культурных фондах при национальных обществах и ассоциациях;
- актуализация национального опыта путем организации выставок, фольклорных праздников, конкурсов, восстановления традиционных промыслов и т. д.

В последние годы в Ханты-Мансийском автономном округе Югре предпринимаются серьезные шаги для сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера. Система учреждений традиционной культуры представлена в настоящее время театром обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск), центром ремесел, окружным музеем-заповедником «Торум-маа», районными центрами национальной культуры (г. Белоярский, р. п. Березово, п. Русскинский), этнографическими музеями (Саранпауль, Сосьва, Кимкьясуй, Казым, Русскинские, Угут и др.), союзом мастеров народных промыслов, союзом оленеводов ХМАО, музеями-мастерскими художников Г. С. Райшева и Игошева, фольклорными фондами (окружной, Белоярский, Березовский, Сургутско-Варьеганский) и др.

Далеко за пределами округа знают о фольклорных ансамблях «Лылынг союм» и «Ешак най», издаются на языках ханты и манси газеты «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос», работает национальное радиовещание, ведутся национальные телерадиопередачи «Шуши мир волупсы», «Ем вош щюнянг ёх», «Северный дом» и др.

В рамках развития традиционной культуры особое место занимает становление этнографических музеев, сеть которых охватила всю территорию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В округе сегодня насчитывается 11 этнографических музеев. На первом этапе их организации (1985–1991 гг.) они создавались как экспериментальные площадки для возрождения национальных праздников, сохранения обычаев, обрядов, которые быстро уходили из современной жизни. Энтузиасты из национальной интеллигенции не могли смириться с таким положением, в результате их деятельности этнографические площадки стали прообразами этнографических музеев. На втором этапе становления музеев шел процесс формирования и обучения кадров, накопление опыта музейной работы. В настоящее время начался новый этап – развитие этнографических музеев.

Остаточный принцип финансирования окружной культуры привел к угасанию «очагов культуры». В связи с этим музеи взяли на себя часть культурной программы. Они стали местом проведения традиционных национальных праздников, современных

мероприятий, различного рода встреч. Каждый музей ищет свою специфику в работе, обновляются формы музейной работы, растет профессиональный уровень персонала. Для реализации специфики работы музеев, сохранения их исследовательского характера, точности и правильности фиксации материала, его хранения работники музеев проходят методическую учебу в центральных музеях России, получают профессиональное высшее образование, занимаются научной деятельностью, все чаще обращаются к исследовательской деятельности.

Местом создания нового музейного комплекса определен пос. Шапша, главной целью его создания становится исследовательская и организационно-воспитательная деятельность, направленная на создание музея как целого образа этнографической среды, где каждый предмет, будь то орудия охоты, рыболовства, жилище, одежда и т. д., концентрируя накопленные многими поколениями знания и опыт, выступает как средство хранения и передачи информации. Это и дает представление о картине мира, вырабатываемое человеком в процессе взаимодействия с окружающей средой.

При этом следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, особенностью современных традиционных культур является их нарастающая профессионализация, требующая специальной подготовки. Отсюда следует, что подготовка национальных специалистов, которые смогли бы повлиять на развитие традиционной культуры, остается одной из приоритетных задач этнокультурной политики государственных структур. Поскольку в данной этнокультурной ситуации историческая память аккумулируется часто в семьях представителями старшего поколения, то необходимо вовлечение последних в процесс передачи этнического опыта, но уже не в частных, а в публичных формах.

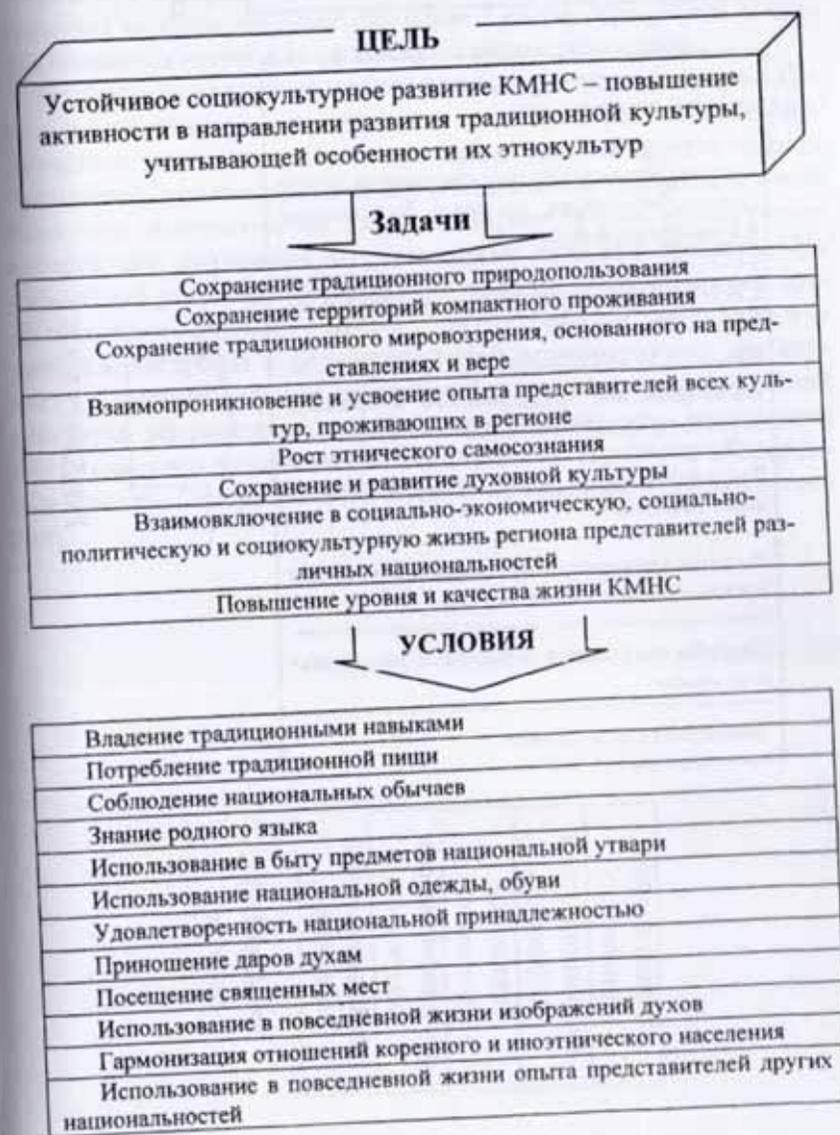
Во-вторых, если раньше члены этнической группы идентифицировали себя в этом качестве в производственной и бытовой сферах, то сейчас сфера этнической самоидентификации постепенно смещается в область досуга, обеспечения жизнедеятельности.

Для сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре формируется нормативно-правовая база.

Приняты законы «О территориях традиционного природопользования», «Об оленеводстве ХМАО», «О факториях ХМАО», «О рыболовстве ХМАО», «Об охоте в ХМАО», «О языках коренных малочисленных народов Севера», «О сохранении и развитии фольклора» и др. Принятые меры позволили в сложный переходный период, в условиях нефтедобывающей экспансии добиться достижений в сохранении и развитии ханты и манси, позволили не только сохранить культуру, но и обусловили стабилизацию и развитие северных этносов.

Проведенное исследование является основанием построения прогнозной модели развития традиционной культуры коренных народов Севера, обеспечивающей дальнейшее развитие исследуемых этносов. Основой разработки модели стали результаты теоретических и эмпирических исследований авторов.

ПРОГНОЗНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Человек	Природа	Общество
---------	---------	----------

Субъекты

Законодательная база (международная, российская, региональная)
Система учреждений традиционной культуры (музеи, библиотеки, архивные, фольклорные и культурные фонды)
Система образования (языки, подготовка национальных кадров)
Взаимодействие традиционного и промышленного природопользования
Взаимоотношение коренного и иноэтнического населения
Система традиционного природопользования и жизнеобеспечения этносреды
Способы сохранения и передачи национального опыта
Этническое самосознание

МЕХАНИЗМЫ

Социально-демографическая
Социально-профессиональная
Социально-этническая
Социально-пространственная
Социально-идеологическая

Объекты
(структуры)

Механизм сохранения и развития традиционной культуры заключается в поддержке, стимулировании и развитии способов сохранения и передачи национального опыта, признании за коренными малочисленными народами Севера стремления к осуществлению контроля за своим культурным развитием.

По мнению авторов, роль и место аборигенных народов Севера в ближайшие годы изменятся вследствие их нового экономического положения. Все чаще представители других национальностей, проживающих в округе начинают осознавать необходимость использования опыта и мировоззрения аборигенных народов для сохранения экологического здоровья общества. Их жизненный уклад не противоречит природе и окружающей среде, в то время как мир в целом стоит сегодня на грани экологической катастрофы в результате своей экономической деятельности. Поэтому сегодня сохранение и развитие традиционной культуры аборигенных народов необходимо для сохранения экологического равновесия на всей планете. При этом аборигенные народы Севера должны играть не пассивную, а активную роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенных исследований, авторы делают следующие выводы:

1. Несмотря на негативное влияние технологического и ресурсного освоения региона, внедряемых рыночных отношений, культура коренных малочисленных народов Тюменского Севера остается синкретической, что проявляется в ее целостности, нерасчлененности всех форм бытия; в признании абсолютной равнозначности трех главных средовых составляющих «природа-общество-человек» и в осознании не только материального, но и идеального субстанционального начала «среды», которое определяет ее состояние, устойчивость, изменения и прочие объекты и явления, актуальные для перспективного развития исследуемых авторами монографии социально-этнических групп.

2. Традиционная культура порождает особый тип ментальности и специфические нормы социальной жизни и поведения, обладающие антропоморфизмом, под которым понимают обычно «наивное» очеловечивание природы, перенесение на нее человеческих качеств. Антропоморфизм существовал в трех основных формах – в форме тотемизма, анимизма и магии. Основная идея тотемизма состоит в том, что человек и виды животных и растений объединяются в социальное и церемониальное целое и участвуют в одной общей жизни. При такой системе взглядов аборигенные народы Севера вводят природу со всеми ее объектами, в круг своих социальных связей, относятся к ней как к своему кровному родственнику и, следовательно, вправе ожидать от нее такого же отношения к себе. Все представления ханты и манси о мире и о себе, независимо от того, тотемистические они, анимистические, фиксировались в мифах и обрядах.

3. В традиционном мировоззрении ханты и манси отводится важная роль родовым и местным духам, священным местам, священным деревьям. Духи могут жить на каждой реке, по берегам больших озер, на высоких горах и холмах, на примечательных островах среди болот, на важных жилых местах или вблизи них. Наибольшее количество символических функций имеют предметы культа, орудия охоты и рыболовства; очаг и все, что

связано с ним; береста и все, что сделано из нее; одежда, обувь, утварь, украшения. По мнению ханты и манси, вещи, сделанные по одним и тем же правилам, отличаются друг от друга так же, как и люди; отличаются не только лыжи и нарты, но и след оставленный на следу.

4. Традиционное мировоззрение является основой сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, поскольку ядром мировоззрения ханты и манси является картина (модель) мира, отражающая, прежде всего, пространственно-временные координаты бытия.

5. Разработана система социологического мониторинга для исследования изменений, происходящих в традиционной культуре изучаемых этносов, в результате включения их в современные глобализационные процессы. Авторы предлагают следующий набор индикаторов и показателей социологического мониторинга:

- Удельный вес лиц, выполняющих национальные обычаи и обряды.
- Удельный вес лиц, использующих в быту предметы национальной утвари.
- Удельный вес лиц, пользующихся национальной одеждой.
- Удельный вес лиц, считающих себя верующими.
- Удельный вес лиц, посещающих священные места.
- Удельный вес лиц, знакомых с родовыми и местными духами.
- Удельный вес лиц, имеющих изображения каких-либо духов.
- Удельный вес лиц, приносящих жертвоприношения.
- Удельный вес лиц, состоящих в однонациональных браках.
- Удельный вес лиц, владеющих традиционными навыками.

6. Разработана прогнозная модель и механизм развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающие дальнейшее их развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Н. А. Описание Березовского края [Текст] / Н. А. Абрамов. – Шадринск : Исеть, 1993. – 84 с.
2. Аберкромби, Н. Социологический словарь [Текст] / Н. Аберкромби, С. Хил, Б. С. Тернер ; [пер. с англ.] ; под ред. С. А. Ерофеева ; 2-е изд., переработанное и дополненное. – М. : ЗАО "Издательство" "Экономика", 2004. – 620 с.
3. Аверин, А. Н. Социально-экономические проблемы освоения Тюменского Севера в девяностые годы [Текст] / А. Н. Аверин, А. Н. Силин, С. Я. Субботин. – Тюмень : Фил. Изд-ва «Тюменская правда», 1989. – 42 с.
4. Агранат, Г. А. Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера [Текст] / Г. А. Агранат. – М. : Наука, 1984. – 263 с.
5. Айпин, Е. Д. И уходит мой род [Текст] / Е. Д. Айпин // Народов малых не бывает. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 127–142.
6. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера : описи копийн. Книг [Текст]. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 1993. – 250 с.
7. Алквист, А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки НИИ возрождения обско-угорских народов [Текст] / А. Алквист ; [пер. с нем. и публ. д-ра наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 178 с.
8. Андерсон, Д. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган [Текст]. Д. Андерсон, Д. Дж. Андерсон. – Новосибирск : Изд-во СОРАН, 1998. – 272 с.
9. Андрюхина, Л. М. Научная картина мира как предпосылка и результат научной деятельности [Текст] Л. М. Андрюхина // Научная картина мира: общекультурное и внутринаучное функционирование. – Свердловск : УрГУ, 1985. – С. 11–20.
10. Анисимов, А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества [Текст] / А. Ф. Анисимов. – М.-Л. : Наука, 1966. – 243 с.
11. Анучин, Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» : археолог.-этногр. этюд [Текст] / Д. Н. Анучин. – М. : Тип. и Словолития О. О. Гербек, 1890. – 89 с.
12. Апполова, Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в [Текст] / Н. Г. Апполова. – М. : Наука, 1976. – 371 с.
13. Арктическая политика: человеческое измерение [Текст] ; под ред. В. И. Бакштановского /АН СССР. Сибирское отд-ние. Ин-т проблем освоения Севера. – Тюмень, 1990. – 114 с.
14. Артюхов, А. В. Семья северян: традиционность и инновации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера) [Текст] / А. В. Артюхов, Б. С. Павлов, А. В. Стожаров. – Екатеринбург-Салехард : Институт экономики УрО РАН. – 1999. – 208 с.
15. Арутюнов, С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма [Текст] / С. А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 4. – С. 41–56.
16. Арутюнян, Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание [Текст] / Ю. В. Арутюнян // Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 42–50.
17. Арцишевский, Р. А. Мировоззрение как проблема исторического материализма [Текст] / Р. А. Арцишевский // Мировоззрение: Опыт теоретического анализа. – М. : Наука, 1985. – С. 20–22.
18. Бай. От Волги до Иртыша: Археологическо-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1896 году [Текст] ; [пер. с фр. Е. Н. Маджи]. – Тобольск: Тип. епарх. брат., 1898. – 40 с.
19. Бакштановский, В. И. Общественное мнение о судьбах народов Севера: Поиск справедливого политического решения [Текст]. В. И. Бакштановский, А. Ю. Согомонов, В. А. Чурилов. – Тюмень: Ханты-Мансийск, 1989. – 66 с.
20. Бакштановский, В. И. Конфликт инновации и традиции: дилеммы, ценностные суждения, выбор: По материалам экспертных исследований в Тюменском регионе [Текст]. В. И. Бакштановский, А. Ю. Согомонов – Тюмень, 1990. – 98 с.
21. Баллер, Э. А. Культура. Творчество. Человек [Текст] / Э. А. Баллер. – М.: Наука, 1970. – 286 с.
22. Барбакова, К. Г. Ищите женщину! [Текст] / К. Г. Барбакова, А. И. Баикина, С. М. Мур. – Тюмень : Тюменская правда, 1991.
23. Барбакова, К. Г. Особенности социальных перемещений в регионах нового освоения [Текст] / К. Г. Барбакова, В. А. Мансуров // Региональные проблемы социальной мобильности. – М. : Наука, 1991. – С. 115–124.
24. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.

25. Бахрушин, С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII веке [Текст] / С. В. Бахрушин. – Л. : Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смиловича, 1935. – 86 с.

26. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.

27. Беленкин, И. Ф. Изучение кооперирования и коллективизации сельского и промыслового хозяйства малых народов Крайнего Севера [Текст] ; И. Ф. Беленкин, А. И. Новгородова, А. П. Фетисов // Вопросы истории. – 1978. – № 11. – С. 141–149.

28. Бердяев, Н. А. Воля к жизни и воля к культуре [Текст] / Н. А. Бердяев // Смысл истории. – М., 1990.

29. Бердяев, Н. А. Духовное состояние современного мира [Текст] / Н. А. Бердяев // Новый мир. – 1990. – № 1.

30. Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры [Текст] / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 412 с.

31. Блажевич, Н. В. Универсалии языка науки: философско-методологический анализ. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук [Текст] / Н. В. Блажевич. – Тюмень, 1996. – 54 с.

32. Бобриков, Н. К. Этноэкологический парк как форма защиты коренных народов Севера [Текст] / Н. К. Бобриков, А. А. Дрегалю, П. И. Сидоров, В. И. Ульяновский // Социологические исследования. – 1994. – № 7. – С. 138–140.

33. Богораз-Тан, В. Г. Подготовительные меры к организации малых народностей [Текст] / В. Г. Богораз-Тан // Северная Азия. – 1925. – № 3. – С. 8–16.

34. Бойко, В. И. Социально-экономическое развитие народностей Севера. Программа координации исследований [Текст] / В. И. Бойко. – Новосибирск : «Наука», 1988. – 320 с.

35. Бокачев, И. А. Духовность и общество. Учебно-методическое пособие [Текст]. И. А. Бокачев. – Северо-Кавказский Государственный технический университет, 2001.

36. Борисов, М. Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки) : в 2-х частях [Текст] / М. Н. Борисов. – Рыбинск, 1995. – 165 с.

37. Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1981. – 390 с.

38. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография [Текст] / Бромлей Ю. В. – М. : Наука, 1973. – 284 с.

39. Булгаков, С. Н. Избранные статьи : соч. в 2-х т. [Текст] / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1993. – Т. 2. – 750 с.

40. Варламова-Кэптукэ, Г. Человек – земли соринка [Текст] / Г. Варламова-Кэптукэ // Литературная газета. – 1990. – 24 января.

41. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.

42. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.

43. Вербов, Г. Д. О ненецких шаманах [Текст] Г. Д. Вербов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л. : Наука, 1981. – 29 с.

44. Вереш, П. Этнологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира [Текст] / П. Вереш // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск : Наука, 1990. – С. 72–78.

45. Вереш, П. Этнокультурное развитие угорских народов [Текст] / П. Вереш // Этнокультурное развитие народов Севера: традиции и современность. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 199–203.

46. Видченев, А. С. Развитие народного традиционного искусства ханты и манси [Текст] / А. С. Видченев // Культура народностей Севера: традиции и современность. – Новосибирск, 1986. – С. 199–203.

47. Виндельбант, В. Избранное. Дух и история [Текст] / В. Виндельбант ; [пер. с нем.]. – М. : Юрист, 1995. – 687 с.

48. Вдовин, И. С. Исследование шаманизма народов Сибири и Севера [Текст] / И. С. Вдовин. – М. : Наука, 1973. – 19 с.

49. Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований [Текст]. – М. : Наука, 1970. – 220 с.

50. Вопросы этнокультурной истории Сибири [Текст] ; [под ред. В. М. Кулемзина]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. – 152 с.

51. Встреча родов ханты: Материалы межрегиональной детской этнографической экспедиции «Встреча родов ханты, проживающих на реках Тромъеган, Пим, Лямин, Сыня» [Текст]. – Сургут : ГУП ХМАО «Сургутская типография», 2004. – 120 с.

52. Гарантии и компенсации населению Севера России [Текст]. – М. : Полиграфобъединение, 1993. – 86 с.

53. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос [Текст] / Г. Д. Гачев. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 480 с.

54. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии : в 2-х т. [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1977. – 572 с.

55. Гемуев, И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов [Текст] / И. Н. Гемуев // Этнография Северной Азии. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 86–138.
56. Гемуев, И. Н. Мироззрение манси: Дом и Космос [Текст] / И. Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука, 1990. – 232 с.
57. Гемуев, И. Н. Религия народа манси: Культурные места, XIX–нач. XX в. [Текст] / И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев ; отв. ред. Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1986. – 191 с.
58. Георги, И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов : Ч. I [Текст] / И. Г. Георги. – СПб., 1776.
59. Главные факторы алкоголизации общества в условиях социальных перемен [Текст] // Социологические исследования. – 1997. – № 4. – С. 102–108.
60. Голан, А. Миф и символ [Текст] / А. Голан. – М. : Русслит, 1993. – 375 с.
61. Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров [Текст]. А. В. Головнев. – Екатеринбург : Ур ОРАН, 1995. – 606 с.
62. Головнев, А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири [Текст] / А. В. Головнев. – Новосибирск : НГУ. – 204 с.
63. Головнев, А. В. Этническая специфика современной традиционно-бытовой культуры кондинских манси [Текст] / А. В. Головнев, Н. И. Новикова // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск, 1981. – С. 101–108.
64. Голосовкер, Э. Я. Логика мифа [Текст] / Э. Я. Голосовкер. – М., 1987. – 218 с.
65. Гондатти, Н. Следы языческих верований у маньчжур [Текст] / Н. Гондатти // Труды этнограф. отд. имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. VII. – М., 1886. – 50 с.
66. Гордиенко, А. А. Коренные малочисленные народы и структурная перестройка на Севере (к концепции развития) [Текст] / А. А. Гордиенко, Ю. В. Попков, С. Н. Еремин. – Новосибирск: ИФИЛ СО РАН, 1994. – 44 с.
67. Гумбольдт, фон Вильгельм. Язык и философия культуры [Текст] / Вильгельм фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 449 с.
68. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилев. – Л. : Наука, 1989. – 496 с.
69. Гумилев, Л. Н. Этносфера: История людей и история природы [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М. : Экопрос, 1993. – 544 с.

70. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.
71. Дамения, О. Н. Культура и ее национальные формы [Текст] / О. Н. Дамения // Вопросы философии. – 1981. – № 6. – С. 111–119.
72. Дильтей, В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах [Текст] / В. Дильтей // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 213–255.
73. Дмитриев-Садовников, Дм. На Вахе [Текст] ; Дм. Дмитриев-Садовников // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1916. – Вып. XXVI. – С. 1–15.
74. Добрякова, А. Ф. Остяки [Текст] / А. Ф. Добрякова. – М. : Тип. И. А. Баландина, 1901. – 32 с.
75. Древний город на Оби: история Сургута [Текст]. – Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 1994. – 322 с.
76. Дрегало, А. А. Европейские ненцы: адаптивные возможности и эволюционная пластичность [Текст] / А. А. Дрегало, В. И. Ульяновский // Этнографическое обозрение. 1998. – № 6. – С. 69–77.
77. Дробижева, Л. М. Основные направления изучения национальных отношений [Текст] / Л. М. Дробижева. – М. : Наука, 1979. – 220 с.
78. Дунин-Горкавич, А. А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения [Текст] / А. А. Дунин-Горкавич. – Шадринск : Исеть, 1994.
79. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев [Текст] / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск, 1911. – 140 с.
80. Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории) [Текст]. – Тюмень, 1994. – 244 с.
81. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания [Текст] Э. Дюркгейм // Хрестоматия по истории психологии. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – С. 212–235.
82. Евсюков, В. В. Мифы о Вселенной [Текст] / В. В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1982. – 175 с.
83. Ерасов, Б. С. Социальная культурология : пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / Б. С. Ерасов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 591 с.
84. Задорожный, И. Межэтнические взаимодействия при переходе к рынку [Текст] / И. Задорожный // Общественные науки и современность. – 1991. – № 6. – С. 95–107.

85. Зайдфудим, П. Х. Система социальной реабилитации и адаптации населения Российского Севера (опыт, проблемы) [Текст] / П. Х. Зайдфудим. – М. : Единая Европа, 1995. – 78 с.
86. Закон Российской Федерации «Основы правового статуса малочисленных народов Российской Федерации» [Текст] // Этнополитические исследования. – 1992. – №2. – С. 59.
87. Зиммель, Г. Избранное : в 2-х т. – Т. 1 [Текст]. Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – 670 с.
88. Зиммель, Г. Избранное : в 2-х т. – Т. 2. [Текст] / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – 670 с.
89. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в. [Текст] / С. В. Иванов // Народы Севера и Дальнего Востока.). – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1963. – 494 с.
90. Инфантьев, П. П. На севере диком [Текст] / П. П. Инфантьев. – СПб. : Электро-Тип Н. Я. Статковой Б. Г. – 101 с.
91. Инфантьев, П. П. Путешествие в страну вогулов [Текст] / П. П. Инфантьев. – СПб. : Изд. Н. В. Ельманова, 1910. – 198 с.
92. Исакова, Н. В. Культура народностей Севера: Философско-социологический анализ [Текст] / Н. В. Исакова. – Новосибирск, 1988. – 240 с.
93. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев [Текст] / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск, 1911. – 140 с.
94. История и культура хантов [Текст] ; под ред. Н. В. Лукиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 162 с.
95. Каган, М. С. Еще раз о взаимоотношении науки и искусства [Текст] / М. С. Каган // Философские науки. – 1979. – № 2. – С. 37–46.
96. Каплан, Н. И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока [Текст] / Н. И. Каплан. – М. : Просвещение, 1980. – 125 с.
97. Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2 [Текст] / К. Ф. Карьялайнен ; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.
98. Кассирер, Э. Лекции по философии и культуре [Текст] / Э. Кассирер // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 104–163.
99. Кассирер, Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы [Текст] / Э. Кассирер // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 163–212.

100. Кастрен, А. Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем, составленный Др. М. Александром Кастреном [Текст] / А. Кастрен. – Тобольск : Тип. Епарх. Братства, 1902. – 125 с.
101. Кастрен, А. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). Собрание старых и новых путешествий. Ч. 2. [Текст] / А. А. Кастрен. – М., 1860.
102. Касум-Ех Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории [Текст] / Касум-Ех. – Шадринск : Исеть, 1993. – 112 с.
103. Кисилев, А. А. Советские саамы: История, экономика, культура [Текст] / А. А. Кисилев, С. А. Кисилева. – Мурманск : Кн. изд-во, 1979. – 160 с.
104. Концепция развития профессионального образования в Ханты-Мансийском автономном округе [Текст] / под научной редакцией акад. И. Н. Карнаухова, Г. С. Корепанова. – Тюмень : Вектор Бук, 1997. – 24 с.
105. Концепция региональной политики социально-экономического развития малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе (на международное десятилетие коренных народов Мира) [Текст]. – Екатеринбург, Ханты-Мансийск : Ханты-Мансийская типография, 1996. – 122 с.
106. Косарев, А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость : учебное пособие для вузов [Текст] / А. Косарев. – М. : ПЭР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 230 с.
107. Кориков, Л. Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа : очерк [Текст] / Л. Кориков. – Тюмень, 1898. – 24 с.
108. Кравченко, А. И. Социология : учебник [Текст] / А. И. Кравченко. – М. : ООО «ТК Велби», 2003. – 536 с.
109. Кряжков, В. А. Право коренных малочисленных народов на земли (территории) [Текст] / В. А. Кряжков // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 68–70.
110. Кузнецова, А. И. Очерки по селькупскому языку: Тазов. диалект [Текст] / А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 411 с.
111. Кулемзин, В. М. К истории шаманизма восточных хантов [Текст] / В. М. Кулемзин // ИИС.– 1973.– Вып. 6. – С. 228–238.
112. Кулемзин, В. М. Медвежий праздник у ваховских хантов [Текст] / В. М. Кулемзин // Материалы по этнографии Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. – С. 93–98.
113. Кулемзин, В. М. Человек и природа в верованиях хантов [Текст] / Кулемзин, В. М. – Томск : ТГУ, 1984. – 192 с.

114. Кулемзин, В. М. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX и начале XX вв. (этнографические очерки) [Текст] / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. – 223 с.
115. Культура – человек – философия: к проблеме интеграции и развития [Текст] // Вопросы философии. – 1982. – № 1. – С. 34–53.
116. Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири: Межвузовский сборник научных трудов [Текст]. – Новосибирск : НГПИ, 1989. – 144 с.
117. Культурология XX в. Антология [Текст]. – М. : Юрист, 1991. – 257 с.
118. Культурология : словарь [Текст]. – Изд. 2-е. – М. : Академический Проект, 2001. – 672 с.
119. Культурология : учебник [Текст] ; [под ред. Ю. Н. Соловьева, М. С. Кагана]. – М. : Юрайт-Издат, 2005. – 556 с.
120. Куриков, В. М. Российский Север: Проблемы, вопросы, решения. Краткий социально-экономический очерк [Текст] / В. М. Куриков. – СПб. : ТОО «Алфавит», 1996. – 104 с.
121. Куриков, В. М. Социально-экономические основы ареалов малочисленных народов Севера [Текст] / В. М. Куриков. – Екатеринбург : Ур ОРАН, 1995. – 58 с.
122. Куриков, В. М. Социально-экономические проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера [Текст] / В. М. Куриков. – СПб. : ТОО «Алфавит», 1999. – 127 с.
123. Куриков, В. М. Стратегия развития северных этносов [Текст] / В. М. Куриков. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 1999. – 298 с.
124. Ларченко, С. Г. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе [Текст] / С. Г. Ларченко, С. Н. Еремин. – Новосибирск : Изд-во Наука, 1991. – 240 с.
125. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
126. Леви-Строс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1983. – 536 с.
127. Лойфман, И. Я. Основы гносеологии [Текст] / И. Я. Лойфман, М. Н. Руткевич. – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – 176 с.
128. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
129. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло [Текст] / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1994. – 431 с.
130. Лотман, Ю. М. Избранные статьи (1992-1993) [Текст] / Ю. М. Лотман // Язык. Семиотика. Культура. – М. : Гнозис, 1994. – С. 353–430.

131. Лукина, Н. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов [Текст] / Н. В. Лукина // Культурные традиции народов Сибири. – М. : Наука, 1986. – с. 121–138.

132. Лукина, Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа) [Текст] / Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 359 с.

133. Лукинский, А. Путешествие к вогулам [Текст] / А. Лукинский // Из очерка ботаника Н. В. Сорокина. – Казань : Тип. Ун-та, 1872. – 15 с.

134. Малахов, С. П. Безработные Югры: социальный портрет [Текст] / С. П. Малахов. – Сургут : Информационно-издательский концерн «Северный дом», социологический центр администрации Ханты-Мансийского автономного округа, 1995. – 130 с.

135. Малочисленные народы Севера СССР: Итоги жизни в империи и перспективы развития [Текст] // Социологические исследования. – 1992. – № 4. – С. 39.

136. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука [Текст] / Э. С. Маркарян. – М. : Мысль, 1983. – 284 с.

137. Маркс, К. Собр. соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политическая литература, 1964. – Т. 46, ч. 1.

138. Мархинин, В. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа) [Текст] / В. В. Мархинин, И. В. Удалова. – Новосибирск : Наука, 1996. – 191 с.

139. Мархинин, В. В. Этнос в ситуации выбора будущего: по материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. [Текст] / В. В. Мархинин, И. В. Удалова. – Новосибирск : Наука, 1993. – 203 с.

140. Межуев, В. М. Культура как проблема философии [Текст] / В. М. Межуев // Культура, человек и картина мира. – М. : Наука, 1987. – 13 с.

141. Мировоззрение финно-угорских народов : сб. науч. тр. [Текст] / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии ; отв. ред. И. Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 216 с.

142. Мифы, предания, сказки ханты и манси [Текст] / [сост. Н. В. Лукина]. – М. : Наука, 1990. – 568 с.

143. Мифологии древнего мира [Текст]. – М. : Наука, 1977. – 512 с.

144. Мкртумян, Ю. И. Основные компоненты культуры этноса [Текст] / Ю. И. Мкртумян // Методологические проблемы исследования этнических культур : Материалы симпозиума. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1978.

145. Молданов, Т. Боги земли казымской [Текст] / Т. Молданов, Т. Молданова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 114 с.

146. Моррис, Ч. Основания теории знаков [Текст] / Ч. Моррис // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.

147. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства [Текст] / Я. Мукаржовский ; [пер. с чеш.]. – М. : Искусство, 1994. – 605 с.

148. Мурашко, О. А. Этноэкологический рефигиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера [Текст] // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 83–94.

149. Народы Севера в современном мире: взгляды и позиции [Текст] // Советская этнография. – 1988. – № 5. – С. 146–151.

150. Народы Сибири: права и возможности [Текст] / отв. ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 168 с.

151. Национальный состав и владение языками, гражданство [Текст]. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. – 1130 с.

152. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области [Текст]. – Тюмень : Тюменский областной комитет статистики, 1995. – 33 с.

153. Немысова, Е. А. Этнокультурное содержание образования обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа [Текст] / Е. А. Немысова // Северный регион: наука, образование, культура. – 2000. – № 1. – С. 46–49.

154. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра [Текст] / Ф. Ницше. – М. : Интербук, 1990. – 301 с.

155. Новикова, Н. И. Религиозные представления манси о мире [Текст] / Н. И. Новикова // Духовная культура Сибири: проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории. – Тюмень, 1994. – 244 с.

156. Новицкий, Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. [Текст] / Г. Новицкий. – СПб., 1884. – 109 с.

157. Оборотова, Е. А. Народы Севера в современном мире: взгляды и позиции [Текст] / Е. А. Оборотова // Советская этнография. – 1988. – № 5. – С. 146–151.

158. Обские угры на пороге третьего тысячелетия. Опыт. Проблемы. Развитие. [Текст]. – Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2001. – 112 с.

159. Огрызко, И. И. Христианизации народов Тобольского Севера в XVIII в. [Текст] / И. И. Огрызко. – Л. : Учпедгиз, 1947. – 148 с.

160. Окладников, А. П. Исторические корни культур народностей Севера [Текст] / А. П. Окладников // Культура народностей Севера: традиции и современность. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 13–18.

161. Опыт русско-вогульского словаря и переводов на вогульский язык [Текст] ; [сост. К. Словцов]. – Тобольск, Тип. Епарх. Братства, 1905. – 34 с.

162. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 80–82.

163. Основные направления сохранения историко-культурного наследия и принципы формирования системы культурного обслуживания Обского региона Ханты-Мансийского автономного округа : региональная программа [Текст] / [год ред. М. Б. Гнедовского]. – М., 1995. – 79 с.

164. От патернализма к партнерству [Текст] / [отв. ред. А. Н. Пилясов] // Строительство новых отношений народов Севера и государства. – Магадан, 1998. – 199 с.

165. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. IV. Ч. 3 [Текст] / П. С. Паллас. – СПб., 1788. – 624 с.

166. Патрикеев, Н. Б. Югра: веки жизни : краеведческий очерк [Текст] / Н. Б. Патрикеев. – Ханты-Мансийск, 1995. – 121 с.

167. Перевалова, Е. Н. Обские ханты: этническая история [Текст] / Е. Н. Перевалова. – Екатеринбург : Институт археологии и истории УрО РАН, 2005. – 352 с.

168. Планк, М. Религия и естествознание [Текст] / М. Планк // Вопросы философии. – 1990. – № 8. – С. 25–36.

169. Попова, С. С. Мансийская обрядность перевода в иной мир [Текст] / С. С. Попова ; [Под ред. Н. В. Лукиной] // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та. – Вып. 9, 2002. – С. 134–161.

170. Программа профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа: концептуальные модели развития и пути их реализации [Текст] ; [Под науч. ред. акад. Карнаухова Н. Н., акад. Сирина А. Н.]. – Тюмень : Вектор Бук, 1997. – 90 с.

171. Рассел, Б. Человеческое познание. Его сфера и границы [Текст] / Б. Рассел. – Киев : Ника-Центр, 1997. – 560 с.

172. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Г. Риккерт ; [Пер. с нем.]. – М. : Республика, 1998. – 413 с.

173. Риккерт, Г. Ценности жизни и культурные ценности [Текст] / Г. Риккерт. – М. : Логос, 1912–1913. – Кн. 1–2. – С. 1–35.

174. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура [Текст] / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : Северный дом, 1993. – 208 с.

175. Ромбандеева, Е. И., Кузакова, Е. А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский : Пособие для учащихся [Текст] / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. – Л. : Просвещение, 1982. – 360 с.

176. Рунева, Т. А. Средневековая модель отношения человека и мира и ее воплощение в искусстве [Текст] / Т. А. Рунева // Социальные функции искусства и религии (Сравнительная характеристика). – Свердловск : УрГУ, 1976. – С. 78–87.

177. Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения) [Текст]. – Шадринск : Исеть, 1992. – 75 с.

178. Селезнев, А. Г. Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры [Текст] / А. Г. Селезнев // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск : 1995. – 57 с.

179. Силин, А. Н. Тюменский Север – не колония [Текст] / А. Н. Силин // ЭКО. – 1989. – № 7. – С. 69–76.

180. Силин, А. Н. Социокультурное развитие Тюменской области: особенности северного региона [Текст] / А. Н. Силин // Вестник СОАНВШ. – 1997. – № 2. – С. 21–30.

181. Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера [Текст] ; Ред. Б. О. Долгих. – М. : Наука, 1960. – 213 с.

182. Соколова, З. П. Адаптивные свойства культуры народов Севера [Текст] / З. П. Соколова // Советская этнография. – 1991. – № 4. – С. 92–102.

183. Соколова, З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода [Текст] / З. П. Соколова. – М. : Наука, 1983. – 325 с.

184. Соколова, З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров [Текст] / З. П. Соколова // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX–начале XX века. – Л. : Наука, 1971. – С. 211–238.

185. Соколова, З. П. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси) [Текст] / З. П. Соколова. – М. : Наука, 1990. – 208 с.

186. Соколова, З. П. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы [Текст] / З. П. Соколова, Н. И. Новикова, Н. В. Ссорин–Чайков // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 1. – С. 74–89.

187. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин ; [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов] ; [пер. с англ.]. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

188. Социальная организация и культура народов Севера [Текст]. – М. : Наука, 1974. – 292 с.

189. Социокультурная ситуация в Тюменской области: исторический опыт и альтернативы выхода из кризиса [Текст]. – Свердловск : МКАУСП, 1991. – 117 с.

190. Ферреоль, Ж. Социология. Терминологический словарь [Текст] / Ж. Ферреоль. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 160 с.

191. Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы) [Текст]. – М. : Юридическая литература, 1994. – 488 с.

192. Стельмах, В. Г. Тропой слез и надежд. Книга о современных индейцах США и Канады [Текст]. – В. Г. Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко. – М. : Мысль, 1990. – 317 с.

193. Судьбы народов Обь–Иртышского Севера. (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) : сборник документов [Текст]. – Тюмень, 1994. – 318 с.

194. Тайлор, Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. [Текст] / Э. Б. Тайлор. – Смоленск : Русич, 2000. – 624 с.

195. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.

196. Таксами, Ч. М. Проблемы изменения образа жизни. Бытовые, культурные, хозяйственные, экологические [Текст] / Ч. М. Таксами // Советская этнография. – 1990. – № 5. – С. 24–30.

197. Терешкин, Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка [Текст] / Н. И. Терешкин ; АНИ СССР. Ин-т языкознания. – М. ; Л. : Изд-во АН, 1961. – 204 с.

198. Тимофеев, Г. Н. Тайны сибирских шаманов. Из истории шаманизма Югорского края [Текст] / Г. Н. Тимофеев. – Сургут : редакция журнала «Югра», 1996. – 112 с.

199. Титов, А. Сибирь в XVIII веке : сб. старинных рус. ст. о Сибири и прилежащих к ней землях [Текст] / А. Титов ; издал Г. Юдин. – М. : Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. – 216. – XXIII с.

200. Тойнби, А. Дж. Постыжение истории [Текст] / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1992. – 736 с.

201. Токарев, С. А. Ранние формы религии [Текст] / С. А. Токарев. – М. : Политиздат, 1990. – 622 с.

202. Томилов, Н. А. Культура и ее структурные сферы [Текст] / Н. А. Томилов // Культурологические исследования в Сибири. – Омск : Изд-во педагогического института, 2000. – № 1. – С. 39–43.

203. Тощенко, Ж. Т. Социология. Общий курс : 2-е изд., доп. и перераб. [Текст] / Ж. Т. Тощенко. – М. : Прометей, Юрайт, 1998. – 511 с.
204. Львова, Э. Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. [Текст] / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев и М. С. Усманова. – Новосибирск : Наука, 1988. – 225 с.
205. Туен, Т. Культура и этническая непрерывность у аборигенов Северной Европы и скандинавского государства [Текст] / Т. Туен // Советская этнография. – 1990. – № 5. – С. 56.
206. Туровский, М. Б. Философские основания культурологии [Текст] / М. Б. Туровский. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 440 с.
207. Тюменская область: общество и наука (социально-экономическое и этнокультурное развитие) [Текст]; [под ред. В. К. Левашова, Н. Г. Хайруллина]. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2005. – 778 с.
208. Уледов, А. К. К определению специфики культуры [Текст] / А. К. Уледов // Философские науки. – 1974. – № 2. – С. 22–30.
209. Учебный социологический словарь : изд. 3-е, доп., перераб. [Текст]. – М. : «Экзамен», 1999. – 352 с.
210. Федоров, Н. Ф. Критический анализ религиозно-философского знания Н. Ф. Федорова [Текст] / Н. Ф. Федоров. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 135 с.
211. Федоров, Ю. М. Сумма антропологии [Текст] / Ю. М. Федоров. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – Кн. 3: Антропологическая историософия. – 714 с.
212. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
213. Финш, О. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма [Текст] / О. Финш, А. Брэм. – М. : Тип. М. Н. Лаврова и К., 1882. – 255 с.
214. Франк, С. Л. Реальность и человек [Текст] / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1997. – 479 с.
215. Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура : сборник [Текст] / З. Фрейд. – М. : Ренессанс, 1992. – 289 с.
216. Фрэнгер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст] / Дж. Дж. Фрэнгер. – М. : Политиздат, 1983. – 830 с.
217. Фромм, Э. Иметь или быть [Текст] / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1986. – 238 с.
218. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко. – СПб. : А-сэд, 1994. – 406 с.

219. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
220. Хайруллина, Н. Г. Взаимоотношения аборигенного населения Тюменского Севера с участниками нефтегазового освоения [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Нефть и газ. – 1998. – № 1. – С. 116–123.
221. Хайруллина, Н. Г. Динамика этносоциальных процессов на Тюменском Севере [Текст] / Н. Г. Хайруллина ; [под ред. Ю. В. Попкова] // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2000. – С. 97–101.
222. Хайруллина, Н. Г. Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства коренных народов Ханты–Мансийского автономного округа [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Социологические исследования. – 1994. – № 7. – С. 150–153.
223. Хайруллина, Н. Г. Состояние этнических процессов в Ханты–Мансийском автономном округе (мнения участников экспертного опроса) [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Нефть и газ. – 1998. – № 5. – С. 119–126.
224. Хайруллина, Н. Г. Социально-политические инновации и массовое сознание: изменения в оценках и мнениях аборигенного населения [Текст] / Н. Г. Хайруллина ; [под научн. ред. А. Н. Силина]. – Тюмень : Вектор Бук, 1997. – 132 с.
225. Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе [Текст] / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.
226. Хайруллина, Н. Г. Этническая идентификация аборигенных народов Тюменского Севера (результаты социологического исследования) [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Нефть и газ. – 2000. – № 3. – С. 117–125.
227. Харамзин, Т. Г. Изучение социально-экономической ситуации в районах компактного проживания народов Севера в Ханты–Мансийском автономном округе и обоснование моделей хозяйствования и управления экономическими процессами в новых условиях [Текст] / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень, Ханты–Мансийск, 1996. – 46 с.
228. Харамзин, Т. Г. Обские угры (социологические исследования материальной и духовной культуры) [Текст] / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2003. – 221 с.
229. Хрестоматия по культурологии : учеб. пособие [Текст] / Сост. : Д. А. Малетин, И. Т. Пархоменко, А. А. Радугин ; [отв. редактор Радугин А. А.]. – М. : Центр, 1998. – 592 с.

230. Цукор, А. Золотой век Пима [Текст] / А. Цукор. – Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство. – 1997. – 144 с.

231. Чернецов, В. Н. Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов) [Текст] / В. Н. Чернецов. – Л. : Гослитиздат, 1935. – 143 с.

232. Чернецов, В. Н. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка [Текст] ; В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова. – М. ; Л. : Учпедгиз, 1936. – 114 с.

233. Чеснов, Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов [Текст] / Я. В. Чеснов // Советская этнография. – 1970 – № 6. – С. 15–27.

234. Шатилов, М. Б. Ваховские остяки (этнографические очерки) [Текст] / М. Б. Шатилов // Труды Томского краевого музея. – Томск, 1931. – 176 с.

235. Швейцер, А. Культура и этика. [Текст] / [пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Комянского]. – М. : Прогресс, 1973.

236. Шендрик, А. И. Основы теоретической культурологии. Кн. 1. Становление и развитие идеи культуры в западной общественной мысли от античности до конца XX века [Текст] / А. И. Шендрик. – М. : СОЦИУМ, 1999. – 227 с.

237. Шесталов Ю. В организацию непредставленных народов [Текст] / Ю. Шесталов // Стерх. – 1994. – № 1(5). – С. 18.

238. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.

239. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка ; [пер. с англ. под ред. В. А. Ядова]. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

240. Элиаде, М. Космос и история [Текст] / М. Элиаде. – М. : Прогресс, 1987 – 352 с.

241. Элиаде, М. Шаманизм: архаические техники экстаза [Текст] / Элиаде М. – Киев : София, 1998. – 384 с.

242. Элькин, А. П. Коренное население Австралии [Текст] / А. П. Элькин ; [пер. с англ.]. – М. : ИЛ, 1952. – 248 с.

243. Энциклопедический словарь по культурологии [Текст]. – М. : Центр, 1997. – 478 с.

244. Этика Севера: Экспертный потенциал. [Текст] ; [под ред. В. И. Бакштановского. Центр прикладной этики Президиума Тюменского научного центра СО АН СССР]. – Тюмень, 1991.

245. Этнические процессы в современном мире [Текст] ; [отв. ред. Ю. В. Бромлей]. – М. : Наука, 1987. – 446 с.

246. Этнические стереотипы мужского и женского поведения : сб. ст. [Текст] / [отв. ред. А. К. Байбурина, И. С. Кон]. – СПб. : Наука, 1991. – 318 с.

247. Этногенез и этническая история народов Севера [Текст]. – М. : Наука, 1975. – 263 с.

248. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы [Текст]. – М. : Наука, 1988. – 222 с.

249. Этнокультурная история населения Западной Сибири [Текст]. – Томск : Изд-во Томского университета, 1978. – 183 с.

250. Этнокультурные контакты народов Севера : сб. ст. [Текст] / [под ред. Ч. М. Таксами]. – Л. : Наука, 1984. – 114 с.

251. Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения [Текст]. – М. : Наука, 1982. – 242 с.

252. Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера : сб. ст. [Текст] / [отв. ред. И. С. Гурвич]. – М. : Наука, 1985. – 206 с.

253. Юм, Д. Исследование о человеческом разумении [Текст] / Д. Юм. – М. : Прогресс, 1995. – 240 с.

254. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.

255. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов [Текст] / К. Г. Юнг. – М.–Киев : Порт-Рояль-Совершенство, 1997. – 384 с.

256. Юнг, К. Г. Феномен духа в искусстве и науке [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1992. – 320 с.

257. Якобий, А. И. Угасание инородческих племен Тобольского Севера [Текст] / А. И. Якобий. – СПб., 1900. – 38 с.

258. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 229 с.

Приложение 1

Таблица простых распределений по анкете аборигенного населения, проживающего в сельской местности ХМАО в 2001–2002 гг., в процентах к общему числу ответивших

ВОПРОСЫ	Район			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
1. Какие местные духи Вам известны?				
Золотая женщина	31,6	29,1	39,9	32,1
"Обской старик"	29,5	10,6	3,0	31,1
Духи Конды	0,8	0,7	29,3	4,7
Духи северных остяков	1,3	0,0	0,8	0,0
Духи вогулов	0,4	0,0	0,0	0,0
Васюганские духи	11,0	35,5	7,5	16,0
Не знаю	7,8	8,3	8,5	4,2
Другие	18,6	4,3	3,0	1,9
2. Какие всеобщие духи в образе человека Вам известны?				
Лесной дух	26,8	28,5	34,7	24,0
Водяной дух	17,3	14,5	23,9	16,0
Духи неба	21,2	25,3	8,4	24,6
Духи земли	18,2	9,7	12,0	13,7
Духи нижнего мира	1,7	4,3	3,6	13,7
Духи болезни	2,8	4,8	1,8	1,1
Демоны	0,0	2,7	6,0	2,9
Не знаю	0,6	2,1	3,6	1,7
3. Имеются ли у Вас изображения каких-либо духов?				
Имеются	28,6	13,8	5,6	4,6
Не имеются	69,6	79,8	81,5	89,7
Мне это неинтересно	1,8	6,4	12,9	5,7
4. Если имеются, то какие?				
В образе зверюшек	37,5	75,0	33,0	0,0
В образе Иисуса Христа	0,0	0,0	66,7	50,0

В облике родовых духов	62,5	25,0	0,0	50,0
5. Приносите ли Вы дары духам?				
Да, приношу	71,7	42,5	27,4	27,6
Нет, не приношу	28,3	51,1	59,4	66,7
Мне это неинтересно	0,0	6,4	13,2	5,7
6. Если приносите, то какие дары?				
Рюмочку водки и хлеб	1,5	2,7	3,5	3,8
Монету	0,0	2,7	10,3	23,1
Разную пищу	4,5	5,4	24,1	7,7
Семейные угощения	0,0	5,4	10,3	11,5
Домашние угощения	3,0	5,4	27,6	26,9
Дары (ленту, платочек и др.)	4,5	0,0	20,7	26,9
Жертвоприношения местным духам	86,4	78,4	3,4	0,0
7. Посещаете ли Вы священные места?				
Да, посещаю	49,6	26,6	11,2	15,7
Нет, не посещаю	50,4	68,1	76,6	79,5
Мне это неинтересно	0,0	5,3	12,2	4,8
8. Если посещаете, то какие?				
Церковь	0,0	4,0	16,7	33,3
Родовые уголья	16,7	92,0	50,0	58,3
Торум-маа	0,0	0,0	25,0	0,0
Шайтанка	0,0	0,0	0,0	8,3
Кучук	0,0	0,0	8,3	0,0
Луски аким	0,0	4,0	0,0	0,0
Ванзеватский сор	8,3	0,0	0,0	0,0
Вежакары	75,0	0,0	0,0	0,0
9. Известны ли Вам священные деревья?				
Да, известны	69,9	30,9	31,8	40,7
Нет, неизвестны	28,3	64,9	57,0	59,3

Мне это неинтересно	1,8	4,2	11,2	0,0
10. Если известны, то какие?				
Лиственница	3,3	34,2	25,6	13,9
Кедр	3,3	28,9	41,9	23,3
Ель	0,0	0,0	7,0	4,6
Береза	85,7	21,0	11,6	53,5
Рябина	0,0	0,0	2,3	0,0
Осина	0,0	0,0	4,6	0,0
Сосна	0,0	0,0	2,3	0,0
Пихта	7,7	7,9	4,0	2,3
11. Знаете ли Вы о существовании родовых и местных духах?				
Да, знаю	59,3	33,0	13,0	25,6
Нет, не знаю	40,7	62,8	77,8	73,2
Мне это неинтересно	0,0	4,2	9,2	1,2
12. Если знаете, то каких?				
Духи Конды	0,0	10,0	60,0	0,0
Домовой	0,0	10,0	10,0	18,2
Вотчинник	0,0	0,0	10,0	0,0
Щекурья	0,0	0,0	10,0	0,0
Куртова поляна	0,0	0,0	10,0	0,0
Обской старик	100,0	0,0	0,0	9,1
Старик святого городка	0,0	80,0	0,0	72,7
13. Известны ли Вам обряды, связанные со свадьбой?				
Да, известны	18,8	29,8	14,6	15,7
Нет, неизвестны	76,8	66,0	70,9	80,0
Мне это неинтересно	4,4	4,2	14,5	4,3
14. Известны ли Вам обряды, связанные с рождением ребенка?				
Да, известны	22,5	30,8	13,3	19,2
Нет, неизвестны	72,1	62,8	72,4	78,1
Мне это неинтересно	5,4	6,4	14,3	2,7
15. Известны ли Вам обряды, связанные с погребением умершего?				
Да, известны	69,9	61,7	21,5	44,9
Нет, неизвестны	26,6	32,0	65,4	52,6
Мне это неинтересно	3,5	5,3	13,1	2,6

16. Известны ли Вам обряды после погребения?				
Да, известны	75,2	41,5	11,3	45,5
Нет, неизвестны	23,0	51,1	73,6	50,6
Мне это неинтересно	1,8	7,4	15,1	3,9
17. Известны ли Вам обряды, связанные с медвежьим праздником?				
Да, известны	85,0	78,7	20,4	53,6
Нет, неизвестны	12,4	18,1	66,6	44,0
Мне это неинтересно	2,6	3,2	13,0	2,4
18. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные со свадьбой?				
Соблюдаю	4,4	14,9	7,6	5,6
Не соблюдаю	88,5	69,1	90,5	87,3
Затрудняюсь ответить	7,1	16,0	2,0	7,1
19. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные с рождением ребенка?				
Соблюдаю	5,3	23,4	6,7	9,5
Не соблюдаю	86,7	61,7	90,5	85,1
Затрудняюсь ответить	8,0	14,9	2,9	5,4
20. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные с погребением умершего?				
Соблюдаю	42,5	56,4	13,2	30,4
Не соблюдаю	47,8	34,0	84,0	62,0
Затрудняюсь ответить	9,7	9,6	2,8	7,6
21. Соблюдаете ли Вы обряды после погребения?				
Соблюдаю	40,9	39,4	9,4	27,5
Не соблюдаю	44,3	45,7	87,7	65,0
Затрудняюсь ответить	8,9	14,9	2,8	7,5
22. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные с медвежьим праздником?				
Соблюдаю	39,3	59,6	5,6	21,4
Не соблюдаю	46,4	29,8	92,5	66,7
Затрудняюсь ответить	14,3	10,6	1,9	11,9
23. Место жительства				
	27,2	22,6	26,0	21,4

24. Национальность				
Ханты	90,3	7,5	52,8	79,8
Манси	9,7	89,4	44,4	19,1
Другие народы Севера	0,0	3,1	2,8	1,1
25. Возраст				
21–30 лет	49,6	30,8	18,5	7,1
31–40 лет	37,2	35,1	31,5	34,8
41–50 лет	11,5	18,1	35,2	14,6
51–60 лет	1,8	9,6	10,2	10,1
61 и старше	0,0	6,4	4,6	3,4
26. Пол				
Мужской	43,4	28,7	32,4	38,2
Женский	56,6	71,3	67,6	61,8
27. Образование				
Без образования	0,0	3,2	0,9	1,1
Начальное	0,0	4,3	4,6	2,2
Неполное среднее	21,2	8,5	22,2	18,0
Среднее	20,4	34,0	25,0	31,5
Среднее специальное	44,3	43,6	37,0	40,5
Высшее и незаконченное высшее	14,1	6,4	10,2	0,7
28. Сфера занятости				
Традиционные промыслы	8,0	1,1	5,6	4,5
Торговля и общественное питание	7,1	2,1	2,8	1,1
Медицина	6,2	8,5	6,5	7,9
Дошкольное и школьное образование	10,6	13,8	17,6	15,7
Культура	5,3	0,0	4,6	3,4
Органы власти и правопорядка	3,5	5,3	0,0	0,0
Транспорт	3,5	6,4	2,8	4,5

Сельское хозяйство	0,0	0,0	1,9	0,0
Обслуживание	0,0	3,2	8,3	9,0
Социальная работа	0,9	0,0	3,7	0,0
Связь и СМИ	1,8	5,3	2,7	0,0
Строительство	0,9	2,1	1,8	2,2
Студент	6,2	2,1	0,9	0,0
Рабочий	15,0	13,8	7,4	13,5
Домохозяйка	0,9	1,1	0,9	1,1
Пенсионер	6,2	11,7	9,3	6,7
Безработный	23,9	23,4	23,1	30,3
29. Есть ли у Вас предложения по сохранению и улучшению культурно-духовной жизни аборигенного населения?				
Есть	19,57	24,5	28,7	25,8
Нет	80,5	75,5	71,3	74,2

Приложение 2

Таблица простых распределений по анкете аборигенного населения, проживающего в сельской местности ХМАО в 2005 г., в процентах к общему числу ответивших

1. Какие местные духи Вам известны?	
Золотая женщина	30,8
"Обской старик"	14,1
Духи Конды	25,4
Духи Иртыша и Салыма	0,7
Духи Сургутского округа	1,4
Духи северных остяков	15,2
Духи вогулов	6,5
Васюганские духи	1,1
Другие	4,7
2. Какие всеобщие духи в образе человека Вам известны?	
Лесной дух	22,6
Водяной дух	18,6
Духи неба	15,5
Духи земли	18,0
Духи нижнего мира	10,3
Духи болезни	7,4
Демоны	5,4
Дух огня	0,0
Другие	2,1
3. Имеются ли у Вас изображения каких-либо духов?	
Имеются	17,6
Не имеются	73,8
Мне это не интересно	8,6
4. Приносите ли Вы дары духам?	
Да, приношу	46,6
Нет, не приношу	48,1
Мне это не интересно	5,3
5. Посещаете ли Вы священные места?	
Да, посещаю	33,0
Нет, не посещаю	62,2
Мне это не интересно	4,8
6. Если посещаете, то какие?	
Родовые уголья	48,4
Другие (Шаманский сор)	51,6

7. Известны ли Вам священные деревья?	
Да, известны	38,5
Нет, не известны	56,1
Мне это не интересно	5,3
8. Знаете ли Вы о существовании родовых и местных духах?	
Да, знаю	35,1
Нет, не знаю	61,1
Мне это не интересно	3,8
9. Известны ли Вам обряды, связанные со свадьбой?	
Да, известны	35,0
Нет, не известны	60,6
Мне это не интересно	4,4
10. Известны ли Вам обряды, связанные с рождением ребенка?	
Да, известны	36,3
Нет, не известны	61,2
Мне это не интересно	2,5
11. Известны ли Вам обряды, связанные с погребением умершего?	
Да, известны	50,0
Нет, не известны	46,9
Мне это не интересно	3,1
12. Известны ли Вам обряды после погребения?	
Да, известны	44,6
Нет, не известны	51,6
Мне это не интересно	3,8
13. Известны ли Вам обряды, связанные с медвежьим праздником?	
Да, известны	41,5
Нет, не известны	54,1
Мне это не интересно	4,4
14. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные со свадьбой?	
Соблюдаю	21,7
Не соблюдаю	69,4
Затрудняюсь ответить	8,9
15. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные с рождением ребенка?	
Соблюдаю	25,9
Не соблюдаю	62,7
Затрудняюсь ответить	11,4
16. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные с погребением умершего?	
Соблюдаю	41,2
Не соблюдаю	52,1

Затрудняюсь ответить	6,7
17. Соблюдаете ли Вы обряды после погребения?	
Соблюдаю	38,5
Не соблюдаю	4
Затрудняюсь ответить	52,8
18. Соблюдаете ли Вы обряды, связанные с медвежьим праздником?	8,7
Соблюдаю	25,8
Не соблюдаю	61,6
Затрудняюсь ответить	12,6
19. Место жительства	
Белоярский район	23,9
Березовский район	19,1
Кондинский район	35,6
Октябрьский район	21,4
20. Национальность	
Ханты	66,5
Манси	23,9
Ненцы	2,7
Селькупы	0,5
Другая	6,4
21. Возраст	
21–30 лет	32,1
31–40 лет	23,7
41–50 лет	25,8
51–60 лет	7,4
61 и старше	11,0
22. Пол	
Мужской	37,0
Женский	63,0
23. Образование	
Без образования	3,1
Начальное	9,4
Неполное среднее	17,3
Среднее	21,5
Среднее специальное	39,3
Высшее и незаконченное высшее	9,4
24. Сфера занятости	
Традиционные промыслы	5,4
Здравоохранение	2,7
Торговля и обслуживание	

Дошкольное и школьное образование	21,1
Органы власти и правопорядка	3,2
Нефтяная	3,2
Газовая	1,1
Энергетика	1,6
Транспорт	1,1
Сельское хозяйство	1,1
Связь и СМИ	1,6
Местная промышленность	4,3
Рыболовство	3,2
Оленеводство	0,5
Охота	0,0
Временно не работаю	30,3
Студент	3,8
Домашнее хозяйство	1,6
Пенсионер	13,0
Частный предприниматель	1,1

Приложение 3

Таблица простых распределений по анкете аборигенного населения, проживающего в сельской местности ХМАО в 2005 г., в процентах к общему числу ответивших

1. Как, по Вашему мнению, должно жить аборигенное население округа?				
- жить на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом пользоваться всеми благами цивилизации;	58,3			68,4
- жить как население других национальностей, живущих в этом округе;	21,5			28,1
- жить как предки, без всякого вмешательства и изменений.	20,2			3,5
2. Оцените отношения между аборигенным и пришлым населением в Вашем населенном пункте:				
- отношения стабильны и проблемны;	38,3			
- существует определенная степень напряженности;	37,0			
- сильная напряженность, чреватая конфликтами;	6,8			
- затрудняюсь ответить.	17,9			
3. Какие, по Вашему мнению, причины вызывают напряженность в отношениях аборигенного и пришлого населения?				
- экономическая ситуация, различия в размере заработков;	12,2			
- борьба за рабочие места;	17,2			
- вытеснение пришлым населением аборигенного из традиционных промыслов;	8,2			
- разногласия у лиц разных национальностей по вопросу распределения родовых угодий;	6,7			
- ущемление прав аборигенных народов;	12,2			

- предоставление льгот по национальному признаку;	14,9			
- борьба за власть на разных уровнях;	4,7			
- хищническое отношение приезжих к природе Севера;	7,4			
- распределение руководящих постов по национальному признаку;	2,0			
- низкая культура межнационального общения;	3,9			
- особенности обычаев, национального характера аборигенных народов Севера;	3,5			
- затрудняюсь ответить;	6,7			
- другие.	0,4			
4. Чувствовали ли Вы на себе антипатию или неприязнь по национальным мотивам?				
- никогда не сталкивался;	27,6			40,4
- сталкивался часто;	16,0			10,5
- сталкивался редко;	41,1			38,6
- затрудняюсь ответить.	15,3			10,5
5. Назовите национальность людей, которая вызвала этническую неприязнь?				
- русские;	8,2		22,6	29,0
- азербайджанцы;	21,2		19,2	22,6
- грузины;	10,6			8,1
- евреи;	6,7			0
- чеченцы;	18,0			19,4
- цыгане;	14,9			11,3
- татары;	9,4			3,2
- другие.	11,0			6,4
6. Играет ли роль национальность Ваших коллег по работе или учебе?				
- предпочитают работать или учиться в коллективе, состоящим исключительно из представителей "своей" национальности;	17,6			5,4

- не обращаю внимание на национальность окружающих;	55,3			82,1
- предпочитаю работать и учиться в многонациональном коллективе;	27,0			12,5
7. Как изменились отношения между аборигенным и пришлым населением за последние годы?				
- значительно ухудшились;	21,2		-	-
- несколько ухудшились;	22,5		-	-
- не изменились;	34,4		-	-
- несколько улучшились;	16,2		-	-
- существенно улучшились.	5,6		-	-
8. Существует ли опасность для аборигенных народов Севера утратить свою национальную самобытность?				
- такая опасность существует;	42,3		49,6	54,4
- такая опасность существует, но не стоит ее преувеличивать;	19,0		33,1	24,6
- такой опасности нет;	4,9		0,6	5,3
- никогда об этом не задумывался;	14,1		10,1	8,8
- затрудняюсь ответить.	19,6		6,7	6,0
9. Как, на Ваш взгляд, изменилась возможность выгодно продать рыбу, пушнину, продукцию оленеводства за последние 2-3 года после перехода России к рынку?				
- стала лучше;	6,2		-	-
- стала хуже;	47,8		-	-
- не изменилась;	14,9		-	-
- затрудняюсь ответить.	31,1		-	-
10. Как, на Ваш взгляд, изменилась возможность сохранения пастбищ, промысловых территорий за последние 2-3 года, после перехода России к рынку?				
- стала лучше;	2,4			-
- стала хуже;	52,8			-
- не изменилась;	14,1			-
- затрудняюсь ответить.	30,7			-

11. Как, на Ваш взгляд, изменилась возможность сохранения национальных обычаев, обрядов за последние 2-3 года, после перехода России к рынку?				
- стала лучше;	16,6		-	-
- стала хуже;	40,5		-	-
- не изменилась;	17,2		-	-
- затрудняюсь ответить.	25,8		-	-
12. Как, на Ваш взгляд, изменилась возможность приобретения техники, охотничьего снаряжения за последние 2-3 года, после перехода России к рынку?				
- стала лучше;	22,8			-
- стала хуже;	39,9			-
- не изменилась;	10,1			-
- затрудняюсь ответить.	27,2			-
13. Как, на Ваш взгляд, изменилась возможность оттока работников из традиционных промыслов, оленеводства за последние 2-3 года, после перехода России к рынку?				
- стала лучше;	5,1		-	-
- стала хуже;	37,3		-	-
- не изменилась;	15,2		-	-
- затрудняюсь ответить.	42,4		-	-
14. Как, на Ваш взгляд, изменились взаимоотношения аборигенных народов с людьми других национальностей за последние 2-3 года после перехода России к рынку?				
- стали лучше;	12,7			-
- стали хуже;	25,3			-
- не изменились;	34,2			-
- затрудняюсь ответить.	27,8			-
15. Какие надежды Вы возлагаете на проводимые сейчас в России экономические реформы?				
- улучшится материальное положение моего народа;	20,5			-
- наша молодежь сможет трудиться на современных предприятиях нефтегазового комплекса;	7,8			-

- наша молодежь сможет вернуться к традиционным промыслам, жить как наши предки;	7,8			-
- мой народ снова станет свободным, не будет зависеть от произвола ведомств и властей;	6,0			-
- мой народ сумеет сохранить свои обычаи, культуру и вместе с тем приобщиться к современной промышленной цивилизации, современным профессиям;	21,7			-
- произойдет технико-технологическое обновление промыслов;	5,4			-
- будут решены социальные проблемы;	11,4			-
- улучшатся межнациональные отношения;	7,2			-
- будут решены экологические проблемы;	7,2			-
- будут созданы условия жизни и работы аборигенов в нетрадиционных видах деятельности;	7,2			-
- никаких надежд не возлагаю.	27,7			-
16. Какие опасения возникают у Вас в связи с экономическими реформами, проводимыми сегодня в России?				
- ухудшится материальное положение моего народа;	18,1			-
- нефтегазовые ведомства лишат нас родовых угодий;	16,9			-
- наша молодежь окончательно отвернется от национальных корней, от обычаев и жизни своего народа;	16,9			-
- оленеводство, охотничьи и другие традиционные промыслы окончательно будут погублены в ходе реформ;	10,2			-
- усугубится варварское отношение к природе;	12,0			-

- произойдет дальнейшее повышение безработицы среди аборигенного населения;	19,9			-
- пьянство еще более возрастет;	21,1			-
- разрушится семья, увеличится число разводов;	9,0			-
- никакого влияния не окажут российские реформы на жизнь нашего народа;	9,6			-
- затрудняюсь ответить.	21,1			-
17. Укажите основные источники Ваших доходов?				
- зарплата и надбавки к ней;	46,4			49,3
- выплаты из социальных фондов;	13,3			31,0
- бесплатные услуги и дотации предприятия;	1,1			0,0
- продажа, сдача рыбы;	4,4			1,4
- продажа, сдача меха;	14,4			4,2
- сдача грибов, ягод, орехов и других дикоросов;	1,7			0,0
- продажа продуктов личного хозяйства;	7,2			4,2
- изготовление и продажа продукции традиционных промыслов;	1,7			0,0
- выполнение других работ ("левых") помимо работы на предприятии;	4,4			1,4
- коммерческая деятельность;	0,0			4,2
- другие источники.	5,5			0,0
				4,3
18. Питаетесь ли Вы традиционной для северян пищей (строганиной, мясом оленя и т. п.)?				
- да, постоянно;	28,4			-
- да, но не часто;	30,9			-
- очень редко;	21,6			-
- практически нет.	19,1			-

19. Получили ли Вы родовые угодья в собственность?				
- да;	6,3	-	-	-
- нет, но хотел бы получить;	39,9	-	-	-
- не нуждаюсь;	29,1	-	-	-
- никто из знакомых и родственников не получили.	24,7	-	-	-
20. Какой должна быть, на Ваш взгляд, собственность на промысловые угодья?				
- государственная собственность;	9,4	6,1	7,0	
- государственная собственность, но с индивидуальным владением на правах "родовых угодий";	23,7	58,0	47,4	
- полная частная собственность, т. е. с правом купли-продажи угодий;	16,9	19,8	33,3	
- другой;	1,9	0,0	1,8	
- затрудняюсь ответить.		16,0	10,5	
21. Кто, по Вашему мнению, должен иметь первоочередное право на владение родовыми угодьями?				
- как представители аборигенных народов, так и старожилы, занятые традиционными промыслами, независимо от национальности;	28,7	25,8	40,4	
- только представители аборигенных народов, занятые в традиционных промыслах;	21,3	44,3	36,8	
- только представители аборигенных народов, независимо от их основных занятий;	24,4	24,2	7,0	
- другие;	3,7	0,0	0,0	
- затрудняюсь ответить.	21,9	5,7	15,8	
22. Какие технические средства у Вас имеются?				
- лодка;	15,0			-
- моторная лодка;	26,5			-
- снегоход (мотонарты);	12,3			-
- бензопила;	10,4			-
- пилорама;	1,9			-
- автомобиль;	5,0			-

- мотоцикл;	7,7			-
- нет ничего;	19,2			-
- другие.	1,9			-
23. Работа в каких сферах Вам кажется вообще наиболее привлекательной?				
- традиционные промыслы;	29,7	15,3	18,9	
- нефтегазовая промышленность;	12,9	19,4	3,8	
- лесная и деревообрабатывающая промышленность;	6,4	8,1	3,0	
- сфера образования и культура;	12,3	15,0	25,0	
- здравоохранение;	7,1	13,3	18,2	
- государственная торговля и бытовое обслуживание;	3,2	8,9	3,8	
- частные коммерция и предпринимательство;	5,2	10,0	10,6	
- органы управления;	9,7	7,2	9,9	
- органы правопорядка;	2,6	2,8	6,1	
- другое.	11,0	0,0	0,7	
24. Каким видом традиционной деятельности Вы бы охотнее занимались?				
- рыболовством;	28,3	18,9	24,8	
- охотой;	17,9	18,0	18,3	
- оленеводством;	3,7	7,9	8,8	
- звероводством;	5,8	7,9	5,8	
- изготовлением сувенирных изделий;	10,0	4,0	13,1	
- изготовлением традиционных средств транспорта (лыж, нартов, лодок);	2,5	3,1	1,5	
- переработкой кожного, мехового, пушного сырья;	1,7	8,0	2,2	
- пошивом традиционной коженно-меховой одежды, обуви, головных уборов, украшений;	1,7	13,3	6,6	
- сбором и переработкой ягод, грибов, орехов и других дикоросов;	13,3	17,0	16,1	
- другим;	4,6	0,1	0,0	
- никаким	10,4	1,9	2,8	

25. Как бы Вы оценили состояние природно-сырьевых ресурсов как необходимого условия для ведения традиционного хозяйства в Вашем населенном пункте?				
- хорошее;	10,1			
- удовлетворительное;	32,1			
- истощено частично;	23,9			
- истощено полностью;	6,3			
- подвержено загрязнению нефтепродуктами;	5,7			
- экологическое бедствие;	3,8			
- затрудняюсь ответить.	18,2			
26. Какими формами традиционного хозяйства позволяют заниматься в настоящее время состояние природных ресурсов?				
- рыболовством;	38,8			
- охотой;	23,3			
- скотоводством;	8,4			
- оленеводством;	7,8			
- собирательством;	15,2			
- комплексным природопользованием;	4,8			
- другими.	1,8			
27. Какие организационные формы для традиционных видов деятельности удобней создавать в Вашем населенном пункте?				
- семейные бригады на родовых угодьях;	29,0	23,2	22,1	
- кооперативы;	5,8	3,8	7,1	
- компактные цеха;	15,0	17,5	10,7	
- мастерские;	7,2	10,6	16,4	
- частные предприятия;	10,1	12,1	9,3	
- снабженческо-сбытовые фактории;	13,5	14,5	10,0	
- ассоциации;	3,9	5,8	5,7	
- совместные предприятия;	8,2	12,0	17,1	
- другие.	7,2	0,5	1,6	
28. Какие отрасли и формы хозяйства Тюменского Севера следует государству поддержать сегодня?				
- оленеводство коллективное;	10,8	9,4	11,8	
- родовые общины, занятые традиционным хозяйством;	24,3	23,1	20,1	

- фактории, занятые традиционным хозяйством;	10,2	14,3	12,5	
- добывающие отрасли (нефтедобыча и газодобыча);	4,2	6,9	7,6	
- деревообрабатывающую отрасль;	7,2	4,6	4,9	
- строительство жилья;	27,3	28,0	27,8	
- транспорт;	6,9	7,8	6,9	
- связь;	8,4	6,0	6,3	
- другое.	0,6		2,1	
29. Кому, по Вашему мнению, следует отдавать предпочтение при развитии экономики Севера?				
- местным предпринимателям;	19,9	18,8	33,3	
- российским предпринимателям;	8,5	3,7	3,5	
- государственному сектору;	17,0	34,8	10,5	
- иностранным предпринимателям;	2,3	1,6	1,8	
- всем при равных возможностях;	16,5	20,4	28,1	
- затрудняюсь ответить.	35,8	20,7	22,8	
30. Многие иностранные компании готовы вкладывать капиталы в освоение природных ресурсов округа. Поддерживаете ли Вы эти намерения?				
- полностью поддерживаю;	9,8	4,3	1,8	
- поддерживаю, но считаю, что они должны находиться под контролем государства;	31,4	42,2	49,1	
- иностранные вложения поддерживаю, однако в целом по округу они принесут больше вреда, чем пользы;	7,8	4,3	14,0	
- полностью против;	17,0	24,6	1,8	
- затрудняюсь ответить.	34,0	24,6	33,3	
31. Какому языку научили, собираетесь учить, учите своих детей?				
- русскому;	39,0	28,5	65,8	
- ханты;	46,7	20,3	10,5	
- манси;	6,0	36,7	13,2	
- ненецкому;	2,2	-	0,0	
- коми;	1,6	-	0,0	
- другому.	4,4	14,5	10,5	

32. Какими традиционными навыками своей этнической среды Вы владеете?				
- умею охотиться;	27,1		15,5	9,0
- умею ставить сети;	33,2		17,5	14,4
- умею содержать оленей;	1,4		2,4	2,7
- умею устанавливать чум;	2,2		8,3	3,6
- умею производить домашнюю национальную утварь;	4,0		4,1	7,2
- умею шить национальную одежду, обувь;	3,6		10,4	11,7
- могу обрабатывать шкуры оленя и пушных зверей;	6,1		12,5	13,5
- могу изготавливать сувениры;	6,1		10,9	15,3
- могу изготовить традиционные средства передвижения;	3,2		8,3	2,7
- другими;	1,8		3,0	1,8
- никакими.	11,2		7,1	18,1
33. Выполняете ли Вы национальные обряды?				
- выполняю полностью;	12,9		6,2	3,5
- выполняю частично;	54,8		59,3	31,6
- не выполняю;	18,1		19,7	35,1
- не знаю совсем обрядов.	14,2		14,3	29,8
34. Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?				
- использую постоянно;	10,9		6,2	5,3
- использую редко;	32,0		24,8	7,0
- не использую, но имеются;	9,6		5,9	10,5
- использую в виде украшений, реликвий;	9,0		15,5	21,1
- не использую;	21,1		24,2	19,3
- не имею.	17,3		23,4	36,8
35. Пользуетесь ли Вы национальной одеждой?				
- пользуюсь постоянно;	7,6		10,5	1,8
- пользуюсь по праздникам;	15,9		25,5	19,3
- не пользуюсь, но осталась от старших поколений;	22,3		15,3	15,8
- не пользуюсь;	29,3		28,3	22,8
- не имею.	24,8		20,4	40,3

36. Считаете ли Вы себя верующим?				
- да, я верующий;	36,8		44,3	35,1
- нет, я неверующий;	12,9		15,9	22,8
- ишу дорогу к Богу;	9,7		8,7	8,8
- затрудняюсь ответить.	40,6		31,1	33,3
37. Удовлетворены ли Вы своей национальной принадлежностью?				
- удовлетворен (а);	55,1		76,8	62,5
- не удовлетворен (а);	3,8		1,4	1,8
- трудно сказать;	24,4		11,9	25,0
- не придаю значения своей национальной принадлежности.	16,7		9,9	10,7
37. По каким критериям следует определять национальность человека?				
- по желанию самого человека;	25,3		24,7	25,0
- по родному языку;	21,0		25,8	12,5
- по национальности отца;	23,1		26,6	26,4
- по национальности матери;	14,0		19,8	23,6
- по гражданству;	9,7		2,7	8,3
- по анкетным данным.	7,0		0,4	4,2
38. Какое из приведенных ниже высказываний полнее выражают Ваше понимание национальности?				
- национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя;	22,5		31,2	33,3
- благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, Родине и ее истории;	24,7		16,9	27,5
- каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью;	22,0		36,3	23,2
- национальность это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей;	12,1		6,4	1,5
- не только в будущем, но уже и сейчас понятие национальность в значительной мере устарело;	3,3		0,7	2,9

- человек вправе сам выбирать свою национальность;	9,9		7,8	11,6
- национальность – это то, что объединяет людей, противопоставляет их друг другу.	5,5		1,7	0,0
39. Какие факторы, по Вашему мнению, сближают людей Вашей национальности?				
- государство, в котором мы живем;	9,9		5,6	13,3
- язык, на котором говорим;	22,1		31,2	26,5
- историческое прошлое;	13,6		13,8	12,2
- народные традиции и обычаи;	24,5		28,9	30,6
- особенности поведения;	5,8		1,0	1,0
- особенности национального характера;	7,1		5,6	6,1
- религия;	6,1		2,5	4,1
- внешность;	6,8		4,4	5,1
- конфессиональное единство;	1,0		0,3	0,0
- общность календарных обрядов;	1,7		6,6	1,0
- другое.	1,4		0,0	0,1
40. Какие факторы, по Вашему мнению, различают Вас с людьми других национальностей?				
- государство, в котором мы живем;	2,5		3,8	6,3
- язык, на котором говорим;	22,2		27,8	25,3
- историческое прошлое;	10,2		10,1	7,4
- народные традиции и обычаи;	20,0		29,7	19,0
- особенности поведения;	11,3		3,8	8,4
- особенности национального характера;	9,4		4,7	9,5
- религия;	9,8		10,9	5,3
- внешность;	11,3		6,3	16,6
- конфессиональное единство;	0,4		0,9	1,1
- общность календарных обрядов;	1,4		2,1	1,1
- другое.	1,4		0,0	0,0
41. С какими властными структурами Вы связываете, в первую очередь, свои надежды на перемены к лучшему?				
- России;	15,1		8,8	10,5
- области;	6,3		6,0	1,8

- округа;	38,0		65,1	50,9
- местными органами власти;	20,5		9,1	12,3
- органами национального самоуправления;	13,2		6,3	12,3
- никакими.	6,8		4,7	12,2
42. Какие социально-экономические проблемы волнуют Вас в наибольшей степени?				
- трудоустройство;	16,3		17,1	16,1
- переход на новые методы хозяйствования;	2,6		1,3	0,6
- материальные доходы;	13,1		13,4	12,8
- духовные запросы;	2,1		1,2	2,2
- обеспечение жильем;	12,2		14,6	17,8
- бытовые проблемы;	5,8		3,1	1,1
- обеспечение продуктами;	1,3		1,0	1,1
- воспитание детей;	8,6		3,7	3,9
- образование;	6,9		6,2	10,0
- межнациональные отношения;	1,1		0,7	1,1
- здоровье;	10,3		6,7	8,3
- передача земельных угодий;	1,9		3,2	2,2
- безработица;	10,5		10,6	12,2
- снабжение сырьем;	0,2		0,3	0,6
- переработка продуктов промыслов;	2,6		4,1	1,7
- организация новых форм хозяйствования;	1,1		3,5	0,6
- возрождение традиций.	3,4		9,1	7,7
Расскажите немного о себе				
43. Место жительства				
- Белоярский район;	39,6			0,0
- Березовский район;	60,4			0,0
44. Национальность				
- ханты;	64,6		61,9	66,7
- манси;	12,0		35,8	29,8
- другие.	23,4		0,6	0,0
45. Возраст				
- до 20 лет;	13,2		-	28,6

- 21–30 лет;	26,2		38,2	33,9
- 31–40 лет;	22,5		37,9	16,1
- 41–50 лет;	21,9		14,5	16,1
- 51–60 лет;	14,4		7,0	3,6
- старше 60 лет.	1,9		2,5	1,7
46. Пол				
- мужской;	46,8		43,4	24,6
- женский.	53,2		56,6	75,4
47. Семейное положение				
- женат (замужем);	61,0		56,7	40,4
- холост (не замужем);	23,3		26,8	49,1
- разведен (а);	8,2		10,0	8,8
- вдовец (вдова).	7,5		6,5	1,7
48. Если Вы женаты (замужем), то совпадает ли национальность жены (мужа) с Вашей национальностью?				
- да;	50,8		43,2	14,3
- нет.	49,2		56,8	85,7
49. Как Вы относитесь к межнациональным бракам?				
- положительно;	45,6		51,5	43,9
- отрицательно;	8,2		1,2	0,0
- безразлично;	20,2		28,5	42,1
- согласен на такой брак, но в зависимости от национальности супруга (и);	7,0		16,2	3,5
- затрудняюсь ответить.	19,0		2,6	10,5
50. Ваше образование				
- без образования;	1,2		2,3	0,0
- начальное;	5,0		1,4	1,8
- неполное среднее (7–8 классов);	20,6		13,2	8,8
- среднее;	21,2		27,8	26,3
- средне специальное;	28,7		46,9	22,8
- незаконченное высшее;	9,4		4,2	5,3
- высшее.	13,7		4,2	35,0

51. Где вы работаете?				
- традиционное природопользование (охота, рыболовство, оленеводство)	6,6			0,0
- в нефтегазовой промышленности;	1,8			1,8
- в сфере обслуживания;	3,0			1,8
- в сфере образования;	25,9			8,8
- в сфере культуры;	5,4			10,5
- в здравоохранении;	4,2			0,0
- в системах связи;	3,6			3,5
- в органах власти;	1,8			8,8
- на транспорте;	2,4			0,0
- в строительстве;	2,4			0,0
- в коммерческих структурах;	1,2			0,0
- не работаю;	21,7			17,5
- лесозаготовка;	0,6			-
- дошкольное учреждение;	5,4			-
- пенсионер;	8,4			-
- другое.	4,2			47,3
52. В какой степени Вы владеете родным языком?				
- владею свободно, разговариваю, пишу;	22,6		17,0	12,3
- разговариваю и могу читать;	19,5		29,2	10,5
- только разговариваю;	17,6		16,2	5,3
- языком не владею;	13,2		13,9	35,1
- не знаю, но хочу выучить;	3,1		9,6	8,8
- не знаю и изучение языка не входит в мои планы;	1,9		7,9	14,0
- знаю плохо, понимаю, но не говорю;	17,0		-	14,0
- затрудняюсь ответить.	5,0		0,8	0,0
53. Какой язык Вы лучше всего знаете?				
- родной;	16,3		66,7	79,0
- русский;	46,5		13,0	3,5
- родной и русский.	37,1		-	0,0
54. Ваш язык детства?				
- родной;	28,0		66,7	79,0
- русский;	39,1		13,0	3,5

- родной и русский.	32,9		-	0,0
55. Назовите язык, на котором Вы обычно говорите дома?				
- родной;	8,1		66,7	79,0
- русский;	65,2		13,0	3,5
- родной и русский.	26,7		-	0,0
56. Назовите язык, на котором общаетесь на работе?				
- родной;	3,1		66,7	79,0
- русский;	78,6		13,0	3,5
- родной и русский.	18,2		-	0,0

Приложение 4

Динамика численности населения Тюменской области
по национальному составу

Таблица 2

Национальность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.		2002 г.	
	Общее число	в %	Общее число	в %						
Всего население, в т. ч.	1092126	100	1406101	100	1885184	100	3097657	100	3264841	100
Русские	894008	81,9	1114053	81,2	1492516	79,2	2248254	72,6	2336520	71,6
Ненцы	14828	1,3	18769	1,3	19008	1,0	22619	0,7	27965	0,9
Ханты	17219	1,5	19491	1,4	18762	1,0	20371	0,6	26694	0,8
Манси	5829	0,5	7026	0,5	6727	0,3	7268	0,2	10561	0,3
Селькупы	1255	0,1	1751	0,1	1704	0,1	632	0,005	1857	0,06
Коми, коми- пермяки	10256	0,9	10606	0,7	12476	0,6	14541	0,5	13952	0,4

Таблица 5

Распределение коренного населения ХМАО по полу и состоянию в браке (2002 г.) [46]

Национальность	Мужчины в возрасте 16 лет, указавших состояние в браке	В том числе					В том числе									
		Состоявшие в браке	Из них		Никогда не состоявшие в браке	Вдовы	Разошедшиеся	Не указавшие	Женщины в возрасте 16 лет и более, включая женщин до 16 лет, указавших состояние в браке	Состоявшие в браке	Из них		Никогда не состоявшие в браке	Вдовы	Разошедшиеся	Не указавшие
			В зарегистрированном	В незарегистрированном							В зарегистрированном	В незарегистрированном				
Ханты	4801	2314	1810	504	2061	161	239	6292	3326	2544	782	1678	780	485	23	
Манси	2694	1338	1054	284	1098	102	139	3675	2017	1602	45	9025	455	290	11	
Ненцы	379	215	163	52	135	12	15	488	277	217	60	116	71	21	3	
Коми	1051	673	592	81	276	41	59	1465	856	746	11	222	27	10	7	

Таблица 6

Распределение занятого русского и коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по уровню образования по переписи 2002 года [46]

Национальность	Всего занятое население	В том числе с образованием							Не имеющие начального	Не указано образование
		Послевузовское	Высшее	Незачетное высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Незачетное среднее	Начальное		
Русские	742455	1665	126012	28905	338691	14027	82749	21082	1486	1638
Ханты	11581	16	733	228	3470	2183	3068	1635	216	32
Манси	6661	15	491	122	2357	1335	1687	580	67	7
Ненцы	908	1	49	15	279	180	238	120	23	3
Коми	2564	2	230	54	1099	453	421	268	30	7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1.....	13
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА.....	13
ГЛАВА 2.....	72
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА.....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	134
Приложение 1	152
Таблица простых распределений по анкете аборигенного населения, проживающего в сельской местности ХМАО в 2001–2002 гг., в процентах к общему числу ответивших	152
Приложение 2.....	158
Таблица простых распределений по анкете аборигенного населения, проживающего в сельской местности ХМАО в 2005 г., в процентах к общему числу ответивших.....	158
Приложение 3.....	162
Таблица простых распределений по анкете аборигенного населения, проживающего в сельской местности ХМАО в 2005 г., в процентах к общему числу ответивших.....	162
Приложение 4.....	179

**Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок**

Харамзин Терентий Герасимович
Алгядьева Тамара Михайловна

Научное издание

**Традиционное мировоззрение
обских угров**

Редактор, дизайн Харамзин В. Т.
Корректор Юрукина Г. Н.
Верстка Семенов И. С.

Подписано в печать 25.11.2010
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 11,4. Тираж 300 экз. Заказ № 108.

Отпечатано в Информационно-издательском центре
Югорского государственного университета,
628012, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16